

ПИОНЕР

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 год

7

**ДЕЛЕГАТАМ ФЕСТИВАЛЯ —
ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ!**

PIONEER GREETINGS TO THE FESTIVAL DELEGATES!

少年兒童隊員向世界聯歡節代表致敬！

SALUT DES PIONNIERS AUX DÉLÉGUÉS DU FESTIVAL!

समारोह के प्रतिनिधियों को पायोनियरों का स्वागत!

DIE JUNGPIONIERE GRÜSSEN DIE FESTIVALTERNEHMER!

フェスティバルの皆さんへピオネルの挨拶を！

**ПИОНЕРСКИ ПРИВЕТ НА ДЕЛЕГАТИТЕ
НА ФЕСТИВАЛА!**

PIONÉRÜDVÖZLET A FESZTIVAL KÜLDÖTTEINEKI

فتیان وفتیات الطلائع یرحبون بوفود المهرجان!

**¡SALUDOS DE LOS PIONEROS A LOS DELEGADOS
DEL FESTIVAL!**

PIONYRI ZDRAVI DELEGATY FESTIVALUI

PIONEERITERVEHDYS FESTIVAALIVALTUUSKUNNALLE!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

ИЮЛЬ

№ 7 1957

В этом номере:

	Стр.
Что такое фестиваль?— А. Аджубей	2
Веселое путешествие.— Ю. Новикова	5
Первая ступень.— Рассказ М. Бременера. Рисунок О. Коровина	12
Шутки, небылицы, веселые стихи.— Рисунки А. Брея	27
Необыкновенные гости.— Е. В. Сперанский. Рисунок О. Зотова	30
Дорога к подземным богатствам.— А. Некрасов. Рисунок В. Цельмера	33
Тысяча ответов на три вопроса	38
Решая вопрос о будущем.— К. Кочетков	45
Цирк на фестивале.— В. И. Колесников	49
Сказки разных народов.— Рисунки О. Зотова	50
Колька-премьер.— Повесть Н. Дуровой. Рисунки Г. Филипповского	55
Великий песенник Франции.— И. Халтурин	68
Старый напрал.— Пьер Жан Беранже	71
Приключения «ПУ-1».— Рисунки П. Сыроежкина	72
Хорошо быть спортсменом.— В. Кречетова	73
Страничка коллекционера	78
В часы досуга	80

На обложке:
Рисунок И. Вилковир
«Добро пожаловать, дорогие гости!».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Нет на свете праздников веселее, чем фестивали молодежи.

А. Аджубей

Кажется, очень просто ответить на этот вопрос. О фестивалях столько сложено песен, столько написано рассказов, поставлено фильмов! Ведь Московский фестиваль молодежи и студентов будет шестым по счету! И все-таки, когда меня

спросили, что такое фестиваль, я задумался и поймал себя на том, что не могу ответить сразу, хотя и был на двух таких праздниках.

— Э, да вы уже проговорились, — это праздник!

В самом деле, фестиваль — праздник. Само слово «фестиваль» так и переводится — «праздник».

Вот как будто можно и остановиться. Каждый знает, что скрывается за этим словом; каждый в своей, пусть даже очень небольшой, жизни бывал уже на праздниках.

Но фестиваль — особый праздник, не похожий ни на какие другие. Он всегда проходил неповторимо, оставляя в памяти множество воспоминаний о различных встречах и случаях.

Невозможно одному человеку увидеть все, что происходит на улицах, площадях, в парках, в залах, на стадионах и спортивных площадках города всемирной встречи молодежи. Помню, во время четвертого фестиваля, в Бухаресте, журналисты подсчитали, что, если бы кто-нибудь захотел побывать всюду, послушать все концерты, посмотреть все фильмы, побывать на многочисленных диспутах и встречах, ему бы потребовалось на это чуть ли не девяносто лет!

А ведь фестиваль длится всего пятнадцать дней!

И за такой короткий срок вы можете совершить путешествие в десятки самых разных, лежащих за тысячи километров друг от друга стран. Сел на троллейбус или трамвай — и, пожалуйста, приехал из Египта в Японию, из Африки в Австралию или, скажем, в Англию. Вот идешь по бульварам и, если у тебя есть хоть капля воображения, незаметно для себя пересекаешь границы стран и материков: перед тобой молодые люди в белых бурнуках, в пестрых халатах, в шитых золотом бархатных курточках, в коротких трусиках или пышных, будто надутых ветром, шароварах. Каждый новый человек — новая страна.

Приглядись повнимательнее к людям, послушай их песни, посмотри их танцы, а главное, постарайся понять и почувствовать, о чем говорят их глаза. В самом деле, это удивительно и прекрасно: вдруг в одном городе увидеть весь мир.

Вот мы и пришли к ответу на вопрос, что такое фестиваль. Это прежде всего ПРАЗДНИК ВСЕМИРНЫЙ.

На фестиваль приезжают тридцать — сорок тысяч гостей из разных стран мира. Но думают о нем миллионы. Юноши и девушки, где бы они ни жили, какого бы цвета ни была у них кожа, каких бы политических взглядов они ни придерживались, — рабочие и студенты, служащие и крестьяне — шлют фестивалю свой привет, свои добрые пожелания.

Конечно, многим делегатам не просто приехать на фестиваль. И дело не только в расстоянии и в средствах на поездку. Есть люди, которые боятся встреч молодежи, они мешают молодежным организациям всего мира проводить фестивали. Почему? Чуть-чуть потерпите с ответом.

Никогда не забуду я, как на сцене одного из бухарестских театров во время митинга, посвященного дружбе молодежи, выступил юноша из Чикаго. Он стоял в глубине сцены. Свет в зале погасили, лишь едва мерцала рампа. Фамилию юноши не объявили. Он сам просил об этом. Юноша говорил тихо и медленно, но слова его проникали во все уголки огромного помещения, как если бы у каждого из нас были невидимые наушники.

— Кое-кто, — говорил юноша, — собирается представить нас, молодых американцев, потерянном, беспомощным поколением, которому нечего сказать о себе, которое подчинилось власти капитала и безропотно сносит все несправедливости американской жизни. Это неправда! — горячо и дерзко воскликнул юноша.

И зал повторил за ним, как громовое эхо: «Неправда, неправда!».

И в этот миг сверкнула вспышка. Какой-то фотограф, хотя снимать американского юношу не разрешили, щелкнул затвором аппарата. Его попытались задержать, но он скрылся. А спустя некоторое время после

День девушек на III фестивале. Раймонда Дьен обняла маленькую берлинскую девочку.

Мир заключен в Корее. Люди разных стран славят отважных бойцов, добившихся для своей родины мира и свободы.

фестиваля газеты принесли страшное известие: в Чикаго на виду у всех был задавлен грузовым автомобилем «неизвестный молодой человек двадцати двух лет». Газета сообщила, что он стал жертвой автомобильной катастрофы...

Так расправились со смелым юношей из Чикаго, который сказал своим друзьям то, что думал. История фестивалей прекрасна и героична. Фестивали — самые веселые праздники на земле, хотя есть в них и много сурового. Вспомните хотя бы короткое газетное сообщение из Чикаго. И только ли оно? Не раз участников праздника сразу по возвращении домой арестовывали, многих увольняли с работы, запрещали им учиться, изгоняли из спортивных обществ и молодежных организаций.

Это действовали те, кто боится радостного, замечательного слова, написанного на знамени фестиваля, — «МИР».

Оно привлекает миллионы молодых людей. С ним связаны незабываемые минуты на фестивалях

Помнится, в Бухаресте мы узнали о мире в Корее.

Разве плачут на веселых праздниках? А тут люди плакали от радости и не стыдились своих слез. Плакали корейские юноши и девушки, плакали и те, кто жил далеко от этой многострадальной страны. С особой силой звучали в тот день песни на улицах Бухареста, как будто певцы хотели, чтобы их голоса услышали на развалинах Пхеньяна, на рисовых полях, в маленьких деревушках и на дорогах Кореи. И сутки, целые сутки, вились по площадям, переулкам и улицам нескончаемые хороводы. Я видел, как во главе группы ликующей молодежи несли на руках корейского паренька в выгоревшей военной форме, с ленточками орденов на груди. И тысячи бухарестцев, стоявших на тротуарах, осыпали его розами. Так славил простыми людьми сына страны, победившей в справедливой войне.

Радовались французы и американцы, русские и англичане, бельгийцы и малайцы, поляки и чехи — все, все, все!

И потому на знамени фестиваля стоит еще одно слово, знакомое нам с детства, — «ДРУЖБА».

На молодежных всемирных праздниках мира раскрывается великий человеческий смысл этого слова.

Из далекой Аргентины приехала на фестиваль в Варшаву балерина Мариерра Ф. У нее не было ни денег, ни визы, и она пряталась в трюмах грузовых пароходов, ее везли тайком проводники поездов многих стран мира. Многие люди помогали ей добраться до Польши, чтобы смогла она показать на фестивале танцы своей родины и рассказать молодежи о своем народе. У Мариерры не было ни концертного платья, ни балетных туфель. Не было музыкантов, которые могли бы аккомпанировать ей, а до открытия фестиваля оставалось всего пять дней.

И вот однажды, когда мы с друзьями гуляли в варшавском парке

Лозенки, мы увидели на поляне Мариерру. Она репетировала с танцорами польского ансамбля «Мазовше». Костюм ей подарили советские девушки. Румынские музыканты выбрали на слух музыку ее танца.

И вот — концерт. Сколько чувства, радости было в танце Мариерры! И даже когда ее танец должен был передавать грусть и страдания, в нем звучало что-то торжественное и мужественное.

На фестивале всё — рассказывают ли делегаты своим друзьям о жизни, о своих намерениях, мечтах и надеждах, идет ли горячий диспут, состязаются ли танцоры, меряются ли силами спортсмены или звучат одна за другой песни, — всё здесь подчинено одной цели: побольше узнать друг о друге, подружиться.

Шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов за мир и дружбу состоится в Москве. Миллионы москвичей, взрослых и маленьких, увидят, что это такое. Миллионы юношей и девушек в нашей стране узнают об этом подробно. Уже сейчас можно сказать, что фестиваль в Москве будет самым грандиозным праздником мира и дружбы молодого поколения нашего времени. Ведь он произойдет в городе, с которым простые парни и девчата всех народов земного шара связывают свои сокровенные мечты о счастливой жизни, о справедливости, о лучшем будущем.

Во имя этого будущего Всемирная федерация демократической молодежи кинула клич: «Юность, под знамена фестиваля!» За это будущее — без войн, без угнетения человека человеком, без страха за завтрашний день — борются лучшие из лучших людей во всех странах.

Они знают: быть вместе — значит стать непобедимыми! Фестиваль поможет даже сомневающимся понять умом и сердцем этот лозунг.

Пройдут незаметно, как минуты, пятнадцать фестивальных дней. В последний раз в темное, летнее небо Москвы взлетят снопы разноцветных ракет. Придет срок, и, как ни грустно расставание, отправятся делегаты в свои страны и будут там рассказывать друзьям и товарищам о московских встречах.

И тогда, наверное, на вопрос «Что такое фестиваль?» можно будет отвечать снова и снова, и все равно не охватишь значения, силы и глубины этой великой встречи дружеской молодежи.

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ю. Новикова

ЖЕНИН АВТОБУС

Сегодня, ребята, клуб «Пионера» закрыт: кому хочется летом сидеть в закрытом помещении?! Давайте лучше совершим с вами одну экскурсию.

Экскурсоводом, или, иначе говоря, гидом, у нас будет Женя-девочка: она так скучает без клуба! Женя-мальчик, тот уехал на рыбалку... Итак, нас поведет Женя-девочка, вон она там стоит с высоким посохом в руке. Точно такие же посохи будут у тех ребят, которые... Но вам об этом в свое время расскажет сама Женя, вы только напомните ей. А сейчас она объяснит вам, куда и зачем мы едем.

— Видите, ребята, открытую машину? Заходите в нее! Да не торопитесь, не толкайтесь, всем хватит места: машина ведь воображаемая... И путешествие у нас тоже будет воображаемое, и все же нам предстанут интересные встречи. Машина повезет нас вперед не только по дороге, но и по времени. Мы с вами поедем навстречу фестивалю.

Все расселись по местам?.. Отлично. Ага, я вижу, среди вас есть люди, уже привыкшие к такому маршруту! Вон там, например, сидят ребята из Приозерска, Ленинградской области. Они давно уже за-

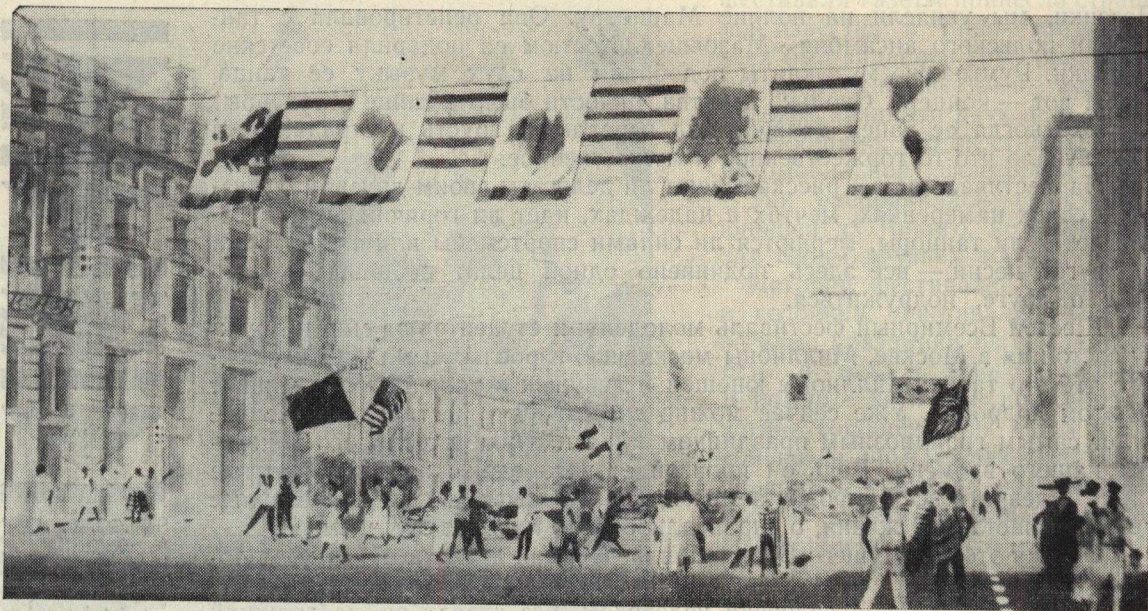
теяли в школе игру «Едем на фестиваль», и день за днем каждый отряд продвигается к Москве на восемь километров. Но они едут вперед только в том случае, если за день в классе не было ни одной двойки; двоечники тормозят общее движение. Надеюсь, двоечников у нас в машине нет...

Итак, вы уже знаете, куда мы едем. А вот откуда же мы выезжаем?.. Мы в Москве, и наша машина стоит как раз против Сельскохозяйственной выставки; вот она, скульптура, изображающая рабочего и колхозницу, — вы все знаете ее хотя бы по киножурналам... А сейчас наша машина пойдет по Мещанской улице...

Этим же путем — от выставки по Мещанской, а потом по Садовому кольцу — поедут десятки тысяч молодых, жизнерадостных людей в день открытия Шестого Всемирного фестиваля молодежи 28 июля.

Ах, какой это будет день! Делегатам подадут открытые нарядные машины. Машин будет около тысячи. Сами подумайте: ведь надо посадить делегации более ста стран!

Такой, по замыслу художников, будет в дни фестиваля улица Горького... Пять континентов, изображенных на транспарантах, говорят о дружбе молодежи пяти частей света.

Машины, увитые зеленью, медленно пойдут вперед; навстречу им загремят оркестры, приветственно зашумит праздничная толпа...

Погодите!.. Девочка, что ты так смотришь на улицу, точно там уже стоят люди, приветствующие открытие фестиваля?! Что? Я ошиблась? Ты наблюдаешь «всамделишную» уличную сценку?.. Это и вправду интересная сценка. Мальчик с красной повязкой на руке подошел к взрослому прохожему, бросившему на тротуар окурок. Мальчик что-то вежливо говорит ему и протягивает листовку.. Понимаю! Это пионер из 346-й московской школы. Ребята этой школы готовят сбор «Москва — город фестиваля» и взялись следить за благоустройством города... Как видите, они держат свое слово.

Но вернемся ко дню открытия фестиваля... Москвичи приветствуют гостей. Из окон домов, с балконов, может быть, даже с крыш сыплется пестрый дождь роз, астр, гвоздик... Недаром ведь Москва вырастила к этому дню восемь миллионов цветов. Среди них есть и ваши цветы, ребята... Одна только 549-я школа подарила фестивалю пятьсот кустов розовых, сиреневых и белых гладиолусов, триста астр, пятьдесят кустов пышных роз. Как ярко сверкают цветы в прозрачном воздухе, красные, лиловые, синие!.. А что это лимонно-желтое? Тоже цветок? Нет, это желтый голубь... Сорок тысяч голубей са-

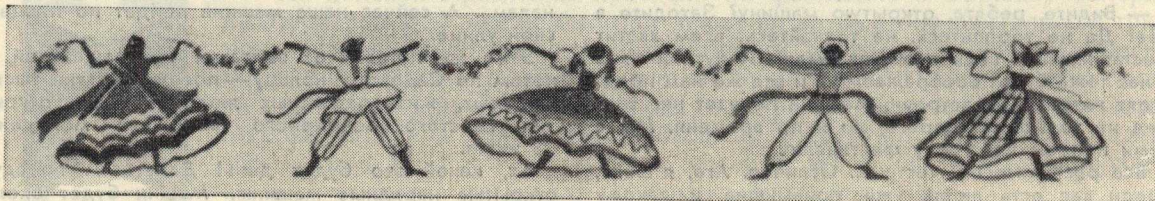
мых разных и удивительных расцветок взвоятся в этот день над праздничной Москвой!

Чему ты улыбаешься, мальчик? Да мы, кажется, с тобой знакомы. Ты Юра Гуськов из 551-й школы, председатель секции голубеводов... Здравствуй, Юра! Сколько голубей вы воспитали и обучили для фестиваля? Пятьдесят?.. Отлично! Молодцы!

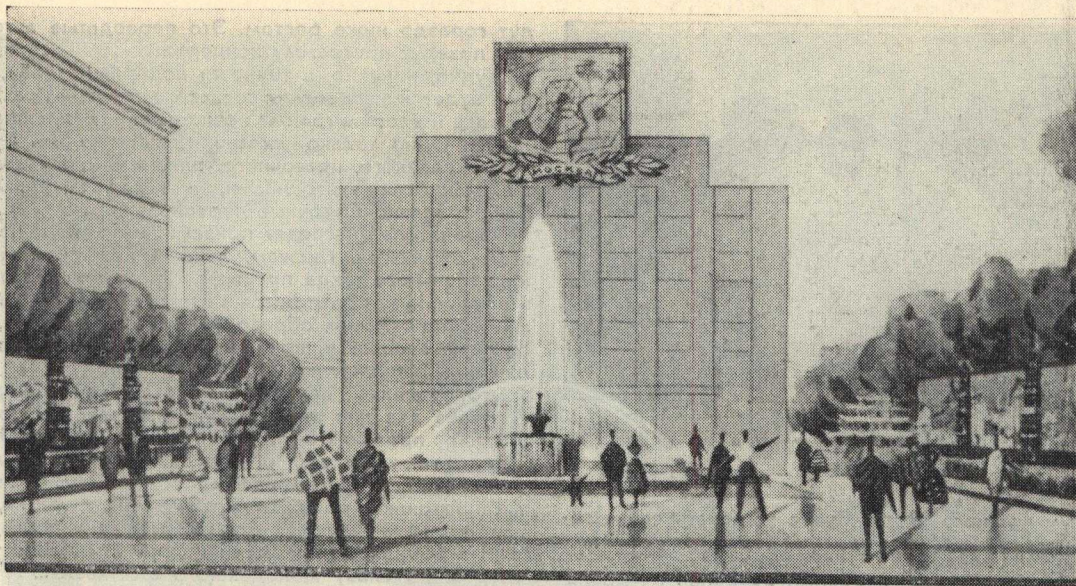
Ну, вот, ребята, мы и на Zubovskoy площади! Здесь останутся машины, делегаты выйдут из них, и красочная, веселая процессия двинется к стадиону имени Ленина... Там, на стадионе, будет поднят флаг фестиваля, и чудеснейший праздник в мире — праздник мира, дружбы, молодости, силы, талантов — будет открыт. Начнутся пятнадцать дней, наполненных необычайными впечатлениями, встречами, беседами, зрелищами — зрелищами, которых хватило бы на несколько лет самой насыщенной человеческой жизни! Вот бы хорошо иметь в эти дни такую же волшебную машину, как наша!.. Тогда сразу можно было бы поспеть и на выставку, и в Парк культуры, и в Сокольники!

Вы только представьте себе: одних концертов в день будет не меньше семидесяти! А спортивные соревнования и игры! А кинофильмы!..

Но юноши и девушки съехались из разных концов мира в Москву не только затем, чтобы веселиться, — им хочется поделиться друг с другом опытом, рас-

Такими веселыми карнавальными фигурками будут украшены уличные фонари.

Вечером над Советской площадью будут вспыхивать контуры карт Москвы в разные века, и тотчас же осветится картинка, показывающая, какой была Москва в то время.

сказать о своей жизни, узнать о жизни других. И вот в дни фестиваля состоится больше двадцати встреч молодых людей одинаковых профессий. В эти дни дружески побеседуют между собой молодые строители, металлурги, шахтеры, железнодорожники, учителя, журналисты, рыбаки и многие другие.

Потолковать друг с другом хочется не только профессионалам-рыбакам, но и любителям рыболовства. А собирателю марок любопытно узнать, какие коллекции есть у его зарубежного собрата... Кроме встреч по профессиям, в дни фестиваля будут встречи по интересам: встречи рыболовов, филателистов, авиамоделлистов, радио-, фото-, кино- и прочих любителей своего дела.

Представьте, как обогатят молодых людей эти незабываемые две недели! И в ярком потоке всех

этих зрелищ и встреч ярче всего светятся дни больших праздников фестиваля. Тут и красочный праздник девушек, и праздник на воде, и еще множество других праздников... О некоторых из них нам расскажут люди, к которым мы сейчас приедем.

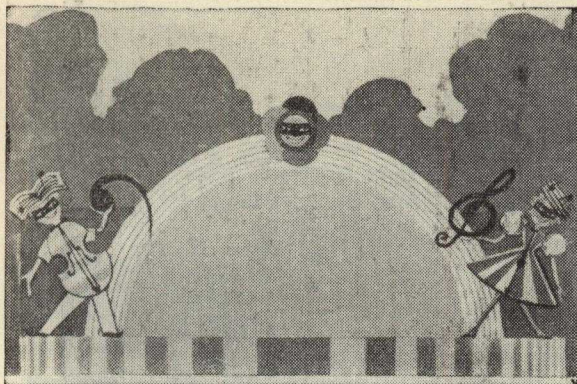
ДВА ПРАЗДНИКА

Мы с вами опять около Сельскохозяйственной выставки. Ничего, воображаемой машине не страшно делать такие концы, ее водитель может и не обдумывать маршрута... Мы остановились возле знакомой скульптуры, вышли из машины, направились к главному входу и...

— Стоп! — говорит нам художник Константин Николаевич Ефимов. — Остановитесь на минуту здесь.

У входа на Сельскохозяйственную выставку гостей встретит Отец Урожай со своими сыновьями.

А это украшения одной из эстрад Сокольнического парка.

Здесь, у главного входа, будет встречать своих гостей Отец Урожай в день праздника сельской молодежи.

Это будет веселый, нарядный праздник изобилия. Лучшим воплощением изобилия нам показался могучий, золотисто-желтый сноп. Вид его близок сердцу всех земледельцев, что бы они ни сажали и ни сеяли: пшеницу, рис или кукурузу...

Слушая Константина Николаевича, мы представляем себе начало праздника. Вот он, Отец Урожай, старик с косматой бородой и ласковым, добродушным лицом, широкой улыбкой встречает он приходящих. А по обе стороны Урожая стоят его четыре сына — юноши в развевающихся длинных мантиях. Волосы у них золотые, цвета спелых злаков, а на мантиях — картинки, по которым можно понять, что изображает каждый из сыновей. Рыбы с переливающейся чешуей и фигуры зверей говорят о том, что перед нами «Охота» и «Рыбоводство». «Земледелие» отличают золотые узоры колосьев, у «Цветоводства» — цветы и овощи, а глядя на изображение домашних животных, на мантии, каждый поймет, что этот юноша воплощает «Животноводство»... Ростом сыновья Урожая в отца, все они высотой в десять метров.

Это, конечно, скульптура. Но когда гости войдут на выставку и рассядутся перед эстрадами, они увидят сыновей Урожая в таких же костюмах и таких же развевающихся мантиях. Только эти сыновья бу-

дут гораздо ниже ростом. Это переодетые актеры, они поведут программу концертов.

Трудно, конечно, в точности вообразить себе, каким будет этот праздник сельского труда, — праздник ведь и хороши своими неожиданностями, сюрпризами... Одно только можно сказать: здесь будет много веселого, красочного, пляски будут сменяться смешными викторинами, а вслед за песнями пойдут всякие шуточные соревнования...

Победителей наградят призами, и призами не совсем обычными. Скажем, лучшей исполнительнице национального танца протянут ветку хлопка, а ветка в одну минуту превратится в пятицветный фестиваль-ный платок. Каким образом, — это уж тайна щедрого Отца Урожая и, конечно, художников, подготовляющих оформление.

Этот веселый праздник намечен на 7 августа. А через два дня здесь же, на выставке, состоится другой праздник — труда, который носит более серьезный характер... В этот день соберутся молодые рабочие, съехавшие со всего мира. Хозяевами праздника, радушно встречающими гостей, будут сто наших лучших производственников, те, которые добились этой чести упорным и доблестным трудом во славу молодежного фестиваля...

— Мы долго думали над тем, каким должна быть эмблема этого праздника, — говорит Константин Николаевич, — и остановились на изображении человеческой, рабочей руки. Разве не она, эта рука, создала все ценности, все чудеса мира?! Нам не хотелось изображать ее плакатно, упрощенно. И мы остановились на фотографии, передающей все особенности живой руки. Рабочая рука, держащая ленточку фестиваля, встретит дорогих гостей на этом торжественном, дружески теплом празднике, прославляющем труд!

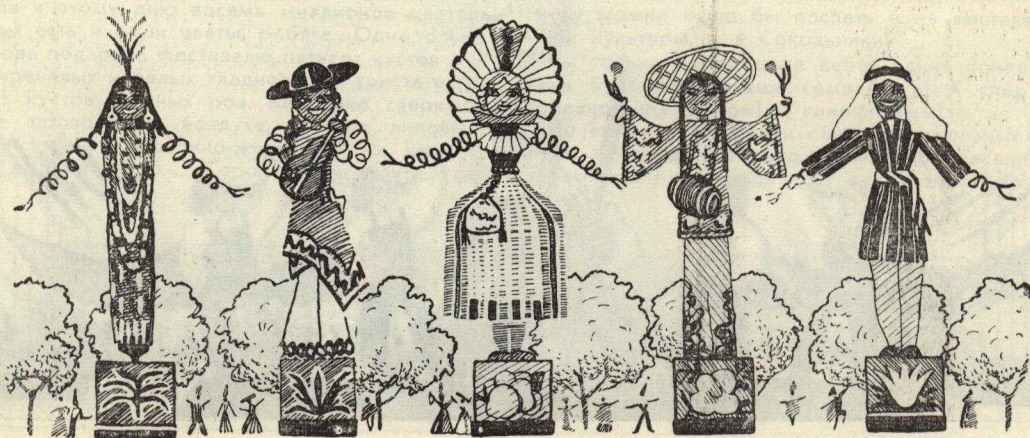
На этом мы простились с художником Ефимовым, поблагодарив его за рассказ, и двинулись дальше.

КОСТЕР ДРУЖБЫ

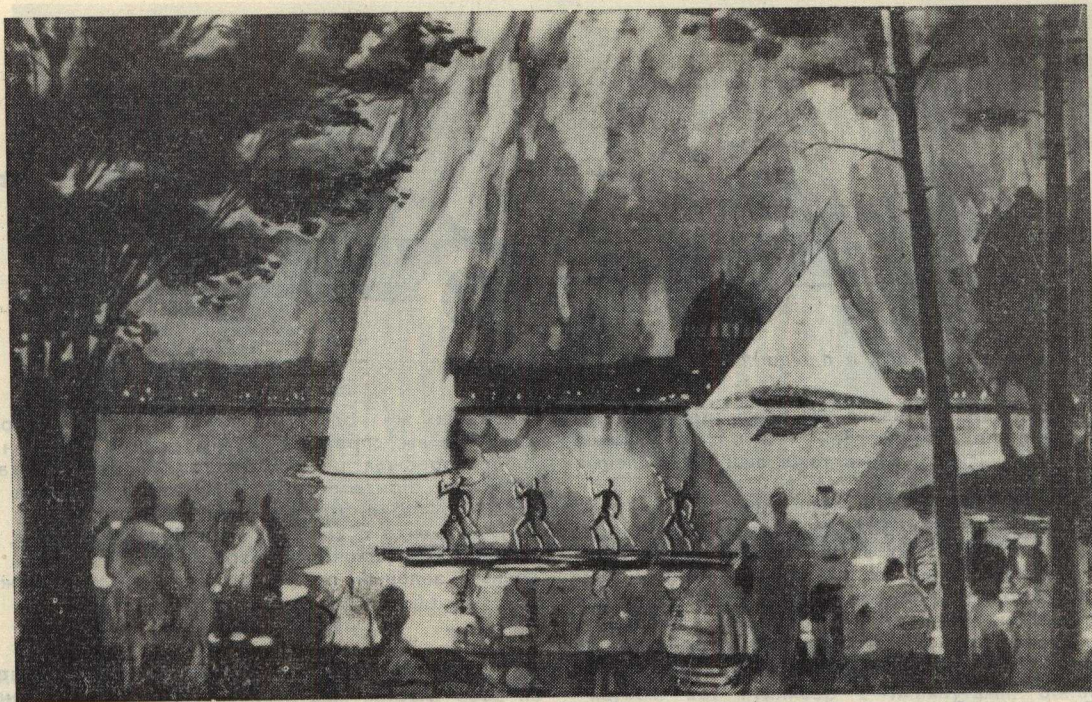
Чтобы понять смысл этого праздника, не надо садиться в машину. Для этого нужно посмотреть не вперед, а назад, в дни, которые предшествовали фестивалю.

В эти дни юноши и девушки многих далеких стран, думая о фестивале, горько вздыхали. Откуда им, бедным людям, достать денег на такое далекое и дорогое путешествие?..

Но на помощь им пришли дальние друзья. Моло-

Забравшись в такие высокие, смешные фигуры, глашатаи будут объявлять программу праздника.

Так будет выглядеть Останкинский пруд в вечер Костра дружбы. Над эскизами художественного оформления парка и пруда с увлечением работала бригада молодых художников во главе с бригадиром Натальей Борисовной Мешковой.

дые голландцы и бельгийцы собрали денег для делегатов Суринама и Антильских островов. Шведы помогли юношам и девушкам Французского Судана, финны — сенегальцам... Немцы послали деньги своим суданским друзьям, которых они полюбили еще на Берлинском фестивале...

В эту помощь включились и ребята-пионеры. Вы знаете, что пионеры многих демократических стран собирали металлолом и на эти деньги помогли делегатам доехать до Москвы.

Но затруднения возникали не только из-за денег. На пути иных делегатов вставали и другие серьезные препятствия. Особенно сильными они были в колониальных странах.

Случаи, подобные тому, о котором мы расскажем сейчас, происходили во многих странах. Сейчас мы коснемся только одной — Сенегала.

Власти Сенегала отказались выдать паспорта желающим ехать на фестиваль. Тогда Конгресс Совета молодежи объявил день протеста. Шестого января во многих городах Сенегала должны были состояться уличные шествия.

Шествия были запрещены полицией... Но вот что произошло в Дакаре. Возмущенная молодежь собралась в одном из общественных помещений африканского квартала. Конечно, на собрание явились и переодетые полицейские, но они не могли разогнать собрание, так как запрещение касалось только уличных шествий.

Тогда председатель собрания объявил минуту молчания в память алжирцев и камерунцев, павших в борьбе за свободу. Полицейские не захотели принять участие в этой минуте и вышли из зала. А руководители тотчас же включили микрофоны и сообщили собравшимся, что уличное шествие все же состоится...

И вот в два часа дня одна из городских площадей была заполнена народом. С песнями и громкими призывами молодые сенегальцы двинулись к парламенту и прервали шедшее там заседание.

От парламента молодежь направилась к памятнику погибшим. Но в это время полиция уже успела прийти в себя, навстречу шествию выехали полицейские автобусы. Молодых людей стали избивать резиновыми дубинками, многих ранили, многих арестовали. В числе арестованных был и председатель Совета молодежи.

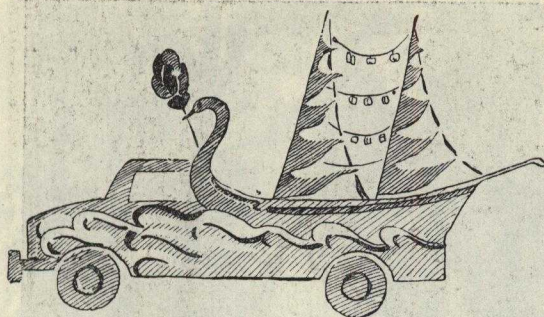
Но дубинки полицейских не в силах сломить волю молодежи, жаждущей дружбы и мира. И мы уверены, что в числе приехавших в Москву делегатов будут и молодые сенегальцы, может быть, даже те, на плечах которых остались шрамы от полицейских ударов... Вместе с другими войдут они в Останкинский парк в день праздника дружбы колониальных народов и разожгут там Костер дружбы. Высокое пламя костра отразится в черной ночной глади Останкинского пруда, а молодые люди, улыбаясь друг другу, окружают и пруд и костер огромным хороводом, в котором крепко сплетутся черные, белые и желтые руки.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАРК

— А у каких еще ребят будут такие высокие посочки, как у тебя?.. Ты хотела рассказать нам, Женя.

— Да, верно... Только об этом лучше рассказывать в другом месте. Давайте, ребята, сядем в нашу машину и поедем в Химки. Не в Химкинский парк, а еще немного дальше.

По-вашему, это — неинтересное место, пустырь?.. Да, конечно. Да ведь такой же пустырь был на месте красивого Химкинского парка всего только пятна-

По улицам и площадям Москвы в день карнавала поедут сказочные машины.

дцать — двадцать лет назад... И здесь, ребята, тоже будет парк, да еще в два — три раза побольше старого Химкинского, здесь тоже зашумят зеленые деревья...

Как это произойдет?... В один из первых дней фестиваля сюда на парходах и катерах приедут делегаты. На берегу их встретят пионеры. В руках у них будут вот такие же посохи, но только у каждого посох будет окрашен в свой цвет, и на нем будет флажок. По цвету и по флажку делегация узнает своего провожатого. Каждый из этих ребят-пионеров будет провожатым целой делегации в тридцать — сорок человек.

— Да-да, это будет пионер, такой же, как мы с вами. И, может быть, даже кто-нибудь из нас... Он поведет делегатов к дорожке, по краям которой будут лежать тоненькие молодые деревца.

И вот делегат посадит деревцо, а может быть, даже два. На колечке, которое надето на ветку дерева, он напишет свое имя. Кроме того, он распишет на бирке, висящей на дереве, и отдаст эту бирку пионеру.

Делегат уедет в свою далекую страну. Но время от времени к нему — в Африку, в Аргентину, в Австралию — будут приходить дружеские письма. В них будет рассказываться о том, как растет и хорошеет посаженное им деревцо. Эти письма будет писать бывшему делегату московский пионер, его провожатый: он будет ухаживать за деревом.

Но как же один мальчик или одна девочка, спросите вы, справится с этим делом? Ведь он же один провожал целую делегацию, значит, ухаживать ему придется за тридцатью — сорока деревьями. Разве это под силу одному?

Ну, а мы-то с вами на что? Давайте, ребята, поможем этим пионерам вырастить и взлелеять чудесный зеленый парк фестиваля — Парк дружбы!

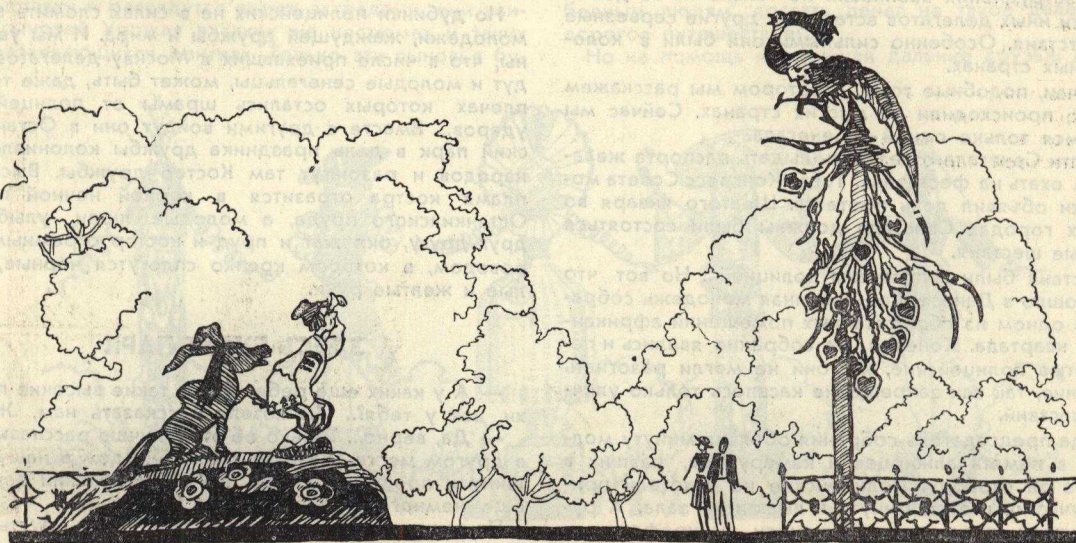
ЕДУТ СКАЗКИ

Художница Тамара Георгиевна Старженевская обещала уделить нам немного времени. И вот наша машина остановилась возле Парка культуры и отдыха имени Горького, мы вышли из нее и стали подниматься по лестнице в помещение дирекции.

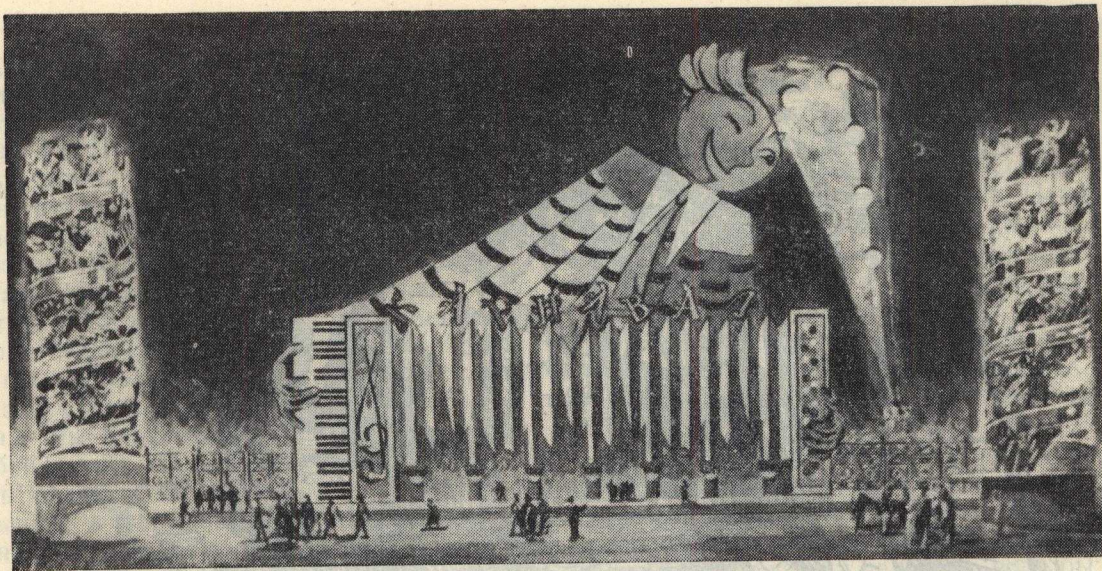
И вдруг мы остановились в изумлении. Навстречу нам вниз по лестнице спускалась... шляпа. Да, это была настоящая шляпа, только очень большая, на двух маленьких ножках.

— Извините! — сказала шляпа, нечаянно задев кого-то из нас, и скрылась в комнате внизу.

— Нравится вам этот каркасный карнавальный костюм? — спросила Тамара Георгиевна, когда мы вошли к ней. — Не знаю, удастся ли мне убедить товарищей в достоинстве таких костюмов, мы с ними все время спорим... А я считаю, что вот, например, такая шляпа будет очень мило выглядеть на нашем большом молодежном карнавале...

Сказочными станут и московские бульвары.

Весело приветствует гостей, входящих в Парк культуры и отдыха, арлекин с гармоникой.

Каким будет карнавал? Ну, знаете, здесь трудно предугадывать. Ведь каждый сам готовит себе костюм, а гости привезут с собой свое оформление, свои интересные костюмы... Дело художников — подготовить красивую раму для общего волшебного зрелища... Ну, и по возможности еще больше украсить карнавальное шествие.

Мы все очень много думали над этим, изучали историю итальянских, испанских, голландских карнавалов, рассматривали картины художников... Много дали нам беседы с научными сотрудниками Этнографического института. Но история историй, а ведь нам предстоит создать нечто совершенное, новое. В карнавале молодежи всего мира все должно дышать дружкой, весельем, мягкой шуткой.

Древним колесницам старых карнавалов не место на современных городских улицах. И вот мы решили использовать более подходящий транспорт — машины. Особенно удобными для этой цели нам показались высокие, выдвигаемые машины, типа тех, на которых ремонтируют провода, фонари...

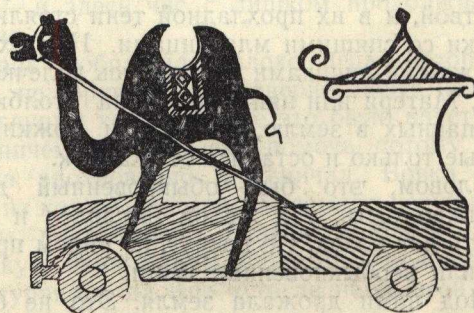
Представьте себе вечер в Москве, освещенной пестрыми огнями и лучами прожекторов. В этом причудливом освещении по улицам, возвышаясь над пестрой карнавальной толпой, поплывут огром-

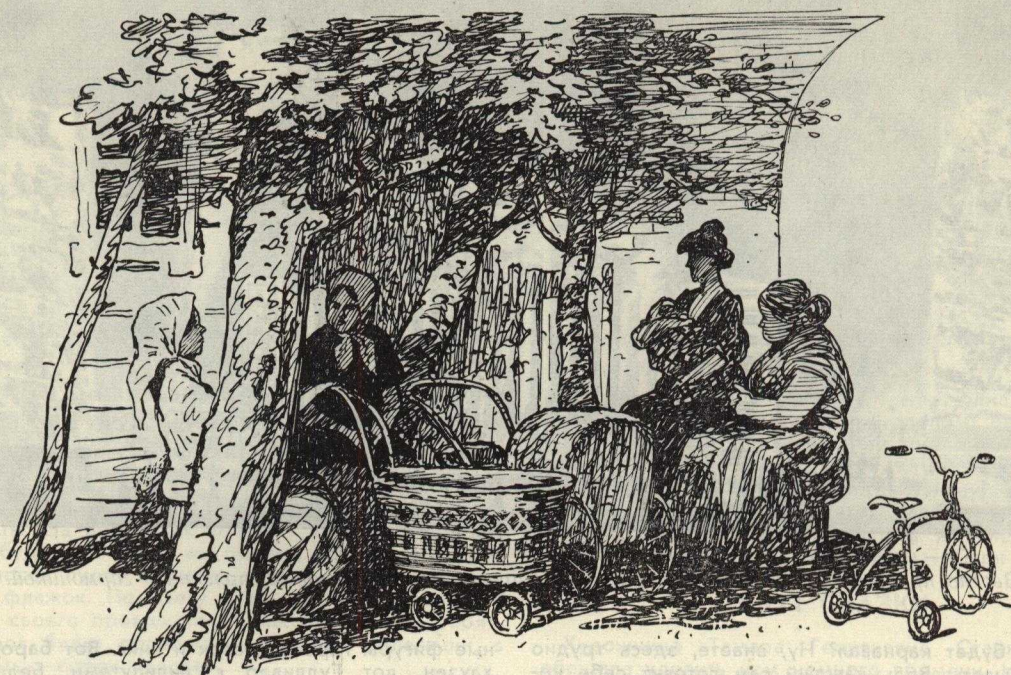
ные фигуры героев сказок и книг. Вот барон Мюнхаузен, вот Гулливер с лилипутами, Белоснежка с гномами... Гулливер и Белоснежка такие высокие, что рядом с ними обыкновенные люди и впрямь кажутся карликами... А вот и Аладин, следом за ним едет на Россинанте тощий, длинный Дон-Кихот, рядом верный Санчо-Панса на осле... А за героями сказок движутся невиданно огромные игрушки — лебедь, утка, такса, качающаяся головой. И тут же спортсмен, стилига в широком пиджаке, и — под пару ему — кокетливая модница Жозя...

Машины-сказки будут ехать по городу мимо Александровского сада, на деревьях которого засияют, перелизаясь, огромные бабочки; мимо разукрашенного Сокольнического парка; мимо Парка культуры и отдыха, с ворот которого будет улыбаться арлекин с гармоникой в руках. А в самом парке по воде поплывут венецианские гондолы; на площади зашумит цветистая русская ярмарка с каруселями, расписными лотками, балаганами...

Впрочем, вы сами скоро увидите это: москвичи — своими глазами, ребята из других городов — в кино и на картинках журналов...

А сейчас простите меня: больше у меня нет времени. Работы — по горло! Ведь, как вы знаете, ребята, фестиваль уже на носу!..

Первая ступень

Рассказ М. Бременера.

Рисунки О. Коровина.

В нашем дворе появился новый мальчишка. Он поселился в двухэтажном деревянном флигеле, прижавшемся к боковой стене большого красно-кирпичного дома.

Наш двор был, наверно, похож на множество других дворов. Пожалуй, только зеленее некоторых соседних. Несколько старых деревьев покрывались летом густой листвой, и в их прохладной тени стояли коляски со спящими младенцами. Над их недвижными личиками шевелились колечки сосок. Матери или няни сидели на столбиках, вкопанных в землю, — это были ножки, которые только и остались от скамеек.

Словом, это был обыкновенный двор. Должно быть, так же он выглядел и двадцать лет назад. Но вокруг, но рядом происходили необыкновенные вещи.

Под нами дрожала земля. Это не было землетрясение. Это было событие несравнен-

но более удивительное: под нами прокладывали тоннель первой очереди московского метро. Над нами пролетали знаменитые пилоты, отправляясь в героические рейсы. Маршрут начинался где-то возле нас, совсем рядом. Совсем над нами в никем до того не взятой, невероятной высоте висел советский стратостат... Мы чувствовали себя в самом центре великих дел.

Я учился в четвертом классе. Я и мои сверстники все свободное от школы время проводили во дворе. Мы любили быть вместе, и компания у нас была дружная и тесная. «Первая ступень» — называл нас всех вкуче наш сосед Семен Авдеевич.

Как-то, в день ранней весны, теплый, но не солнечный, когда дул влажный ветер, а снежные сугробы затянулись грязноватым налетцем, мы стояли у забора между флигелем и дровяными сараями. Из подъезда вышел новый мальчишка с матерью. Они направились к нам. У его матери пальто было накинуто на плечи, как у человека, который убежал на улицу на минутку.

Женщина сказала:

— Ребятки, это будет ваш новый товарищ, его зовут Юрик. У вас, наверно, найдутся общие интересы. Юрик любит играть в лото. Ну, кроме того, у него есть «Конструктор». Приходите к нам, будете что-нибудь строить вместе с Юриком. Конечно, с «Конструктором» надо обращаться аккуратно. Ну, играйте, ребяташки. И не обижайте мне Юрика!

Мать Юрика ушла, а он остался. Мы смотрели на него чуть-чуть насмешливо и неприязненно. Вероятно, все думали, что он мог бы сам, без помощи матери, сказать, как его зовут, что лото не очень-то интересная игра, — мы предпочитали лапту, «казаков и разбойников». И, наконец, просьба не обижать Юрика — не щуплого какого-нибудь и большого, а обыкновенного мальчишку лет одиннадцати — прямо-таки забавляла... Я видел, что Вовку так и подмывает «испытать» Юрика.

— Ты где раньше жил? — спросил Вовка.

— Возле Сокольников. Мы обменялись. Там у нас меньше была комната, а здесь больше. Но тут голландское отопление, а там было паровое. И ремонт мы оплатили, — обстоятельно ответил Юрик.

— А как вы там, на кулачках дрались или боролись больше? — спросил Вовка, не проявляя интереса ни к голландскому, ни к паровому отоплению. — Мы тут на кулачках... По-твоему, борьба лучше?

На побледневшем лице Юрика было написано, что лучше — играть в лото.

Вовка ухмыльнулся. Он привирал сейчас. Не так-то уж часто мы дрались на кулачках.

Вовка вообще любил «заливать» немного. Но если давал «честное пионерское», не врал. Впрочем, мог соврать и в этом случае. Но если давал «честное пионерское под салютом всех вождей», то уж наверняка говорил правду.

Вовка не отставал от Юрика.

— Пошли с горки кататься? — предложил он, указывая на высокую — выше сараев — снежную горку в другом конце двора.

— А на чем съезжать? — нерешительно спросил Юрик.

— Не знает... — подмигнул нам Вовка. — На чем сидишь, на том съезжаешь, — сказал он Юрику.

Затем Вовка зашагал к горке, а Юрик неохотно последовал за ним.

Он с опаской поглядывал на Вовку, меня и еще троих мальчишек, которые вели его в дальний угол двора. Он, наверно, думал о том, что этот угол не виден матери из окна.

Когда мы все взобрались на горку, Вовка командовал:

— Съезжай давай!

Юрик покачал головой.

— Боишься? — спросил Вовка.

— Боюсь, ребята, — ответил Юрик, — порвать штаны. Штаны почти новые. Порву — и для родителей новый расход. Я же сам ничего не зарабатываю! И вы тоже, наверно. Так по крайней мере не надо доставлять родителям лишних расходов.

Мы были поражены. Не то чтобы мы никогда не слышали ничего подобного, нет, нам это внушали много раз, но только старшие. Это были их слова. Это было их право — говорить так. Но, привычные в устах старших, слова были необычайно странны, когда их произносил мальчишка. Наверно, сегодня таким же диковинным показалось бы мне, теперь уже взрослому человеку, если бы четырехлетний карапуз сказал:

«Стихи Маршака и Чуковского оказывают на меня большое влияние. Они помогают мне почувствовать гибкость, красоту и звучность родного языка».

Вовка ничего не ответил на правильные и такие неприятные слова Юрика. Он нетерпеливо морщился, придумывая, как бы наконец взять верх над рассудительным новичком. И наконец придумал.

— Ну, ребята, пошли в подкидного играть! — сказал Вовка. — У нас тут чемпионат по подкидному дураку, — пояснил он Юрику. — Участвует шесть человек. Победившему присваивается звание абсолютного чемпиона, проигравшему — абсолютного дурака... Будешь участвовать?

Ни о каком таком чемпионате до этой минуты у нас во дворе не было и речи. В красном уголке, который недавно оборудовали в полуподвале, мы и правда устраивали турниры, но сражались в шашки и в поддавки, а вовсе не в подкидного.

Однако выдавать Вовку или спорить с ним мы не стали. Мы забрались на чердак — в красном уголке играть в карты запрещалось, — и здесь час с лишком продолжался турнир.

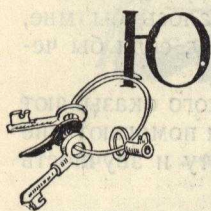
Юрик соображал неплохо, играл неторопливо, не горячась; он, наверно, почти не делал глупых ходов, но все это было впустую. Это ничем не могло ему помочь, потому что Вовка вдохновенно жульничал. Вовка тащил из колоды козыри, сбрасывал ненужные карты, подглядывал, сдавая, и подсовывал Юрику всякую дрянь. Юрик пять раз остался «дураком» да еще чуть ли не со всей колодой на руках.

После этого мы выбежали во двор, а Вовка сложил ладони рупором и торжествующе провозгласил:

— Слушайте, вы! Все!.. Вот стоит абсолютный дурак нашего двора! Абсолютный! — взвизгнул Вовка и указал пальцем на Юрика.

По-моему, это было чересчур. Мне не особенно нравился новый мальчишка, но Вовка явно перебарщивал. Если бы не то, что это не по-компанейски, я, может быть, вступился бы за этого Юрика. Но я не вступился, и он молча повернулся и скрылся в подъезде флигеля.

II

Юрик быстро завоевал расположение взрослых. Домашние хозяйки из флигеля, пристроен к большому дому, отлучаясь ненадолго из дому, оставляли ему ключи от комнат и квартир. Их мужья, взрослые дочери и сыновья, возвращаясь домой, знали: если мать ушла в магазин, ключи у Юрика. И сплошь и рядом женщины, уходя, оставляли ключи не своим детям, сверстникам Юрика, а ему.

— Вы еще выроните с прыжками да бедотней своей, а он человек спокойный, надежный.

И оттого ли, что он в самом деле был спокойный человек, или оттого, что был он отягощен ключами, от которых топорщились его карманы, но, во всяком случае, гулял Юрик степенно. Он сторонился шутливых потасовок и даже чехарды, в которую мы особенно любили играть. Впрочем, играя в чехарду, легко выронить ключи.

Никого из нас ничуть не задевало, что Юрику доверяют хранить ключи, а нам нет. Вообще после того, как Вовка в день знакомства объявил Юрика «абсолютным дураком» и даже написал раза два имя Юрика с прибавлением этого титула мелом на стене сарая, никто больше не трогал нового мальчишку. Да он и перестал быть новым, примелькался как-то.

Но скоро о Юрике стали у нас во дворе очень много говорить. Те самые домашние хозяйки, которые отдавали ему на хранение ключи, приготавлив обед и убрав комнаты, выходили во двор поговорить друг с другом. В ожидании, пока вернутся с работы мужья и дети, они без усталости хвалили Юрика.

— Какой у вас сын, какой сын! — причитали они, завидя мать Юрика.

И так как восхищались они в том же тоне, в каком и сокрушались, мать Юрика, подходя, спрашивала чуть обеспокоенно:

— А что такое?..

— Да ничего. Просто хотелось сказать. Простите, как вас по имени-отчеству? Юрик ваш, мы уж не налюбujemyся!.. Прямо сказать, сознательный!

Мать Юрика от таких слов не таяла, в улыбке не расплывалась, но отвечала с достоинством:

— Да, Юрик знает, что можно и что нельзя.

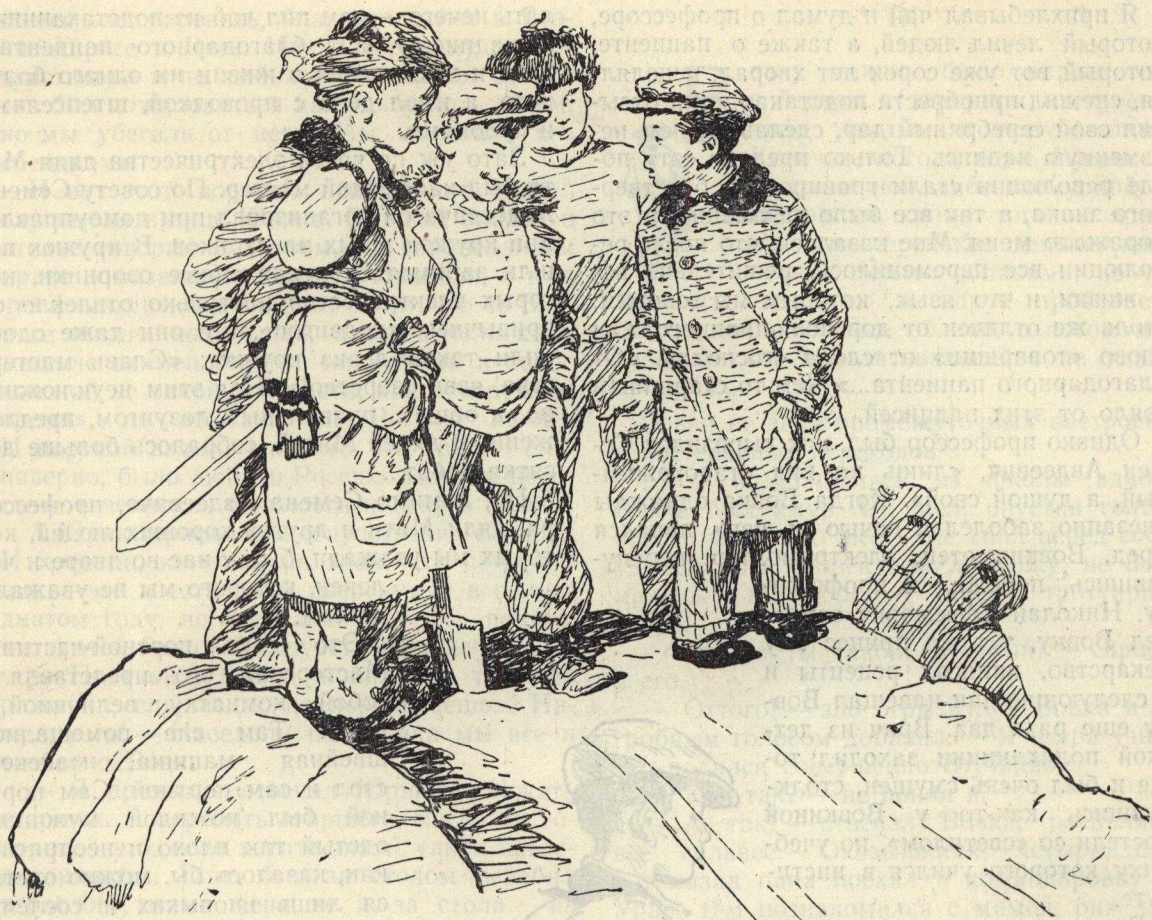
Это он, может быть, и знал, но вот сознательным его, по-моему, никак нельзя было назвать, а именно так его стали называть все чаще.

Юрик был одинаково учтив и уважителен со всеми без исключения взрослыми. А у нас во дворе жили разные люди.

Наш сосед Семен Авдеевич, бывший красный партизан, учился в Институте красной профессуры. Семен Авдеевич носил сапоги, галифе, гимнастерку без знаков различия, шинель грубого сукна, а тетради свои укладывал в планшет. Он жил в маленькой комнате с большой кафельной печью. Печь была в этой комнате самым крупным и добротно сделанным предметом. Койка у стены стояла узкая, убогая, а фанерный стол — такой маленький, что локти Семена Авдеевича, когда он писал, едва на нем умещались... В этой комнате не было ни одной дорогой или красивой вещи, кроме золотых ручных часов, висевших на ремешке на гвоздике у изголовья.

Мы часто бывали в этой комнате: Семен Авдеевич помогал нам иногда решать задачи, играл с нами как-то на радостях после удачно сданного зачета в жмурки, а недавно подготовил со мной и с Вовкой вечер занимательных фокусов, хитроумную механику которых описал в своей книге Перельман.

Зрители, собравшиеся в красном уголке, безусловно, не читали Перельмана, — они приняли нас за магов и волшебников. И не только ребят мы потрясли, но даже и нескольких глубоких старух, шептавших, что с нами нечистая сила. Вовка и я были очень разочарованы, когда в конце вечера Семен Авдеевич раскрыл секреты всех фокусов. Мы сказали ему, что этого не надо было делать. Но он ответил, что никогда не нужно создавать впечатление, будто бывают чудеса, поскольку все на свете имеет научное объяснение. И уже строго Семен Авдеевич добавил,

— Боюсь, ребята, — сказал Юрик, — порвать штаны. Штаны почти новые...

что если старым людям внушили при царизме антинаучные представления, то мы их должны не укреплять, а рассеивать. И хотя, как пионеры, мы понимали, что антинаучных представлений у старух терпеть, конечно, нельзя, нам было все-таки немного жаль пропавшего эффекта...

Я был уже давно знаком с Семеном Авдеевичем, когда однажды, рассматривая его часы, обнаружил на их крышке надпись, которую прочел с трепетом. Оказалось, что этими часами наградил Семена Авдеевича нарком обороны Клим Ворошилов. Мы с Вовкой долго спорили тогда, смог ли бы кто-нибудь из нас, получив такой подарок, жить и ни перед кем не хвалиться.

Конечно, от нас все ребята во дворе узнали, что золотые часы Семена Авдеевича — подарок наркома. И все еще больше стали уважать молодого красного профессора и его боевое прошлое.

Помимо красного профессора, был у нас в

доме еще профессор, обыкновенный. Этот носил бобровую шапку с плюшевой верхушкой, калоши с медными инициалами на подкладке, шубу с цепочкой вместо матерчатой вешалки, а опирался на палку с серебряным квадратиком монограммы.

Обыкновенный профессор был стар. Мы судили об этом не только по тому, что у него была седая бородка, и не только по тому, что внук его, Сашка, учился в третьем классе, но главным образом по подстаканникам. Дело в том, что как-то Вовку, меня, Майку Вертилову и еще нескольких ребят из нашей компании пригласили на день рождения Сашки, и там мы пили чай из стаканов в серебряных подстаканниках. Причем на каждом подстаканнике была вырезана надпись: «Дорогому Николаю Ефремовичу от благодарного пациента». Пониже надписи стояла дата. И выяснилось, что первый подстаканник благодарный пациент подарил профессору еще в конце прошлого века!

Я прихлебывал чай и думал о профессоре, который лечил людей, а также о пациенте, который вот уже сорок лет хворал, исцелялся, спешил приобрести подстаканник и отсылал свой серебряный дар, сделав на нем неизменную надпись. Только предлог «от» после революции стали гравировать без твердого знака, а так все было неизменно, и это поражало меня. Мне казалось, что после революции все переменялось, решительно все в жизни, и что язык, которым мы говорим, столь же отличен от дореволюционного, как слово «товарищи» от слова «господа». «От благодарного пациента...» Чем-то старинным веяло от этих надписей.

Однако профессор был, как выразился Семен Авдеевич, «лишь на вид старорежимный, а душой свой». Когда Вовка однажды внезапно заболел и ночью у него начался бред, Вовкин отец, электромонтер, перепугавшись, побежал к профессору. Николай Ефремович осмотрел Вовку, тут же принес ему лекарство, написал рецепты и в следующие дни навещал Вовку еще раза два. Врач из детской поликлиники заходил тоже и был очень смущен, столкнувшись как-то у Вовкиной постели со «светилом», по учебнику которого учился в институте.

Вовкины родители считали, что сын поднялся так быстро благодаря профессору, и были обеспокоены, что Николай Ефремович не взял у них за лечение никаких денег, сказав только:

— Друзей внука, как и своих друзей, разумеется, лечу бесплатно.

Отец с матерью искали все-таки способ отблагодарить профессора, и тогда Вовка надушил:

— С помощью подстаканника!

Был куплен серебряный подстаканник с выпуклым изображением двух бородачей, бывших, вполне вероятно, Мининым и Пожарским, и дядя Митя, Вовкин отец, отнес его на квартиру профессора.

Бородачи вернулись, как бумеранг.

С тех пор дядя Митя — де-

лать нечего — сам пил чай из подстаканника с надписью «От благодарного пациента», хоть и не вылечил в жизни ни одного больного, а имел дело с проводкой, штепселями и пробками.

Зато уж по части электричества дядя Митя был настоящий мастер. По совету Семена Авдеевича он организовал при домоуправлении кружок юных электриков. В кружок пошли заниматься отъявленные озорники, которых электричество настолько отвлечло от привычных «подвигов», что они даже одобрили такой девиз кружка: «Славь мастерство, язви озорство!». Под этим неуклюжим, но, в общем, правильным лозунгом, предложенным дядей Митей, собралось больше десятка ребят...

Но, помимо Семена Авдеевича, профессора, дяди Мити и других хороших людей, которых мы уважали, был у нас во дворе и человек, которого мы не уважали совсем.

Это был портной-частник. Мастерская его представляла собой комнатку величиной с лифт. Там еле помещались швейная машина, манекен, стол и сам портной. Сам портной был пожилой мужчина, одетый так плохо и неопрятно, как, казалось бы, можно одеться лишь впопыхах и сослепу. В разгар весны он выходил во двор в рваных валенках на босу ногу, пошевеливая желтыми, как у полотера, большими пальцами, в штанах, небрежно залатанных лоскутами другого цвета, в засаленном пиджаке, застегнутом на разнофасонные пуговицы.

Рубашки портной не носил ни нижней, ни верхней, и на груди его виден был маленький крестик на тонкой цепочке, повисший среди волос, как в густой паутине.

Портной жил одиноко, без родных. Иногда он подходил вдруг во дворе к кому-нибудь из жильцов и начинал рассказывать о себе. Таким образом стало известно, что портной был до революции хозяином ателье мод, а во время нэпа опять открыл ателье и только последние годы бедствует, тогда как его коллеги, догадав-

шиеся эмигрировать, благоденствуют в Буэнос-Айресе и Риге. Никто портному не сочувствовал и не любил его слушать. Он готов был пожаловаться на судьбу хоть детям, но мы убежали от него. Мы называли его «беляком».

И вот этот портной неожиданно нашел слушателя в лице Юрика. Бывший владелец ателье говорил о крутом, но справедливом нраве помазанника божьего Николая, о том, что фининспектор «жмет», о том, что «в Буэносе жизнь, как была», а здесь челнока к машине взамен старого не купишь и волос конский не такой упругости, как в «прежнее время», но все-таки он Россию любит. И портной вздыхал, оттого что трудно ему, наверно, было любить Россию вопреки недостатке в челноках и хилости конского волоса.

А Юрик терпеливо и сочувственно слушал. И хотя он, конечно, не знал, что помазанник — это и есть царь, свергнутый в семнадцатом году, но все равно мог бы понять, что в этой болтовне сочувствовать нечему.

— Портной — беляк, понял? А ты уши развесил, слушаешь, не перебиваешь... Нашел кого! — Наседали на Юрика мы все и особенно Вовка.

— Я привык, — отвечал Юрик, — уважать старших. А перебить старшего, когда он говорит, — это, если хотите знать, такая невоспитанность... Если б я за столом перебил взрослого, мама меня не из-за стола — из комнаты выгнала бы!

— А ты бы, — говорил Вовка, — не перебивал тогда портнягу, а только сказал: «Нечего мне с вами говорить!», — как вот Семен Авдеич сделал.

Юрик пожал плечами.

— Ты раскумекай, кто такой портняга! — угрожающе продолжал Вовка. Он приблизил свое лицо к лицу Юрика и, раздувая ноздри, выговорил: — Он, если б мог, Семена Авдеича убил бы!

— Ну, это уж ты, знаешь... брось... — не подержали мы Вовку.

— Докажу! — крикнул Вовка. — Семен Авдеич — коммунист, так? А для этого, — он кивнул на окно портного, — где жизнь? В Риге, в Латвии. Там компартия на нелегальном положении, схватят если коммуниста — в тюрьму! Вожатая рассказывала. Ну, что?

Юрик сказал:

— Мне еще рано об этом судить. Во всяком случае, я к старшим...

— А галстук красный ты зачем носишь? — перебил Вовка.

Юрик ответил спокойно:

— Затем, зачем и ты.

III

Вовку можно было видеть либо в боевом и задорном настроении, либо унылым и понурившимся. Конечно, погода тоже бывает либо солнечной, либо пасмурной. Но случаются, кроме того, не яркие, но и не серенькие деньки, когда солнце скрыто облаками, но угадывается за ними и вдруг пробивается сквозь истончившееся облако, а потом медленно гаснет в затягивающейся на глазах проруби...

Вовка не знал промежуточных настроений и постепенных переходов.

...Мы возвращались из школы вдвоем. Вовка был хмур. Он шел, опустив голову, просто медленно шел — не гнал перед собой ударом ноги уголек или ледышку, не перемахивал по дороге через тротуарные тумбы.

— Отчего ты такой грустный? — спросил я его.

— Оттого! — зло огрызнулся Вовка и загробным голосом добавил: — Я вчера узнал, что родился совершенно случайно.

— Как так? — не понял я.

— А так! — отвечал Вовка, распаляясь все сильнее. — Оказывается, четырнадцать лет назад папа поехал в командировку на Урал, там познакомился с мамой, они друг в друга влюбились, решили жениться, приехали сюда, здесь была свадьба, а через год я появился!

— И чего же ты обижаешься? — спросил я его.

— А оттого, — закричал на меня Вовка, — что папа сам сказал, что мог и не поехать в командировку и, значит, маму не встретил бы, а меня бы не было, вот что!

— Ну, — сказал я, — чего теперь волноваться, ты же все-таки есть!

— Есть, — согласился Вовка, — а только это совершенно случайно.

— Ерунда! — решительно сказал я, но почему-то про этот разговор не забыл.

Уроки мы с Вовкой готовили вместе у него дома. Я решал примеры, делил и множил, находил икс, а тем временем во мне росло беспокойство...

— Добрый вечер. Папа, я родился случайно? — спросил я отца, когда он вернулся с работы.

— В каком смысле? С какой точки зрения? — оторопело осведомился папа, опуская портфель на обеденный стол, что, по его же словам, было крайне негигиенично.

Портной неожиданно нашел слушателя в лице Юрика.

— Я только что от Вовки, — объяснил я, — и он родился совершенно случайно. Может, и я тоже так?

Тут папа рассказал, что он ни в какую командировку не ездил, а познакомился с моей мамой еще в гимназии, где они вместе учились. Потом вместе же они учились и в институте. Так что я лично родился не так уж случайно. Но я сбегал к Вовке и сообщил ему, что родился, как он.

— Отец сказал? — задумчиво осведомился Вовка.

— А кто же?

Меня рассердил этот вопрос. Не мать же сказала мне об этом! Вот уже два года, как она рассталась с отцом, два года, как я ее не видел. Она живет в Средней Азии, пишет редко, однажды прислала мне в письме свою маленькую, как для паспорта, фотографию. Потом очень долго не было писем, а недавно принесли фанерный ящик с урюком, обтянутый мешковиной, на которой маминым почерком, расплывающимися лиловыми буквами выведены мой адрес, имя и фамилия.

Из этого урюка домашние варят компот на всю нашу большую семью. Мы едим компот за обедом на третье, и все его хвалят: дедушка, бабушка, тетки, — а мне до того грустно, что трудно глотать. Мне жаль, что урюка становится все меньше.

Если бы не было стыдно, я попросил бы не варить больше компота и просто хранил бы эти липкие, сморщенные плоды, присланные мамой.

Мой отец — ботаник. У него есть лупа, в которую он рассматривает растения. Как-то сквозь лупу я читал в газете «происшествие», набранное петитом. Крошечные буквочки становились огромными. Тогда мне вдруг пришло в голову посмотреть в лупу на маленькую мамину фотографию. Каким большим я увижу ее лицо!..

Медленно отдалюю линзу от фото, лицо все увеличивается, увеличивается и внезапно начинает расплываться...

После этого не раз, когда отца не бывало дома,

я смотрел на мамину фотографию в увеличительное стекло. Но никогда больше не отводил лупу настолько, чтоб лицо расплылось. Как-то очень боязно было ненароком отвести стеклышко слишком далеко...

Как мог Вовка хоть на минуту позабыть, что мама моя живет теперь в другом городе?

IV

Между тем Вовка с большим упорством продолжал доискиваться, кто из приятелей родился случайно, а кто нет. Мало того, что на следующий день в школе он опросил на этот счет всех пионеров нашего звена. Мало того, что своим дурацким вопросом он смутил вожаку, которая, почему-то покраснев, неопределенно ответила только, что в старших классах мы будем изучать теорию Дарвина. Он задал новый вопрос: могло ли случиться так, что он, Вовка, вовсе не родился бы и что тогда было бы? Вожатая совершенно правильно ответила на это, чтобы он не считал себя пупом земли и незаменимым, и предположила, что, не родись Вовка на свет, звеньевым выбрали бы меня, — только и всего.

Но Вовка не уговорился. Наоборот, он,

я бы сказал, повысил активность. Он взбодоражил весь двор. Потревоженные им ребята разбегались со двора по домам, задавали старшим странный вопрос и стремглаз возвращались к Вовке с ответами. Вовка жадно выслушивал их. Родители отвечали всем по-разному: одним — как мне, другим — что ничего не понимают, третьим — чтоб не морочили голову.

Вовка терзался: неужели он мог не родиться, не быть, не стать пионером?.. Неужели и мы могли не быть?

Некоторых ребят он заразил своим беспокойством, некоторых озадачил. И только Майка Вертилова, горделиво сообщившая нам, что обязательно должна была родиться, поглядывала на Вовку насмешливо и свысока. Но о Майке немного погода.

Итак, Вовка не унимался. Кутерьма продолжалась. Кончилось тем, что она захватила и Юрика. Юрик, надо сказать, по-прежнему, выходя во двор, солидно погуливал в сторонке. Но тут его, что называется, повело, и он вприпрыжку помчался домой, чтобы выпросить, не родился ли случайно.

Вот с этой минуты события приняли новый оборот. Спустя немного времени Юрик вышел из подъезда обескураженный. Следом за ним вышла его мать. Она направилась к нам. Мы примолкли. По-видимому, она собиралась за что-то сделать нам выговор. Но нет, только сказала тихим голосом, обращаясь к Вовке:

— Володя, покажи, пожалуйста, где вы живете.

— А вам зачем? — непочтительно спросил Вовка, чуя недоброе.

— Мне нужно поговорить с твоей мамой, — ответила мама Юрика негромко и спокойно.

— Вон туда! — грубым голосом, отрывисто сказал Вовка, сделав расхлябанный и достаточно неопределенный жест в сторону своих окон, а заодно переулка и бульвара.

Но мать Юрика, тем не менее, нашла Вовкину квартиру. Пробыла она в ней минут десять и ушла неспешным шагом, после чего распахнулась форточка, и дядя Митя властно кликнул Вовку домой. Кто-то из нас сказал вслух то, что и так было ясно:

— Нажаловалась...

Хотя Вовке от родителей нагорело не сильно — дядя Митя пальцем сына не трогал, а сейчас на него даже не накричал, — Вовка долго потом ходил с пришибленным видом.

Не сразу он рассказал мне, чем родительское внушение так его задело. Но на другой

день разговорился, взяв, правда, с меня слово держать язык за зубами. Оказывается, дядя Митя сказал ему с большой печалью:

— Умные, культурные люди критикуют, — так дядя Митя и выразился, — моего сына. Мне, — сказал он, — мало радости слышать от интеллигентного человека, что воспитанные дети не пристают к взрослым с вопросами, а ты, Вова, пристаешь. И хуже того: обращаешь внимание других детей на то, на что не надо.

— Почему, — спросила мать с сердцем, — о тебе не говорят, Вова, как о Юрике?! Как бы я рада была, если б!.. Эх, хоть бы пример с него взял!

— Не подумаю даже! — строптиво ответил Вовка.

— Вот-вот, — заговорил отец, — верно, выходит, говорила эта гражданочка про своего Юрика: он знает, что можно и что нельзя. Он старших уважает, боится. А вот мы с матерью тебя учим — ты наперекор. Потому что не боишься.

— Не боюсь, — подтвердил Вовка. — Пионер не должен бояться.

— А что должен? — спросил дядя Митя.

— Быть сознательным, — подумав, ответил Вовка, — и всегда готовым, конечно.

— Сознательным, безусловно, — сказал дядя Митя, — только слушаться надо. А не боишься — не слушаешься. Да... Я тебя одного не виню. Сам тоже за тобой недосмотрел. Не драл тебя никогда. Не хотел. Теперь поздно, должно быть, ремнем учить. Хотя, может, и была б польза, а?.. Сказать трудно...

Так горестно и неторопливо, как бы совещаясь с самим Вовкой, следует ли его отныне временами пороть или испробовать другое средство, рассуждал дядя Митя, и это было для Вовки неизмеримо обиднее, чем если бы отец просто стукнул его разок под горячую руку.

Отец, добрый и простой, решил вдруг, что плохо растил сына! Отец стал несправедлив и к нему и к себе! И все из-за противного, примерного Юрика...

— Он к матери побежал, гад, без этого ничего не было бы, — хрипло, точно перед этим плакал, сказал мне Вовка.

— Но ведь все бегали, не он один, — растерянно возразил я.

— Ну, и что ж?.. Надо ему бойкот объявить, вот что! — загорелся Вовка. Его обидало искание немедленного выхода.

В то время мы часто слышали слово «бойкот». Нам читали о рабочих-забастовщиках, которые объявляли бойкот штрейкбрехерам.

И тогда все отворачивались от штрейкбрехеров, одни только полицейские с резиновыми дубинками были на их стороне.

Вовкина идея, наверно, нашла бы во дворе сторонников. Она привлекла бы своей необычностью и новизной.

— Главное, чтоб все ребята бойкотировали. До одного! — фантазировал Вовка. — Тогда ему будет кисло!

Но нам не пришлось организовать бойкот. Юрику и так стало «кисло». Он влюбился. И не он один. Все влюбился.

V

ы все влюблись в Майку Вертилову.

Майка Вертилова, наша сверстница, тоже четвероклассница, считалась самой красивой девочкой во дворе. А многие даже считали ее самой красивой в первой ступени нашей школы. Между прочим, это подтверждалось тем, что ею интересовался парень из второй ступени, а именно семиклассник по имени Костя. Он жил не у нас во дворе, но, тем не менее, как всем было известно, приходил к Майке играть в пинг-понг, и это доказывало, что Майка принадлежит к миру почти взрослых. Во всяком случае, к миру второй ступени.

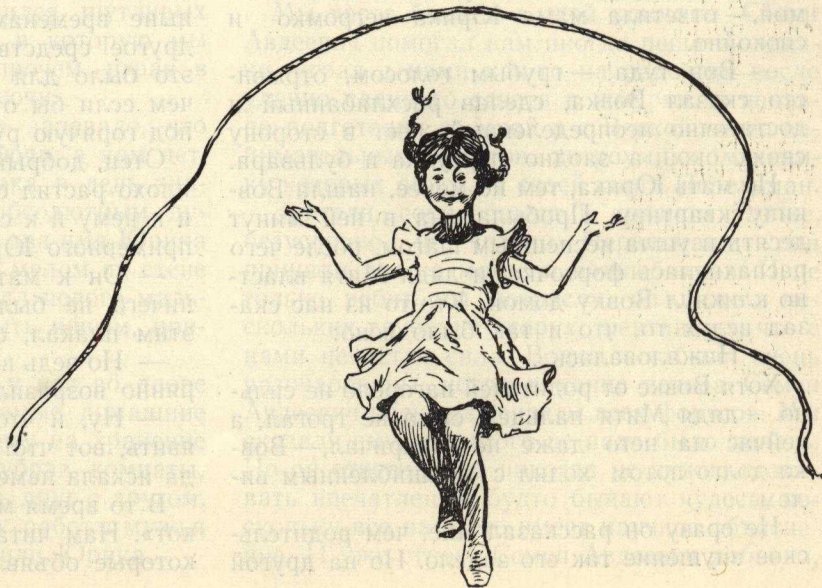
То, что, оставаясь нашей сверстницей, Майка принадлежала вместе с тем к миру второй ступени, придавало ей загадочность. Но, кроме того, она нравилась нам просто потому, что была очень хо-

роша собой. Она была высокая, тоненькая и какая-то очень легкая. Она училась, помимо нашей, в балетной школе. И одевалась всегда очень легко — в батистовые платица. Повязывала газзовые шарфики. А зимой на ней была меховая шубка — пушистая и невесомая.

Майка прыгала дальше всех в длину и выше всех в высоту. Но никому из нас это не казалось спортивным достижением, — просто это было свойством Майкиной натуры, лучше, чем наши, приспособленной для полета...

Я не помню, кто влюбился первый. Я только помню один прекрасный весенний день. Солнце засушило лужи, и на сухом асфальте непроезжего переулка кто-то впервые в ту весну начертал мелом «классы».

Девочки из нашего двора выбегают с веревкой и начинают крутить ее все быстрее, выстегивая асфальт, а Майка Вертилова прыгает удивительно ловко, так, что кажется,

будто она лишь переступает с ноги на ногу. Другие девочки стоят гуськом, нетерпеливо ожидая своей очереди попрыгать после долгого зимнего перерыва. Очередь наступит, когда Майка собьется. А Майка не сбивается. Веревка никак не коснется ее неторопливых ног.

— «Пожар»! — приказывает Майка.

Это значит, что веревку надо крутить с наивозможной быстротой. И веревка становится вовсе не видна, а Майкины ноги мелькают, мелькают, мелькают, и девочки, ведущие счет прыжкам, не выдерживают бешеного темпа, проглатывают слоги, но не могут угнаться.

— Псят дин, псят два, псят три, псятчетыри...

Они сбиваются, Майка скачет. Потом, не сбившись, но задохнувшись, отпрыгивает в сторону и изнеможенно прислоняется к забору.

Теперь прыгают другие девочки, но смотреть на это нам, мальчишкам, стоящим поодаль, неинтересно. Ждем, пока опять подойдет очередь Майки Вертиловой...

Сашка, внук профессора, сказал вдруг:

— В Майку влюбиться можно...

— Ну и влюбись, — ответил Вовка.

— Мой брат сказал, что он в первый раз как раз в четвертом классе влюбился, ребята, — доверительно сообщил Сашка.

— А сейчас он в каком? — рассеянно спросил Вовка, не отрывая глаз от Майки.

— В восьмом. Он отличник, член учкома, — сказал зачем-то Сашка, хоть это и не имело отношения к любви.

Слова Сашки произвели на нас сильное впечатление. Итак, умные люди влюбляются уже в четвертом классе. Это не мешает им впоследствии стать членами учкома. К чему же мешкать? Уже началась четвертая четверть. Уже скоро перейдем в пятый класс. Чего, спрашивается, ждать?

Может быть, не только Сашкины слова возымели действие; наверно, настраивала на такой лад бурная и яркая весна, сама Майка, неутомимо прыгающая через пеньковую веревку. Так или иначе, уже на следующий день объявили о своей влюбленности трое или четверо мальчишек. Они объявили об этом по секрету, в мальчишеской компании. Их примеру поспешно следовали другие.

Число невлюбленных таяло на глазах. Повсюду появились пронзенные сердца. Их рисовали мелом на заборах. Вырезали ножом на коре зазеленевших деревьев. Чертили прутиком на сыроватой весенней земле. От дурацкого символа рябило в глазах. Спустя несколько дней оставаться невлюбленным казалось нам такой же отсталостью и сушим младенчеством, как не сдать вовремя нормы на значок БГТО.

Затем мы начали признаваться Майке в своих чувствах. Признание делалось в косвенной форме, таким образом:

«Я хочу с тобой дружить. На каком у тебя месте?» Что следовало понимать так: «А я тебе близкий друг? И много ли у тебя друзей, более любезных твоему сердцу?..»

К сожалению, всякий раз выяснялось, что таких друзей у Майки много. Но нельзя сказать, чтоб мы переживали это особенно глубоко. Нельзя сказать, чтоб мы были неутешны. Мы вздыхали, конечно. Вели мужские разговоры о том, что девочки ветрены. Но, в общем, все это было скорее забавной игрой.

И вот, когда эта игра была уже в разгаре, влюбился Юрик. Это заметили все. Стоило Майке выйти во двор, он бледнел и не знал, куда девать руки, точно с этой минуты находился в гостях. Потом отворачивался, чтобы немного прийти в себя. Наконец, горбясь, хмурясь и закусив губу, подходил к Майке поближе.

Он неузнаваемо менялся при Майке. При ней он даже прыгнул однажды с высокого крыльца — ребята соревновались, кто прыгнет дальше, — но рекорда не побил и выронил чужие ключи в глубокую невысохшую лужу. Это доставило большое удовольствие Вовке.

Вовку живо заинтересовал влюбленный Юрик. Он даже снова начал с Юриком разговаривать, так как иначе не смог бы его подначивать. А подначивал он его для того, чтоб тот «признался» Майке.

— Слабо тебе признаться Майке! — донимал он Юрика.

— На слабо дураков ловят, — отвечал Юрик, но без большой убежденности, и это вдохновляло Вовку на новые дипломатические хитрости.

— Нет, чего признаваться, лучше помал-

кивай, а то от матери нагорит,— говорил Вовка примирительным тоном.

— Не бойся, не нагорит,— отвечал Юрик опять-таки не очень уверенно.

— Так чего ж боишься, думаешь, Майка тебя съест?..

Хотя от бойкота Вовке пришлось отказаться — главную роль сыграл тут Семен Авдеевич, — но не поддразнивать Юрика Вовка просто не мог.

Он не послушался Семена Авдеевича, который, когда Вовка рассказал ему о визите матери Юрика и словах дяди Мити, посоветовал нам так:

— Вы от этого Юрика не отгораживайтесь. Парнишка он, возможно, не очень хороший. Мать его, со слов Владимира можно понять, с мещанскими предрассудками. Хотя и старая женщина. Ну, ее воспитывать не ваше дело. С нею, если надо, старшие борются. А парнишку вы исподволь берите под свое влияние. Чтоб он был в итоге советский пионер, а не муштрованный гимнастик.

Я хорошо помню, как говорил это Семен Авдеевич, — очень озабоченно. Ему немного нездоровилось в то время, вечерами он лежал. И когда к нему приходили потолковать или пожаловаться на что-либо (Семен Авдеевич был депутатом райсовета), он, отвечая, резким движением поднимался со своей шаткой и скрипучей койки, точно собирался сам, без проволоочки, делать все: чинить прохудившуюся крышу, бороться с предрассудками молодой матери Юрика, рассеивать антинаучные представления районных старух и подыскивать жилье людям, чей дом дал трещину, потому что под ним прошел тоннель метро.

Так же хорошо запомнилось мне, как Вовка возразил Семену Авдеевичу. Наверно, то, что он сказал, звучало бы очень дерзко, если бы не отчаяние в Вовкином голосе:

— Как же я на этого Юрика влиять буду, когда его мне в пример ставят?!

— Кто ставит? — спросил Семен Авдеевич. — Не разобравшись, наверно. А влиять не ты один должен — вся пионерия.

Но Вовка, как я сказал, этим словам не вял. Да и вся пионерия нашего двора недолюбливала Юрика. Правда, мы не жаждали, как Вовка, посрамления Юрика, но, в общем, не прочь были увидеть, как Майка Вертилова даст ему щелчок по носу. Или, по выражению Вовки, «нальет ему холодной воды за воротник».

Поэтому мы не мешали Вовке обрабатывать Юрика с помощью «слабó» и фанта-

стических утверждений, будто Майка смотрит на него каким-то особенным взглядом. И кончилось тем, что однажды днем Юрик, слегка подталкиваемый мною, зашагал по диагонали из одного угла двора, где толпились мальчишки, в другой, где на солнце сидела Майка и, шурясь, поглядывала то в учебник, то по сторонам.

Приближаясь к Майке, Юрик покраснел, и у него вспыхнуло одно ухо, а другое осталось белым. Вспыхнувшее ухо, мне показалось, чуть-чуть оттопырилось. В таком виде Юрик остановился перед Майкой и сказал ей:

— Ты у меня на первом месте... А я у тебя?

— Сейчас скажу, — ответила Вертушка (так мы называли Майку Вертилову между собой). Она захлопнула учебник, заложив страничку ленточкой, и принялась загибать пальцы сначала на левой, потом на правой руке. При этом она шевелила губами и морщила лоб, точно умножала в уме двузначные числа. — Ты у меня на восьмом, — объявила наконец Майка.

У Юрика покраснело второе ухо.

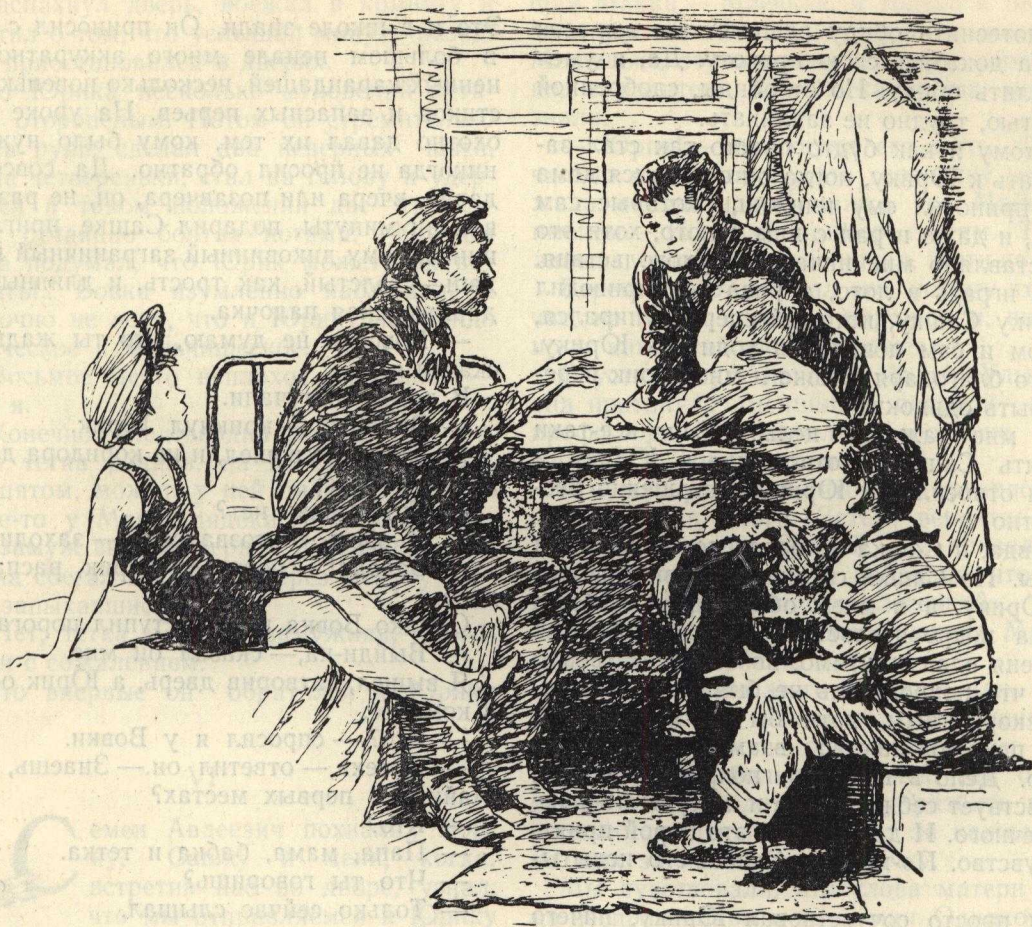
— Приходи ко мне, пожалуйста, в выходной день на день рождения. Мама, папа и я будем очень рады, — проговорил Юрик с самообладанием, прямо-таки изумительным для человека, узнавшего, что занимает в сердце избранницы восьмое место.

Майка поблагодарила.

— Вечером? — спросила она и, раньше чем Юрик успел ответить, забыла о нем.

По двору шагал семиклассник Костя. Хотя он явился играть с Майкой в пинг-понг, в руках у него была теннисная ракетка в чехле. На ходу он легко жонглировал этой ракеткой, подбрасывая и ловя ее поочередно то одной, то другой рукой. Он был без пальто, в спортивной кожаной куртке и башмаках на толстой подошве. И так рослый, Костя казался в них огромным. Он шутиливо шаркнул ногой и как-то сверху протянул Майке большую крепкую руку. Движения его были на зависть ловки и свободны. Рядом с этим хотя и безусым, но представительным и спортивным мужчиной красноухий Юрик был просто жалок. Кажется, он сознавал это. Он отошел в сторону. А Майка, так и не узнав, когда справляют его рождение, позвала Костю к себе, и они ушли со двора.

Надо сказать, что никто из нас, даже Вовка, не посмеялся над Юриком. Никто не злорадовался. Юрик подошел к нам и пригласил на день рождения. Профессорский внук

— Вы от этого Юрика не отгораживайтесь...

Сашка, я, еще несколько мальчиков сразу обещали прийти. А Вовка ответил лишь: «Там видно будет»,— но и это не означало отказа.

— Ну вот, теперь уже все мы Майке признались,— сказал Вовка, взглянув на Юрика, и улыбнулся без всякого ехидства.

— Ребята, слушайте-ка: пусть сейчас каждый расскажет, на каком он у Майки месте! — предложил вдруг Сашка.

— Верно, без вранья только,— поддержал Вовка.

До сих пор мы не делились этим друг с другом. Известно было только, что особых успехов вроде нет ни у кого. А сейчас каждый назвал всем цифру, на каком он месте. Это было волнующе, как объявление четвертных отметок, угадываемых и, однако, неизвестных наверняка. Это была откровенность, не принизившая никого. Ибо выяснилось, что никто из нас не занимает места лучшего, чем седьмое.

Но кто же тогда занимает первое, второе,

третье места?.. Кто, черт возьми, на четвертом, пятом и шестом?

Догадаться было мудрено. А нам было донельзя любопытно. Мы строили предположения, перебивая друг друга. И только Юрик молчал, а помедлив, осторожно выбрался из нашего тесного, гомонящего кружка. Я взглянул на него, и мне показалось, что ему, единственному из нас, отгадывать не любопытно. Ничуть. Ему просто горько.

Может быть, я преувеличивал. Может быть, я придумал даже, что Юрик страдает. Но, так или иначе, я почувствовал к нему жалость. Я знал, что такое неразделенное чувство. Разве я не догадывался, почему так редки письма от мамы? Разве верил в причину: много работы? Нет, знал: мало любит. Конечно, мама далеко, а Майку Юрик видит каждый день. Но ведь нелюбящий всегда далек, хотя бы и был рядом.

Я ничем не выказывал Юрику своей жалости. Мой маленький опыт жизни учил, что жалость лишь умножает боль. Мне удава-

лось потеснить обиду решимостью вырасти и тогда доказать свою правоту. Да, я умел пересилить обиду. Но от обиды, сдобренной жалостью, трудно не заплакать.

Поэтому я как будто просто так стал захаживать к Юрику, когда он оставался дома один, приносил ему книжки, которые сам любил, и даже играл с ним в лото, хотя это не доставляло мне никакого удовольствия. Чтобы играть в лото, я раза два приводил к Юрику Сашку, который сперва упирался, а потом и сам повадился ходить к Юрику. Так что благодаря Сашке и мне Юрик перестал быть одиноким.

Но, мне кажется, нельзя было все-таки сравнить Сашкино отношение к Юрику и мое: я относился к Юрику совершенно бескорыстно.

Правда, и Сашка не преследовал никакой выгоды. Но Сашка слегка покровительствовал Юрику, а в моем обращении не было оттенка покровительства. Это было тогда для меня едва ощутимо, но сейчас я твердо знаю, что покровитель не бывает совершенно бескорыстным, хотя бы не получал за свое покровительство взамен решительно ничего. Дело в том, что, покровительствуя, он чувствует себя сильнее и могущественнее подопечного. И для многих это порой приятное чувство. По-моему, Сашка его испытывал.

А я просто сочувствовал Юрику, ничего больше. Сочувствуя, играл с ним в скучное лото. И даже не назвал его дураком, когда про Димку и Жигана из «Р.В.С.» Гайдара он сказал, что это были плохие, испорченные ребята, потому что не слушались Димкиной матери.

— Ты кто?.. (Я проглотил «дурак».) Ты что?.. (Я проглотил «рехнулся».) Они же большевику жизнь спасли! Герои ребята!

— А зачем было продукты из дома без спроса уносить? — спросил Юрик. — Разве можно так поступать?

Мне стало тоскливо. Спорить с ним без толку. Да и как доказывать то, что самому ясно, как день? Ничего не понимает... А Юрик, легко и сразу забыв этот спор, вынул из стоявшей на подоконнике кастрюли с молоком пенку — большую и круглую, как блин, — и добродушно протянул мне:

— Угостить?

— Не нужно мне вашей пенки! — зло, совсем так, как, наверно, ответил бы Вовка, сказал я.

— Ты думаешь, я жадный? — спросил Юрик уязвленно.

И действительно, Юрик не был жадным.

Это и в школе знали. Он приносил с собой в большом пенале много аккуратно очищенных карандашей, несколько новеньких ластиков и запасных перьев. На уроке Юрик охотно давал их тем, кому было нужно, и никогда не просил обратно. Да совсем недавно, вчера или позавчера, он, не раздумывая ни минуты, подарил Сашке приглянувшийся тому диковинный заграничный карандаш — толстый, как трость, и длинный, как дирижерская палочка.

— Вовсе я не думаю, что ты жадный, — сказал я.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Юрик.

Но никто не вошел, и из коридора донесся Вовкин голос:

— Тут Мишки нет?

— Я здесь, — отозвался я, — заходи, Вов.

— Заходи! — повторил Юрик, распахивая дверь.

Однако Вовка не переступил порога

— Выйди-ка, — сказал он мне.

Я вышел, затворив дверь, а Юрик остался в комнате.

— Что? — спросил я у Вовки.

— Потеха, — ответил он. — Знаешь, кто у Майки на первых местах?

— Кто?

— Папа, мама, бабка и тетка.

— Что ты говоришь?

— Только сейчас слышал.

— Выходит, наши места не такие плохие?

— То-то и оно-то!

— Надо, между прочим, Юрику сказать.

— Ну, говори, если хочешь, — разрешил, но и нахмурился Вовка.

Я распахнул дверь, вбежал в комнату и возвестил о том, что услышал минуту назад. Вовка приостановился в дверях.

Лицо Юрика несколько мгновений оставалось оторопелым. Потом он стремительно стал на руки, сделал два неверных шага, упал на четвереньки, стал на голову и удерживался в таком положении две-три секунды, отчаянно болтая ногами. Кто бы раньше подумал, что Юрик может так вот ликовать!.. Вовка изумленно наблюдал за ним, точно не веря, что и Юрику не чуждо человеческое и мальчишеское.

— Восьмое место неплохое оказалось! — сказал я.

— Конечно, — подтвердил Вовка. — На четвертом тетка родная, на восьмом уже он. А на пятом, может, у ней дядька... То есть вообще-то у Майки дядьки нету, но, может, тетка замуж вышла, верно? Я сейчас...

Вовка сбежал во двор и через минуту вернулся запыхавшись.

— Нет, тетка у ней незамужняя, — сообщил он с сожалением.

И это впервые он обратился к Юрику мирно.

VI

Семен Авдеевич похвалил Вовку, Сашку и меня, когда, встретив нас во дворе, узнал, что мы отправляемся к Юрику на день рождения.

— Вы правильно делаете, — сказал Семен Авдеевич, — что не отгораживаетесь от него.

Конечно, то, что этот Юрик, по-видимому, перенял у своей матери мещанские предрасудки, вас от него отталкивает. Но вы себя пересиливаете, и молодцы. Легче всего поставить на человеке крест. А надо повлиять в хорошую сторону.

Так что за столом, заставленным пирогами, мы расселись с горделивым чувством людей, взявшихся за нужное и полезное дело.

Перед этим мы вручили Юрику подарки: Сашка «Маугли» Киплинга, а мы с Вовкой книгу стихов Маяковского для детей.

Некоторое время мы сидели за столом молча, не притрагиваясь к сладостям, потому что ждали Майку. Ее место за столом, единственное, оставалось еще пустым. Перед каждым из нас стояла тарелочка, на которой лежал квадратик бумаги с именем гостя, всякий раз уменьшительным: Сашка был назван Аликом, Вовка — Вовиком, отсутствующая

Майка — Маечкой, и только я был назван просто Мишей, наверно, потому, что Мишенька звучало бы чересчур ласкательно, а родители Юрика как-никак меня не знали.

— Юрик! — окликнула его мать. Он печально косил на пустую тарелочку, где лежала аккуратная бумажка с Майкиным именем. — Подавай пример гостям. Ты же знаешь, пока хозяин не начал, гости не едят...

Вероятно, Юрик знал это, потому что тотчас, не глядя, схватил пирожок и, послушно и как-то обреченно, зажевал.

Спустя минуту явилась Майка. Улыбаясь, она протянула имениннику подарок — книгу профессора Мантейфеля о зоопарке. Юрик глотнул и поблагодарил.

Его мать сказала, что это прекрасная и поучительная книга. Затем, вероятно, чтоб не обидеть нас с Вовкой, она похвалила и книгу Маяковского. Но добавила, что Маяковский напрасно писал «лесенкой».

— А вы знаете, ребятки, почему Маяковский писал лесенкой?

В то время мы этого еще не знали.

— Видите ли, поэты получают деньги за каждую строчку, — объяснила нам мать Юрика. — Чем больше строчек, тем больше денег. А если одну строчку разбить на несколько, то деньги заплатят за каждое слово, как за настоящую строчку.

Мы чувствовали, что слова матери Юрика несправедливы и нехороши. Однако выразить этого мы не могли и молчали — дружно и скучно.

Отец Юрика, который до этого занимался своим делом — писал что-то за столиком у окна, — встал и сказал:

— Что-то вы тут затосковали? Сделаю вам освещение поярче! — И, вынув из стенового шкафчика большую электрическую лампочку, взгромоздился на табуретку...

Мать Юрика тем временем спрашивала нас:

— Пушкина любите, ребятки? «Буря мглою небо кроет...» — вдруг начала она с фальшивым упоением.

— «Вихри снежные крутя», — продолжил Юрик, лстыиво улыбнувшись матери.

— «То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя». Как же, как же! — закончил без выражения отец Юрика, ввинчивая в патрон лампочку покрупнее.

Но и от яркого света нам не стало веселее. Съев кусок орехового пирога и не допив чая, первой упорхнула Майка. Хотелось уйти и нам, но, помня напутствие Семена Авдеевича, мы сидели.

— Без нас он совсем заснет, — шепнул мне Вовка, кивая на Юрика.

Все же через полчаса мы попрощались. А Юрик вышел вместе с нами во двор — погулять перед сном. При яркой луне мы затеяли игру в лапту, и он в этом участвовал...

Если бы на этом вот месте — в момент, когда утихла вражда и вроде бы началась дружба, — можно было закончить рассказ, то, пожалуй, его не стоило бы и начинать. Для истории моего знакомства с Юриком самое важное — рассказать еще об одном дне. Поэтому последняя точка будет поставлена немного позднее.

...Во время весенних каникул я возвращался как-то домой после утренника в цирке. У ворот двора меня встретил Юрик.

— Ты не знаешь?

— Что?..

— Твоя мать приехала!

Мама! И не предупредила! Сюрпризом! Надолго ли?..

Я ринулся было домой, но Юрик остановил меня:

— Она только ушла... Минут пять... С тобой твоим.

— Куда?

— На Чистые пруды, на лодке кататься. Тебе туда велели идти, как придешь!

Я побежал на бульвар. Сердце стучало от бега, неожиданности и счастья. «Мама и папа пошли вместе на пруд. Значит, помирились... Будем снова жить вместе! Рядом со мной в комнате будет мама!»

На мгновение вспомнилась мамина фотография с белым уголком, ящичек с урюком... И теперь, обретя маму, я ощутил, как жалки были эти сокровища, которыми еще недавно я так дорожил и должен был довольствоваться!

Мелькнуло в памяти, как вечерами я смотрел в лупу на маленькое фото... Это позади, это отрезано!..

Вспоминать было приятно, как перечитывать грустные места в истории со счастливым концом.

Так, ничего не видя вокруг, я домчался до пруда.

Сильно стучавшее сердце ёкнуло и при-

остановилось. Я увидел сразу дверь лодочной пристани, забитую досками, и вместо зеленой, мутноватой воды пруда — тусклый каток, подтаявший с краев. Совершенно пустой каток. Большие куски колотого льда на берегу. Лед толстый, трехслойный: нижний и верхний слои — черные, посредине — белый, как сахар. А рядом глыбы чистого, прозрачного льда с маленькими пузырьками воздуха в глубине. Газированный лед.

Я разглядываю все это внимательно, тупо и, вероятно, долго, сознавая, что произошло нечто очень скверное, непоправимое, но не понимая, как это могло произойти. Мне даже не приходит в голову поспешить домой, чтобы потребовать от Юрика объяснений. Ведь Юрик не в состоянии ничего поправить, это главное...

Обернувшись, я вижу Юрика. Как он здесь оказался?

Юрик восторженно и оглушительно выпаливает:

— С первым апреля!

Я гляжу на него, медленно прозревая, а он частит:

— Первого апреля никому не верю! Первого апреля никому не верю!.. Ох!.. Ты побежал быстро, я за тобой не поспевал! Я боялся, ты обернешься, но ты ни разу...

Видно было, что он не желал причинить мне зла и не представлял, что сделал.

Для него все было просто. Он знал, что можно и что нельзя. Первое апреля — день дозволенных обманов. Сегодня было можно так поступить, вот и все.

Вскоре после истории, которую я рассказывал, Юрик переселился в новый дом, где его отец получил две комнаты. Я не знаю, окончил ли Юрик школу, учился ли потом в институте, служил ли в армии, стал ли комсомольцем. Ни разу не встречал его взрослым. И вспоминаю иногда учтивого мальчика, который умел вести себя за столом, не перебивал старших, — словом, так хорошо затвердил полдесятка «можно» и «нельзя», что кое-кто у нас во дворе стал всерьез называть его сознательным.

ШУТКИ, НЕБЫЛИЦЫ, ВЕСЕЛЫЕ СТИХИ,

которые мы здесь печатаем, родились в разных странах: во Франции, Германии, Америке, Югославии, Польше.

Прочитайте их, и вы увидите, что дети повсюду одинаково любят игры, звонкие считалочки, забавные истории и сказки — одинаково любят смех.

ТРИ УТКИ

Шли три утки в огород.
Первой первая идет,
Идет вторая средней,
Последняя — последней.

Перевел с французского В. Викторов.

МАТУШКА МИШЕЛЬ

У матушки Мишель пропал любимый кот.
Воскликнула она: «Ах, кто его найдет!»
А дядя Люстюкрю ответил ей тогда:
«Кот вовсе не пропал! Какая ерунда!»

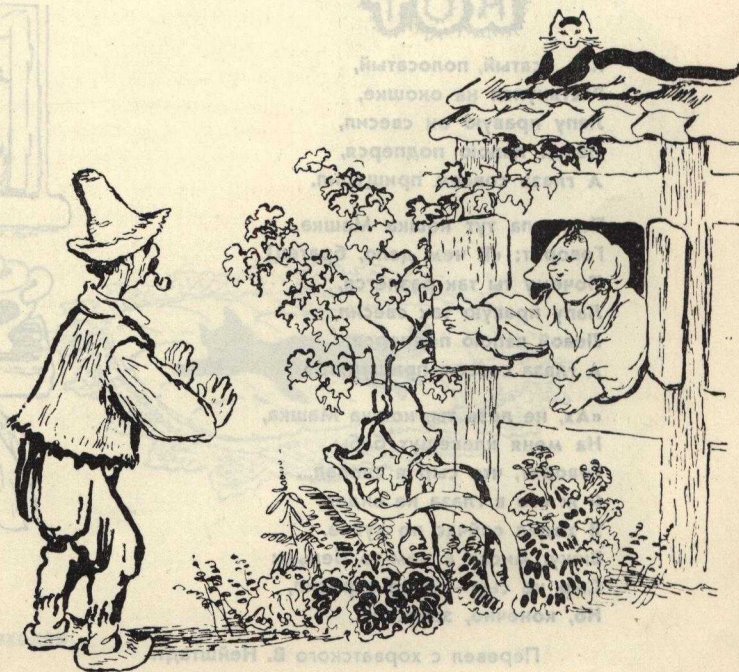
А матушка Мишель воскликнула тотчас:
«Ах, котик не пропал! Ах, значит, он у вас!»

А дядя Люстюкрю ответил ей тогда:
«Но что я получу в награду за кота!»

А матушка Мишель воскликнула тотчас:
«Найдите мне кота — я поцелую вас!»

А дядя Люстюкрю сказал: «Не надо, нет!
Кот продан мяснику на мясо для котлет!»

Перевели с французского
Н. Гернет и С. Гиппиус.

ПРО ВЕЛИКАНА ТИМПЕТУ

Послушай, я тебе прочту
Про великана Тимпету.

Бедняга очень болен был:
Он ночью мышку проглотил.

Она царапает живот,
И Тимпету к врачу идет.

«Ах, доктор, мышь сидит во мне!
Я проглотил ее во сне.

Болит живот, что делать с ним!
Спасите, доктор Изегрим!»

«Постой-ка, что ты говоришь!
Ты проглотил живую мышь!!

Теперь, чтоб мышь уговорить,
Придется кошку проглотить».

Перевел с немецкого В. Викторов.

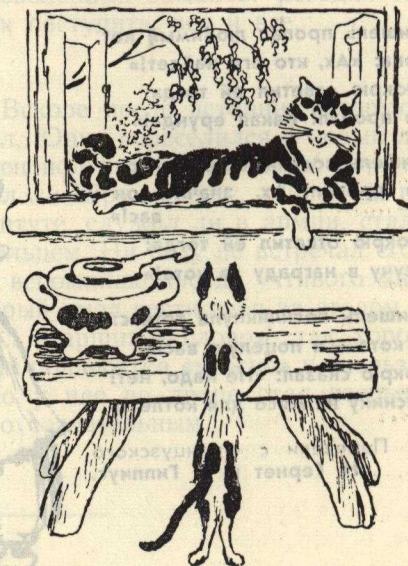
ОБИЖЕННЫЙ КОТ

Кот, усатый, полосатый,
Растянулся на окошке,
Лапу правую он свесил,
Левой лапою подперся,
А глаза совсем прищурил.

Подошла тут кошка Машка,
Говорит: «В чем дело, братец!
Почему ты так разлегся,
Лапу правую так свесил,
Левой лапою подперся,
А глаза совсем прищурил!»

«Ах, не лезь ты, кошка Машка,
На меня клеветают бабы,
Говорят, что сыр я слопал...
Я ж его в глаза не видел.
Я ходил сейчас по кухне,
Вижу, миска с чем-то белым:
Сыр не сыр — я не спросил,
Но, конечно, закусил».

Перевел с хорватского В. Нейштадт.

ЛАВКА ЖИВОТНЫХ

Рэчэл Филд

Если б сто долларов я имел
Или побольше чуть,
В лавку, где продают зверей,
Я бы направил путь.

Я не спросил бы, почем товар
И какой, мол, породы пес.
Я всех бы купил, сколько видит глаз,
Сколько в руках унес.

Я безухого взял бы щенка,
Что, грустный, сидит в стороне,
Таксу взял и спаньеля взял,
Лишь бы пошли ко мне.

И обезьянку и какаду
Попросил бы мне завернуть,
Если б сто долларов я имел
Или побольше чуть...

Перевел с английского В. Викторов.

СКАЗОЧКА

Р. Писарский

В чистом поле, в белом поле
Было все белым-бело,
Потому что это поле
Белым снегом замело.

И стоял в том белом поле
Белоснежно-белый дом
С белой крышей, с белой дверью,
С беломраморным крыльцом.

Потолок был белый-белый,
Белизною пол блистал,
Было много белых лестниц,
Белых комнат, белых зал,

И в белейшем в мире зале
Спал без горя и забот,
Спал на белом одеяле
Совершенно черный кот.

Был он черен, словно ворон,
От усов и до хвоста.
Сверху черен, снизу черен...
Весь сплошная чернота!

Перевел с польского Борис Заходер.

Необыкновенные гости

Кроме десятков тысяч зарубежных гостей, к нам в Москву в дни фестиваля приедут еще гости, которые не включены в это число. Им не нужны номера в гостиницах: они маленькие и отлично уместятся в чемоданах и ящиках. Но малый рост не мешает им неутомимо работать на пользу мира и дружбы... В общем, ребята, к нам едут театральные куклы из разных стран.

Они едут из Китая, Англии, Польши, Аргентины, Чехословакии. Мы еще не можем назвать имена этих кукол и перечислить спектакли, в которых они будут играть,— мы их увидим на фестивале. Но о некоторых особенностях наших маленьких деревянных гостей мы сможем судить, когда познакомимся с их родичами и земляками,— они уже давно приехали к нам и находятся в музее при Центральном театре кукол. Они с радостью встретят своих соотечественников, которые ведь непременно придут к ним в кукольный театр.

О них—об иностранных куклах, которые уже давно живут у нас,—мы попросили рассказать Е. В. СПЕРАНСКОГО—драматурга, актера и режиссера Государственного Центрального театра кукол. Вот что мы узнали из его рассказа.

Английские и чешские куклы встретят у нас в Москве своих прадедов: англичанина Панча и чеха Кашпарека... Вот они на рисунке. Посмотрите на этих носастых, зубастых насмешников и их друзей: француза Полишинеля, итальянца Пульчинеллу, немца Хансвурста. Они похожи друг на друга, будто лежали в одной колыбели. И все они кажутся родными братьями нашего русского Петрушки, или Петра Петровича Уксусова, героя старинного русского балагана.

Все они народные шуты, смех и горе народное. Их выдумал простой народ, чтобы смеяться над своими угнетателями, и их пронзительные голоса слышались на шумных площадях Лондона и Парижа, на карнавалах Венеции, на улицах Праги.

Их никогда не любили власти и церковь. На воротах домов в дореволюционной Москве часто можно было про-

Тростевая кукла с острова Ява.

читать объявление: «Старьевщикам и петрушечникам вход воспрещается». В средневековой Европе «маленьких дьяволов» сжигала инквизиция. Но никто не мог укротить зубоскалов-насмешников: они смеялись над начальством, над монахами и даже над самим чертом...

Панч может похвастать тем, что в конце представления всегда побеждал черта. А когда один английский куколовод попытался закончить поединок победой черта, он едва ушел живым от разгневанных зрителей: они забросали его ширму камнями и грязью.

Из Чехословакии к нам на фестиваль приедет кукольный театр из Брно. Куколоводы из Брно, наверное, с радостью встретятся со знаменитыми марионетками Шпейблом и Гурвинек. Они давно уже находятся у нас.

Посмотрите на этих смешных кукол с вытаращенными глазами-пуговицами и со множеством ниток, идущих от их ручек, ножек и голов к деревянному коромыслицу.

Шпейбл-папаша и Гурвинек-сын разыгрывают очень забавные сценки, разговаривая на самые разнообразные темы: о воспитании детей, о школьных отметках, о приличном поведении в обществе. Иной раз разговоры сопровождаются музыкой: Гурвинек играет на скрипке, а его отец аккомпанирует ему на рояле... Папаша Шпейбл простоват, и озорник Гурвинек часто ставит его в тупик... В Чехословакии очень любят Шпейбла и Гурвиника, пришедших на смену старому Кашпареку.

А вот каччони — маленькие деревянные куклы североамериканских индейцев. Целый год эти причудливо раскрашенные божки неподвижно стояли в индейском вигваме, но в праздник «духа предков» старый индеец, старшина рода, проводил их перед пылающим очагом, и идолы становились актерами. Может быть, на фестивале не будет ни одного североамериканского индейца. Но мы вспомним о них в эти дни, посвященные миру и дружбе.

Индонезийцы, жители страны, которая сейчас муже-

Гурвинек и Шпейбл из Чехословакии.

Кукла-генерал из Китайского
теневого театра.

ственно борется за свою независимость, почти наверно будут среди наших гостей, и, возможно, они обрадуются при виде кукол своей родины — так называемых ваянгов. Это искусно вырезанные из буйволовой кожи фигурки,двигающиеся при помощи тростей. Куклы-ваянги — родоначальники тростевых кукол, которыми наши советские актеры играют сейчас спектакли. Те из вас, кто видел «Волшебную лампу Аладина», «Золушку», «Буратино», видел, значит, и тростевых кукол, потомков индонезийских ваянгов.

Китайские кукловоды уже были у нас в гостях несколько месяцев назад. Они удивили всех своей замечательной техникой: китайские куклы состязались в борьбе, боксировали, прыгали, ловко и точно воспроизводя движения человеческого тела... Надо полагать, что на фестивале они покажут все чудеса своего мастерства.

Конечно, китайские гости обратят внимание на своего старого знакомого — дракона, который давно уже находится в Москве.

Дракон, как и маленькие каччони, «божественного» происхождения: в религиозных процессиях старого Китая десять человек несли этого великана по городским улицам. Теперь же в новом, свободном Китае старик-дракон участвует в процессиях, посвященных... правилам уличного движения. Как видите, меняются не только времена и люди, меняются даже драконы.

Конечно, вместе с иностранными куклами, живущими у нас, радушно встретит гостей и наш русский Конек-Горбунок, им приветливо помашет лапой добрый медведь, радостно улыбнется капризница царевна Несмеяна из «Щучьего веленья»...

И все эти куклы — русские, китайские, польские, индонезийские — пожмут друг другу деревянные ручки, а главное, крепко пожмут друг другу руки кукловоды. И, собравшись для дружеской встречи, они непременно вспомнят о том, что англичанин Панч, француз Полишинель, итальянец Пульчинелла и русский Петр Петрович Уксусов похожи друг на друга, как родные братья, как близнецы из одной колыбели.

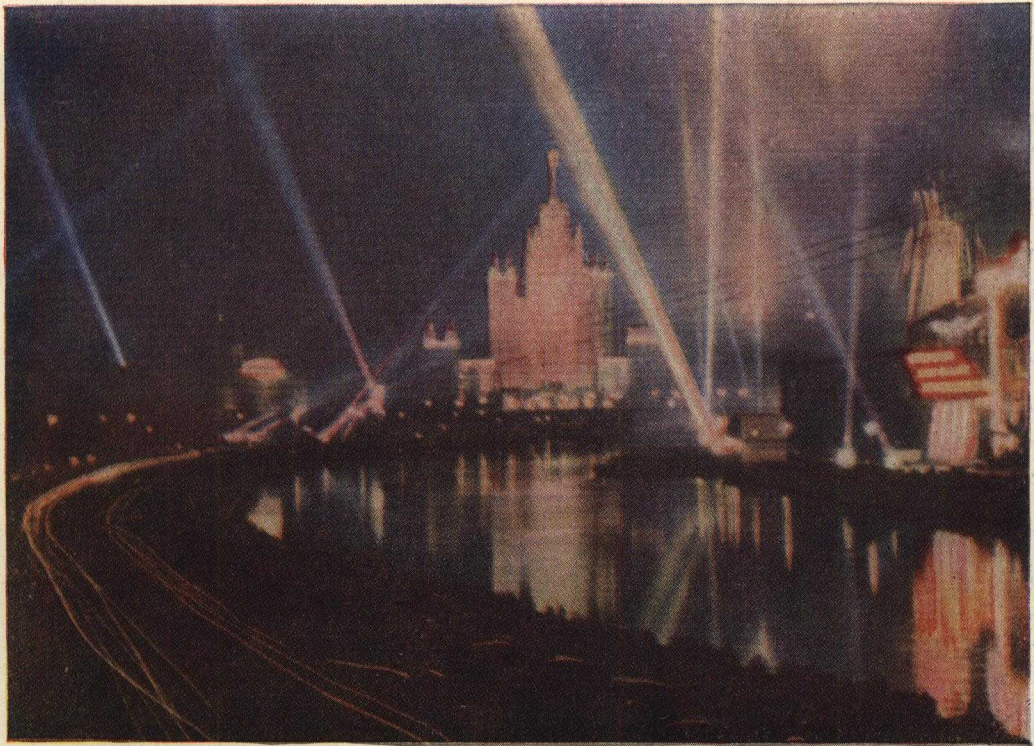
Каччони — древние куклы североамериканских индейцев.

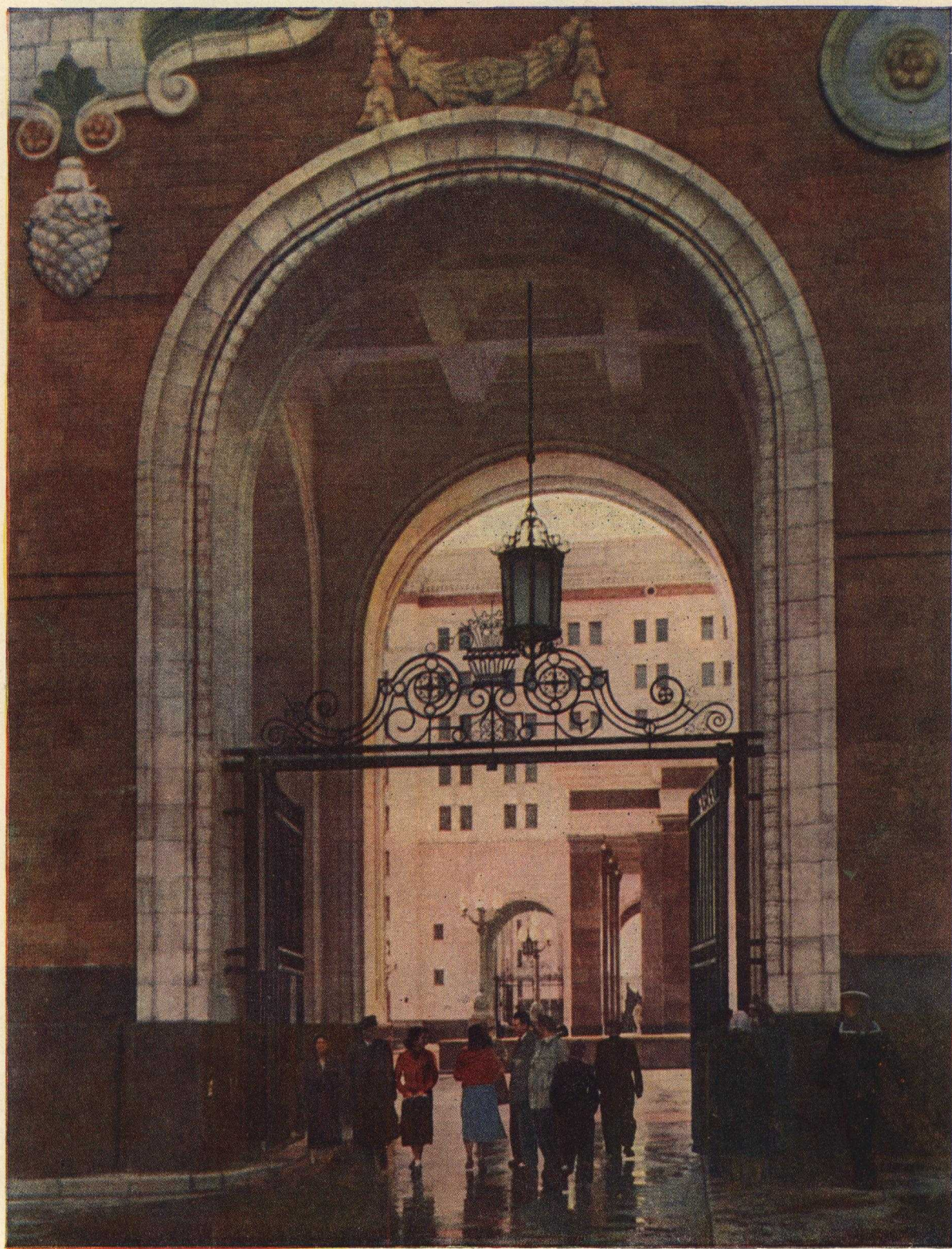
Посмотрите на эту цветную вкладку. Вот она, наша красавица Москва, огибающая гостей фестиваля!.. Конечно, прежде всего гости захотят увидеть сердце Москвы — Красную площадь. Здесь они полюбуются Кремлем, памятником Минину и Пожарскому, чудом архитектурного искусства — храмом Василия Блаженного, посетят Мавзолей.

Хороша Москва днем, но еще краше она летним вечером, особенно в праздник, когда цветные прожектора, скрещиваясь, отражаются в реке, а высотные здания вырисовываются на темном небе, как сказочные дворцы! А какой волшебной-прекрасной будет наша столица в ночь молодежного карнавала!

У студентов, приехавших на фестиваль, будет свой карнавал, свои студенческие праздники, свои дружеские встречи. Они будут происходить на Ленинских горах, возле университета и в самом университете. Переверните страницу, и вы увидите одну из арок Московского университета. Под ее сводами в дни фестиваля пройдут студенты всех пяти материков. Это будет событием даже для нашего университета, в стенах которого учатся представители многих народов.

Цветные фото Ив. Шагина.

Дорога к подземным богатствам

А. Некрасов

Рисунки В. Цельмера.

СКОЛЬКО УГЛЯ ТЕБЕ НУЖНО

Недавно мы собирались в байдарочный поход и составляли список, чего взять с собой. Хлеба по полкило в день на брата, по банке консервов, крупу, чай, сахар, соль, спички, топоры, кружки, ведра... Мы ничего не забыли, но нигде в нашем списке не значилось слово «уголь».

А ведь на каждого из нас за две недели похода было истрчено столько угля, что, вздумай мы забрать его с собой «сухим пайком», наши байдарки пошли бы ко дну.

Примерно семь килограммов угля в день расходует каждый гражданин нашей страны. Сначала этому трудно поверить. Ведь многие из нас годами в глаза не видят угля. Как же можно расходовать то, чего даже не видишь?

Но вот ты зажигаешь свет в своей комнате... Откуда он, этот свет?

С электростанции. Там выделяющаяся при сжигании угля энергия превратилась в электрический ток и послушно пришла по твоему зову...

Ты сядишь за стол, берешь в руки нож, но, прежде чем превратиться в блестящее острое лезвие, кусочек ржавой руды прошел длинную цепь превращений, в каждом из которых участвовал уголь. Уголь дал электрическую энергию машинам, поднявшим руду из шахты, уголь горел в топке паровоза, пока везли руду к домне. В домне кокс, выжженный из угля, расплавил руду и, сгорев,

превратил ее в металл. Уголь, сплавленный с алюминием, превратился в круглые камни, на которых точили и шлифовали сталь.

Ты наливаешь чай в стакан и даже не вспоминаешь кочегаров, которые тонны угля перекидали в топку парохода, пока привезли этот чай из Индии в СССР... Ты берешь кусок рыбы, а ее, оказывается, поймали капроновой сетью, сделанной из угля... Ты сядишь готовить уроки и не думаешь о том, что чернила, которыми ты пишешь, тоже сделаны из угля.

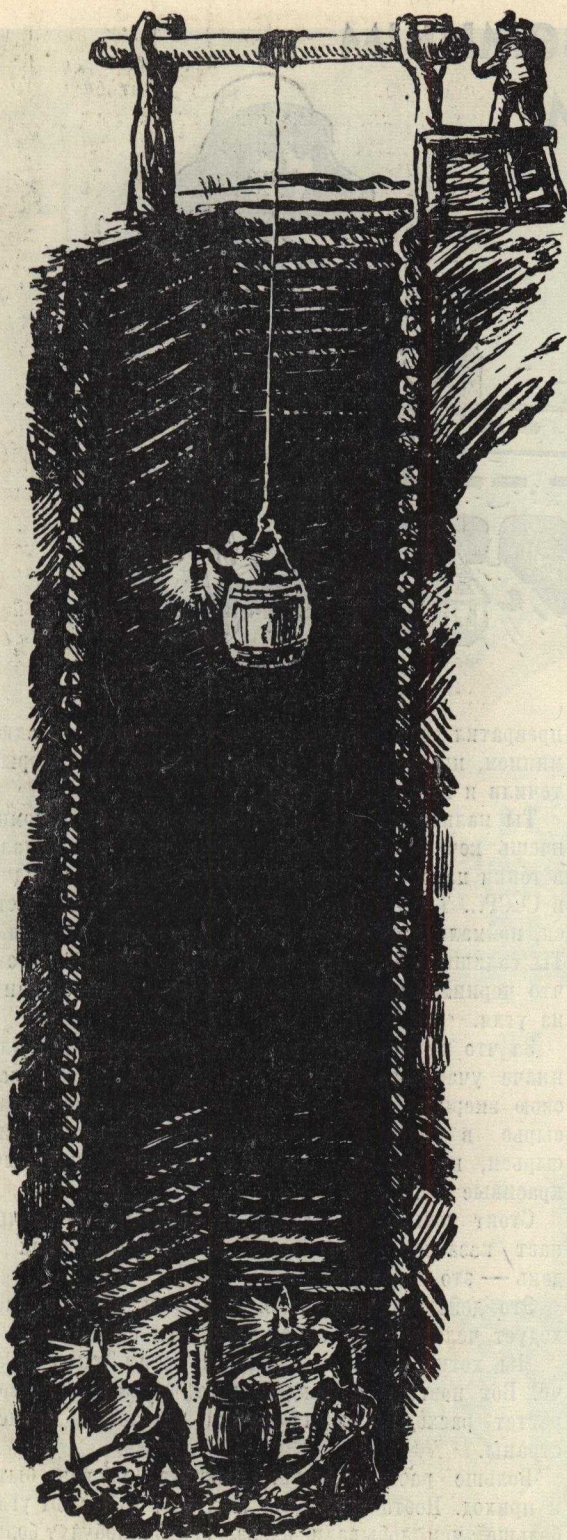
За что ни возмись, везде, оказывается, так или иначе участвовал уголь: там он, сгорая, отдавал свою энергию, там совершал чудеса, превращая сырье в готовые продукты, там сам послужил сырьем, из которого сделали нужные, прочные, красивые вещи...

Стоит только задуматься об этом, и уже начинает казаться, что семь килограммов угля в день — это совсем не много.

Это действительно мало. Чем больше угля расходует человек, тем он сильнее, тем он богаче.

Мы хотим быть сильнее, мы хотим жить богаче. Вот поэтому с каждым днем, с каждым часом растет расход угля на душу населения нашей страны.

Больше расход, больше, значит, должен быть и приход. Поэтому сегодня шахтеры добывают угля больше, чем добывали вчера, завтра добудут больше, чем сегодня... И недаром записано в пятилетнем плане: добыть в 1960 году 593 миллиона тонн угля, то есть на 52% больше, чем в 1955-м.

Так в старину проходили вертикальные стволы шахт. Понятно, что с такой техникой дело шло медленно.

Прежде чем добыть уголь, нужно его найти. Это — дело геологов. Но вот геологи говорят:

— Нашли! Здесь на такой-то глубине лежит уголь!

Казалось бы, самое главное сделано.

Но, прежде чем взять уголь, нужно сложное хозяйство построить под землей: пробить и укрепить длинные подземные ходы-выработки, по которым повезут добытый уголь. В этих ходах нужно уложить пути, нужно провести туда свет и воздух, нужно откачать воду, которая наберется из водоносных пластов... Туда, глубоко под землю, нужно опустить вагонетки и электровозы, насосы и машины, каждая из которых заменит десятки шахтеров; нужно снабдить энергией эти машины...

А прежде чем делать это, нужно вырыть глубокие и широкие колодцы — стволы шахты, по которым туда, под землю, будут спускаться люди и материалы, а оттуда на-гора будут подавать уголь и пустую породу.

Много труда, материалов и времени нужно, чтобы построить и подготовить к работе новую шахту. Но зато, если уголь хороший, если он залегает в земле мощным, толстым пластом, тогда каждая новая шахта — это больше тысячи тонн угля в сутки!

УГОЛЬНАЯ ЦЕЛИНА

Угля у нас много. Под мхами северной тундры и под песками знойных пустынь, на Дальнем Востоке и у западных границ — везде есть уголь. Можно бы и там брать его. Есть места, где уголь лежит совсем неглубоко; там можно обойтись и без сложных подземных сооружений. Да вот беда: уголь-то есть, но нет многого другого. Провести дороги, построить шахтерские города, поставить электростанции и заводы — это долгое и дорогое дело. Дольше и дороже, чем строить новые глубокие шахты.

И пока что выгоднее добывать уголь пусть поглубже, но там, где уже стоят города и заводы, где все хозяйство налажено так, что и добывать и расходовать добытый уголь можно хоть сейчас.

Одно из таких мест — Донбасс. С давних пор оттуда во все концы нашей страны идет уголь и кокс; там двести лет дымятся домны и пылают сталеплавильные печи; там добывают и с пользой сжигают миллионы тонн угля. И недаром с давних пор зовут Донбасс «Всесоюзной кочегаркой».

Немало угля дал Донбасс нашей стране. Многие шахты там отдали уже все, что могли. Многие пласты выработаны до последней тонны. Но еще и сегодня столько угля в Донбассе, что бери да бери.

Заройся только поглубже в землю, взломай многометровые слои песчаников и сланцев, пройди через водоносные пласты, а там ждет тебя несметное

богатство, нетронутая, неподнятая угольная целина.

Поднимать целину — дело почетное, но трудное.

А у нас уж так повелось: за трудные, почетные дела берутся комсомольцы. Вот поэтому, когда партия кликнула клич, со всего Советского Союза съехались в Донбасс молодые ребята с комсомольскими путевками — строить новые шахты, поднимать угольную целину.

И, конечно, на первых порах нелегко пришлось этим смелым ребятам. Правда, на голой земле они не спали и кашу на кострах не варили. Дали им и койки, и подушки, и обед в столовой, а вот работа досталась им тяжелая, сложная и опасная.

Поэтому, прежде чем спуститься под землю, прежде чем взять в руки шахтерский инструмент или встать к управлению подземной машиной, многому должен научиться молодой рабочий. Ведь там, под землей, и ходить нужно умеючи, и смотреть, и дышать...

И, конечно, не сразу комсомольцы, приехавшие на стройку новых шахт, стали настоящими мастерами. Но зато туда, под землю, принесли они боевой комсомольский дух, горячее стремление поскорее, получше сделать дело, порученное партией.

И когда, одолев трудную шахтерскую учебу, они встали в забоях рядом с бывалыми шахтерами, им все казалось, что слишком медленно идет дело, что можно скорее пробиться к богатым угольным пластам, которые таятся глубоко в донецкой земле.

Многие месяцы уходили на стройку каждой новой шахты. И почти половину этого времени отнимала проходка вертикальных стволов.

Под землей, где лежал уголь, там проще: угольные комбайны — могучие машины — стальными зубками вгрызаются в пласт, в вагонетках по рельсам везут уголь и взорванную породу, там широким фронтом во всех направлениях сразу идет наступление. А в узком колодце ствола не развернешься. Тут лишний человек, лишняя машина уже не помощь, а помеха: и без того тесно.

И выходило так: тут бы полным ходом развернуть работу под землей, поскорее дать уголь, а нельзя. Сиди и жди, пока будет готов ствол.

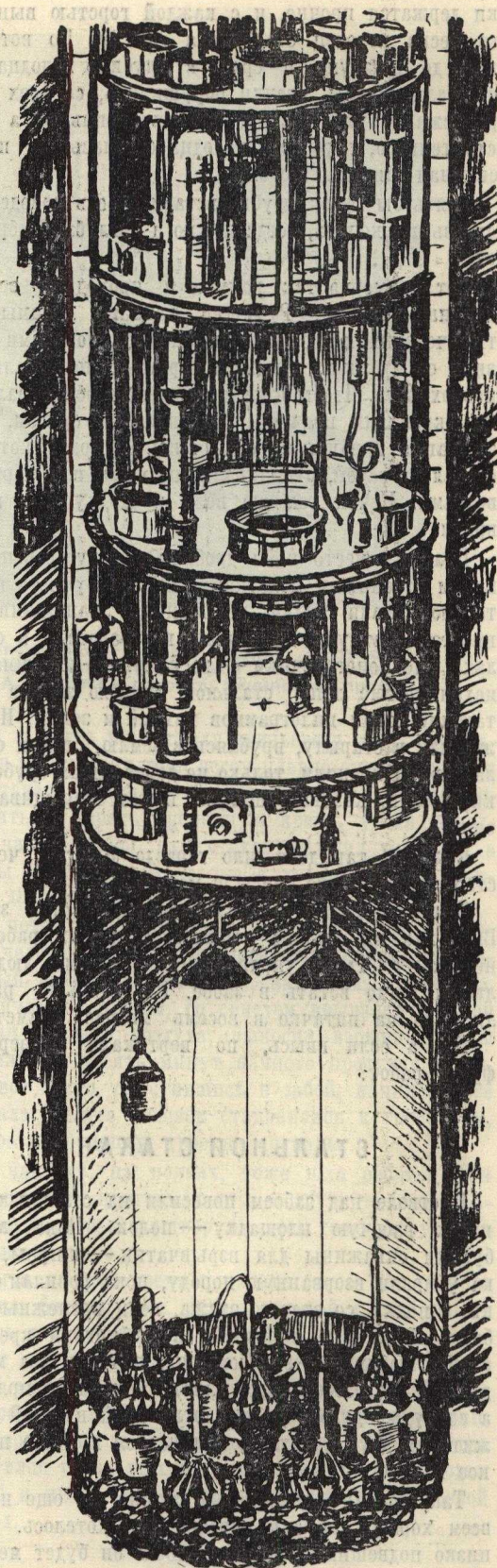
— Дайте нам, — потребовали молодые шахтеры от инженеров, — такую технику, чтобы не по метру в день, а в пять, в десять раз быстрее сооружать стволы!

И такая техника появилась.

РАЗВЕРНУТЬ ФРОНТ РАБОТ

Тебе не приходилось, сидя на пляже, копать колодец в песке?

Сперва дело идет хорошо: чуть влажные стен-

А вот так строили ствол шахты «Бутовская-Глубокая». С таким оборудованием молодежная бригада Н. Тихонова поставила мировой рекорд скоростной проходки.

ки держатся прочно, и с каждой горстью вынутого песка колодец становится глубже. Но вот дошли до плывуна, и сразу в глубине колодца заплюхали обвалы, стенки обрушились, со всех сторон сжали руку так, что еле вытащишь ее, а вместо темного, глубокого колодца осталась в песке скучная широкая воронка...

Взять бы кусок трубы, вставить ее в колодец да сквозь нее копать, тогда можно и поглубже забраться...

Вот примерно так раньше и проходили вертикальные стволы. Ручными кайлами взламывали тысячелетиями слежавшуюся породу, лопатами грузили ее в бабьи, ручными воротами поднимали на поверхность. Чтобы стенки ствола не обваливались, их укрепляли прочным бревенчатым срубом, шаг за шагом наращивая его снизу. А воду, которая стекала в забой, откачивали насосами или черпали ведрами. Почти так же вели проходку и в наше время.

Правда, вместо кайл дробили породу взрывчаткой и отбойными молотками. Вместо ручного ворота поднимали бабьи подъемными машинами, а вместо лопат уже не первый год работали в стволах пневмопогрузчики — грейферы — шестипалые механические лапы, стальной горстью за раз хватающие сотни килограммов камней и земли. И так же, как в старину, врубались в землю, стенки ствола прочно крепили, только не деревянным срубом, а кирпичной кладкой, шаг за шагом наращивая ее снизу.

Конечно, так дело шло гораздо быстрее, чем в старину, и все же оно шло медленно.

Слишком узким оставался фронт работ в забое. Ведь как ни сильны машины, одни они работать не станут. Чтобы управлять ими, нужны люди, а людям негде встать в забое. Не очень-то разгуляешься на пяталке в восемь метров диаметром!

Ну, а если ввысь, по вертикали развернуть фронт работ?

СТАЛЬНОЙ СТАКАН

В стволе над забоем повесили на стальных канатах рабочую площадку — полок. Пока внизу бурили скважины для взрывчатки — шпурь, пока убирали взорванную породу, пока ровняли стенки, с полка, со второго этажа, вели крепежные работы. И уже не кирпичом, а тубингами крепили ствол. Тубинги — это большие, почти в два метра длиной, железобетонные плиты, только не прямые, а согнутые дугой. Если плотно край в край сложить их друг с другом, получается прочное широкое кольцо.

Так, конечно, дело пошло лучше, но еще не совсем хорошо, не так хорошо, как хотелось. Ведь низко подвешивать полок нельзя: он будет мешать

работе в забое. А повыше подвесишь — опасно: некрепленные стенки ствола между полком и забоем могут обвалиться.

Приходилось ставить тут временную крепь. А для этого дела лишние люди должны быть в забое, лишние материалы, а тут и без того тесно. И все же подвесной полок намного ускорил проходку.

Это была большая победа, но и этого казалось мало. По всему было видно, что много больше можно было бы пройти, если бы не временная крепь.

Как избавиться от временной крепи?

Об этом думали проходчики, думали инженеры, думали ученые и придумали!

Года полтора назад коллектив конструкторов и машиностроителей дал строителям шахт новое оборудование для проходки вертикальных стволов по системе, разработанной инженерами Р. А. Тюркяном, П. И. Горловым, А. А. Пшеничным, М. П. Давыдовым и И. Л. Раковым.

Заводы изготовили новые, невиданные прежде машины. А высокую честь опробовать в работе эти машины доверили бригаде молодых строителей под руководством опытного бригадира Николая Тихонова.

Для пробной проходки выбрали вентиляционный ствол новой шахты «Бутовская-Глубокая» в тысячу метров глубиной.

Поставили копер, разместили на стройке лебедки, компрессоры, склады, подвели пути, подтянули провода, привезли материалы...

А когда все было готово, под копром собрали невиданное сооружение: подвешенный на стальных канатах кверху дном, висел огромный стальной стакан в девятнадцать метров высотой, в восемь метров в поперечнике. На дне стакана сверху стояли небольшие лебедки. С них через узкие отверстия сбегали вниз тросы, на которых висело пять мощных грейферов.

И вот в широкие, круглые отверстия, прорезанные в дне стакана, в бабьях спустились люди. Внутри стакана застучали бурильные молотки... А потом по три раза в сутки стали раздаваться глухие взрывы, и после каждого взрыва тяжелый стакан на два с лишним метра углублялся в землю.

Когда он зарылся поглубже, над ним повесили рабочий полок. С него велись крепежные работы — укладка тубингов. Над первым полком повесили второй. С него заливали жидкий бетон между крепью и стенками ствола, чтобы на долгие годы сделать его надежным и прочным.

Одна за другой поднимались из ствола тяжелые бабьи, наполненные раздробленной породой, одна за другой спускались в ствол разборные клетки с тубингами, ящики со взрывчаткой... По трубам гнали туда сжатый воздух, по проводам подавали электрическую энергию.

Сверху ствол казался темной, бездонной ямой.

А внизу, на самом дне этой ямы, в стальном ста-

Эти люди поставили рекорд скоростной проходки вертикального ствола шахты «Бутовская-Глубокая». Тут не все шахтостроители: каждый раз в забой спускалось вдвое больше народу. Третий слева начальник скоростной проходки Р. А. Тюряня — лауреат Ленинской премии.

кане ярко горели лампы и освещали все, что творилось в забое.

А творились там удивительные вещи: молодые строители в тяжелых брезентовых робах, в огромных шляпах с полями, свисающими на спины, в касках, надетых поверх шляп, в резиновых сапогах показывали чудеса скоростной проходки вертикального ствола.

День за днем изучая в работе новые механизмы, проходчики совершенствовали мастерство, учились работать так, чтобы ни минуты, ни секунды не тратить зря в этой трудной и важной работе.

Это было 1 марта. В то время забой находился на глубине 352,2 метра. С этого дня, не теряя ни минуты, смена во главе со звеньевым быстро спускалась в стакан. Десять человек сразу брались за рукоятки грейферов, и те послушно грузили взорванную породу в большие бадьи. Бадьи быстро взлетали вверх, на их место спускались порожние, и пять человек едва успевали перецеплять их. Трое, зорко следя за ходом работы, подавали команды и сигналы наверх. Двое с отбойными молотками ровняли стенки забоя. Потом один за другим останавливались грейферы, а грузчики превращались в бурильщиков. Вступали в общий хор новые бурильные молотки. Такой грохот стоял в стальном стакане, что говорить было уже невозможно. Но говорить и не нужно было: каждый и так знал свое дело, каждый знал свое место. Пробурив шпур, их начинали взрывчаткой, собирали инстру-

мент, и тогда по сигналу звеньевого стальной стакан в шестьдесят тонн весом плавно опускался вниз и вставал на дно забоя. Прежде на то, чтобы поставить и убрать временную крепь, уходили долгие часы. Теперь сам стакан служил крепью, а чтобы спустить его на два с лишним метра, хватало двух минут.

А потом звено покидало ствол. И когда последний человек выходил на поверхность, глухой подземный взрыв раскатывался, как гром, и замирал. И сейчас же с воем, со свистом врывался в забой ураган свежего воздуха, выносил взрывные газы и пыль, за десять минут начисто продувал ствол, и новое звено, спустившись в забой, начинало все сначала: десять человек становились к грейферам, пятеро на отцепку, трое на сигналы...

И наверху, на полках, тоже шла работа. Там подвешивали, пригоняли друг к другу тубинги, заливали бетонный раствор. И здесь тоже работа шла дружно и споро.

Когда пришло время покидать ствол для нового взрыва, больше двух метров готовой крепи прибавилось к тому, что было сделано прежде.

Вот так работала новая техника, так работали с ней молодые, упрямые люди. А когда месяц спустя решили подвести итоги скоростной проходки, оказалось, что за тридцать дней на 241,1 метра углубился ствол шахты. Таких скоростей проходки никто и нигде еще не достигал. Это был мировой рекорд.

ТЫСЯЧА ОТВЕТОВ НА ТРИ ВОПРОСА

Не все ребята живут в Москве. Не всем посчастливится встретиться с делегатами фестиваля.

А ведь кому не хотелось бы повидаться с иностранными гостями, рассказать о себе, о своей жизни, да и порасспросить их о многом! Сколько пионеров в больших городах и малых селениях, на дальнем севере и знойном юге мечтают об этом!

Конечно, делегатам никак не успеть побывать всюду, где их ждут. Вот мы и решили связать гостей фестиваля и наших читателей и предложили ребятам три вопроса:

1. О чем бы ты хотел рассказать гостям фестиваля?

2. Куда бы ты повел делегатов, если бы они к вам приехали?

3. О чем тебе хотелось бы спросить делегатов фестиваля?

На эти три вопроса пришли тысячи ответов.

У нас нет возможности опубликовать все письма, пришлось взять из них всего лишь несколько — самых разных. Мы надеемся, что эти письма дадут делегатам хотя бы некоторое представление о наших пионерах. И, читая их, гости еще раз убедятся, как любят наши ребята своих далеких друзей. Ведь о чем бы ни говорилось в письмах: о новых городах, о строительстве школ, об освоении новых земель или же о любимых птицах и зверьках, — каждая строчка дышит той теплотой и искренностью, с какой люди пишут только самым своим дорогим друзьям.

Моя Москва.

Рисунок Саши Любезнова.
Изостудия Дворца культуры Автозавода имени Лихачева.

На Северной Двине

Я живу в Архангельске. Это огромный морской порт. В Архангельск приходят корабли из разных стран света.

По реке идут лесовозы, буксиры, пассажирские суда. Я люблю смотреть на сплав леса. Буксиры тащат за собой плоты, растянувшиеся на несколько сот метров. Где-нибудь на плоту сидят сплавщики, они разводят костры и пекут картошку. Подтащив плоты к лесозаводу, буксир отцепляется и уходит, а бревна поднимают лебедкой по скатам и распиливают электропилой.

В порту тоже непрерывно кипит работа. Идет погрузка и разгрузка судов. Подъемные краны переносят бочки, ящики, целые цистерны на берег.

Я хотел бы показать делегатам фестиваля наш город.

Володя Украинцев,
Дом пионеров. Архангельск.

Ребята с нашего двора

У нас в городе много красивых мест. Я мог бы показать гостям площадь Цветов, наш театр оперы и балета, улицу Фурманова, вдоль которой растут яблони. Я обязательно привел бы их к нам во двор и познакомил бы с нашими ребятами. У нас во дворе живут дружно ребята разных национальностей: казахи, русские, евреи, татары, дунгане, уйгуры.

Мне бы хотелось, чтобы гости рассказали и показали, во что играют дети Индии.

Роберт Джамбаев,
ученик 54-й средней школы. Алма-Ата.

Совсем как настоящая

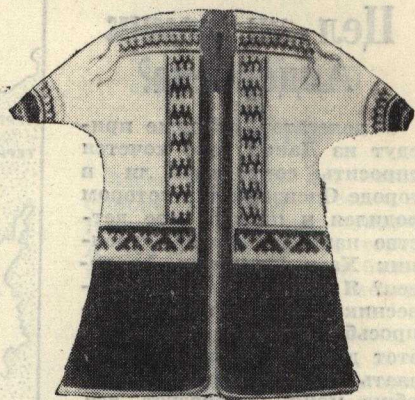
Три года я работаю на детской железной дороге и изучил все профессии, кроме диспетчера и вагонного мастера. У нас на дороге все взаправду: маленькие, но совершенно настоящие паровозы серии «ПТ-01», «ПТ-02» и «ВП-170». Есть девять пассажирских вагонов, один из них мягкий. Есть и товарный состав. Поезда ходят с тремя остановками: Кировская, Озерная, Зоопарк. Длина пути — восемь километров. Ребята все в железнодорожной форме: летом — в серой, зимой — в синей, а дежурный по станции носит красную фуражку.

Игорь Смирнов, школа № 153, 5-й класс «А»,
Ленинград.

О белом лебеде

Я люблю балет и хочу познакомить гостей с нашим русским балетом. Я рассказала бы им о знаменитом на весь мир «белом лебеде» — Галине Улановой и еще сводила бы их на «Раймонду» и на «Лебединое озеро».

Тамара Ричер,
школа № 153, Ленинград.

Это одежда ненецких женщин — паница. Ее шьют из шкуры молодого оленя, шерстью вверх, а потом расширяют цветными нитками. Иногда паницу расширяют еще костяными бусинками.

Петр Талеев, 7-й класс
ненецкой школы, город Нарьян-Мар.

Школа среди вышек

Наша школа стоит на Сураханском промысле, среди вышек. Эта школа была построена первой в нашем районе. Были и до революции школы, но только при мечетях.

Я показал бы гостям из разных стран нефтяную вышку. Рассказал бы им, как добывали нефть раньше и как добывают сейчас.

Раньше нефть добывали ведрами. Рыли глубокий колодец, нефть там скапливалась, и ее вычерпывали ведрами. Все это делалось вручную. Часто рабочих вытаскивали из этих колодцев мертвыми. Сейчас нефть добывается механически. Машинами бурят скважину, ставят насос, и нефть по трубам идет вверх. Рассказал бы я еще о женщине-азербайджанке. В дореволюционное время женщина была рабыней. Она носила чадру. Она не имела права показывать свое лицо никаким мужчинам, кроме мужа. И женщина не имела права учиться. А сейчас азербайджанки имеют все права: на предприятиях они могут занимать любые, даже самые высокие должности, и их выбирают в Верховный Совет.

Я повел бы гостей в храм огнепоклонников. В этот храм приходили посмотреть «чудо» даже из других стран — из Индии, Ирана. Здесь собиралось много народу, а купцы пользовались этим и торговали своими товарами.

А «чудо» было такое: посреди храма — комната без стен. На каменных столбах потолок, посредине отверстие, откуда шел «неугасимый» огонь.

Муллы говорили, что это происходит по воле аллаха, и народ верил этому. Теперь-то все, даже маленькие ребята, знают, что в этом месте скопился горючий газ и, выйдя наружу, загорался.

Саиа Царев,
школа № 85, Баку.

Нефтяные вышки стоят у нас не только на земле, но и далеко в море.

Валя Болдарева, школа № 85,
5-й класс «А», Баку.

Цел ли домик Андерсена?

У делегатов, которые приедут из Дании, мне хочется спросить: сохранился ли в городе Оденсе дом, в котором родился и провел свое детство наш любимый сказочник Ханс Кристиан Андерсен? Я передал бы моим ровесникам из Оденсе большую просьбу: сфотографировать этот дорогой домик и прислать мне фотографию. Вообще меня интересует все, что связано с Андерсеном.

А если ребята из Оденсе попросят меня о чем-нибудь, я сделаю все с радостью.

Темур Тугуши,
школа № 51, 3-й класс,
Тбилиси.

Какие значки?

Меня интересует вопрос: как путешествуют ребята за границей? Хорошо бы посмотреть их маршруты, карты, дневники, путеводители. Как выглядят в разных странах значок «Юный турист»?

Мурман Асатиани,
школа № 54, Тбилиси.

Хочу спросить

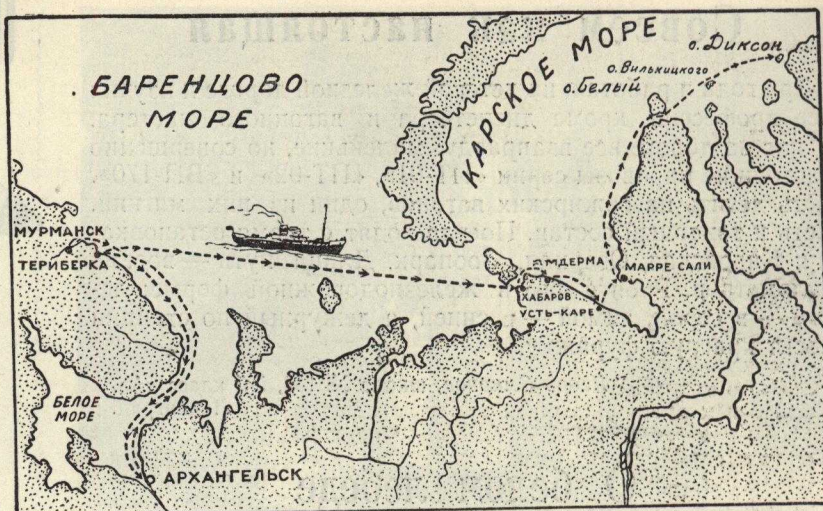
Я бы хотел, чтобы делегаты ответили на такой вопрос: чем вы заслужили, что вас послали делегатом Всемирного фестиваля?

Толя Сикачев,
школа № 141, Киев.

Вопрос к целиннику Китая

Я прочитала в «Пионерской правде» о том, что в Китае тоже поднимают целину. Я прошу делегатов из Китая рассказать мне, есть ли школа в их целинном госхозе «Дружба», и дать ее адрес.

Рита Кучинская,
ученица 6-го класса, Аксенгерский целинный совхоз, Алма-Атинская область.

Архангельск — Амдерма — Диксон

Каждое лето наш кружок юных моряков выезжает в водный лагерь. В лагере нам всем приходилось ходить на катерах, на шлюпках. Но, конечно, каждый из нас мечтал пойти в настоящее дальнее плавание на настоящем корабле.

И вот сбылась наша мечта.

Мы, восемнадцать юных моряков, на борту огромного теплохода «Сестрорецк». Теплоход отправляется в Арктику.

Еще в лагере каждый из нас изучал какую-нибудь морскую специальность — рулевого, механика, радиста. На теплоходе мы несли вахты наравне со взрослыми моряками.

В Белом море мы выдержали шторм в десять баллов. Он продолжался больше трех суток. Брызги залетали выше капитанского мостика. Некоторых ребят укачало, но на вахте все стояли мужественно.

На этой карте хорошо виден наш маршрут. А на фотографии внизу — теплоход «Сестрорецк», на котором мы плыли в Заполярье.

Слава Фролов, Ира Сумакова,
кружок юных моряков Москворецкого района, Москва.

Здесь была тундра

Здесь двадцать лет назад стояли палатки геологов. Кругом расстилась тундра. А сейчас вот какой город вырос на этом месте: большие, красивые дома, театр, стадион.

Нина Евтушенко,
средняя школа № 3,
4-й класс «А». Мончегорск,
Мурманская область.

Водокачка Назар-бая

В наших краях растет хлопок высокого сорта — «советский тонковолокнистый». А лето у нас жаркое, и дождей почти не бывает. Хлопковые поля все время приходится поливать.

Я повел бы делегатов фестиваля на Назар-бай. Так называется место, где давно, еще до революции, была у бая водокачка. Вода шла только на байские поля, а рядом, на сухом, голом месте, стояло несколько кибиток кочевников-туркмен. Сейчас тут насосная станция, она поливает поля нашего совхоза и сады рабочих и служащих. Наш поселок утопает в садах. Вода при Совет-

ской власти принадлежит не какому-нибудь Назар-баю, а всем трудящимся. В совхозе две насосные станции и строится третья. Ко дню открытия фестиваля она даст воду на вновь освоенные поля в сто гектаров.

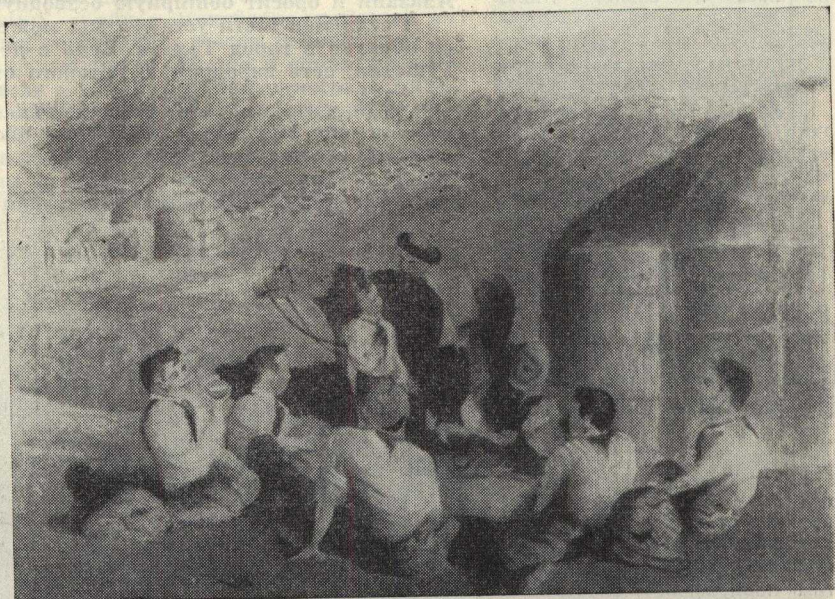
Я показал бы гостям хлопкоочистительный завод, принадлежащий нашему совхозу, хлопкоуборочную машину, да и весь машинный парк показал бы.

Валя Зверев,
ученик 5-го класса, совхоз имени Чапаева,
Иолтанский район, Марыйская область,
Туркменская ССР.

К себе домой

Повести гостей можно было бы в разные места. У нас много хороших мест. Но я бы повел их прежде всего к себе домой. Мы живем очень хорошо.

Коля Бондарев,
ученик 3-го класса, Атбашинский племптисовхоз,
Кызыл-Аскерский район,
Киргизская ССР.

В своей картине я хотел рассказать о том, как в туристском походе мы встретились с чабаном.

В. Гаврилов,
город Фрунзе.

Из походной стенгазеты

Это монастырь Шио-Мгсима. Он построен в XII веке. Большая часть монастыря находится под землей: там подвал в несколько этажей, а надземная часть как будто прилепилась к скале. Мона-

стырь — чудеснейший памятник архитектуры. Внутри стены его расписаны и почти сплошь покрыты тонкой, очень красивой резьбой по камню. Мы нарисовали монастырь и маленький кусочек резной алтарной преграды.

Юные альпинисты
Тбилисского дворца пионеров.

Веду гостей в поход

Если делегаты фестиваля захотят, я могу организовать туристский переход через Кавказский хребет в горную Тушетию.

Я сам турист и буду очень рад, если мои гости тоже окажутся любителями путешествий.

Тушинцы (туши) с древних времен живут в горах. К ним вели лишь узкие тропинки, которые с осени покрывались снегом, сносились обвалами и поэтому были непроходимы почти в продолжение шести — семи месяцев в году. Все это время туши были оторваны от внешнего мира. Теперь некоторые из них переселились в новую деревню Алвани, что стоит в долине реки Алазани. Весело и богато живут здесь туши, а лето проводят в горах. Ведь здесь главная отрасль сельского хозяйства — овцеводство, и туши — прославленные пастухи. Я много раз ходил с пастухами. Мой дядя Коба Хапридзе — пастух. Он пасет стадо в горах Тушетии и меня тоже берет с собой. Я в горах провожу большую часть моих летних каникул и вот как раз в эти горы хочу повести своих гостей.

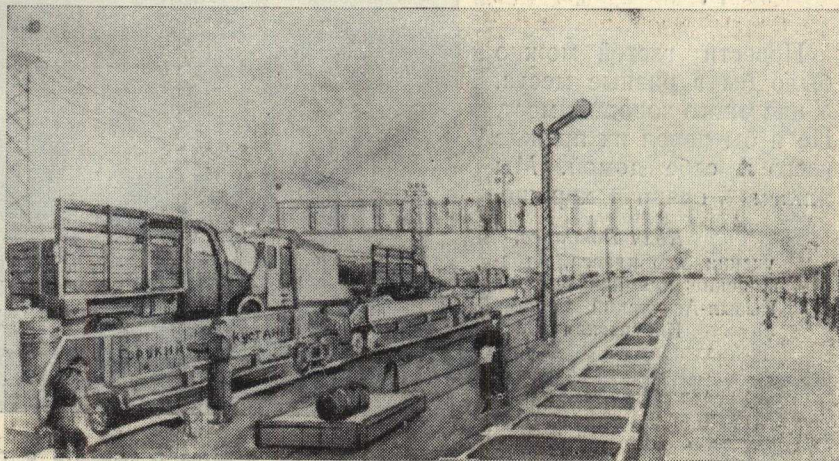
В этих краях все большие реки называются Алазани. Вот мы идем по ущелью одной из них. Неожиданно на повороте открывается деревня Хисе. Она стоит на склоне горы, окруженной лесом. Дома амфитеатром возвышаются один над другим. Это типичная деревня горной Тушетии. Дома построены из сланцевых плит без цемента, но они прочны и устойчивы. Так же построены старинные крепостные башни, возвышающиеся над тушинскими деревнями.

Как только нас заметят, к нам навстречу побегут жители деревни: такой уж обычай у тушинцев — встречать гостей у подножия деревни и радушно провожать к себе. В деревне много интересного: и домотканые пестрые ковры, и вязанные причудливым узором домашние туфли и носки, и рога туров, убитых еще предками хозяина дома, и старинное оружие. Но всего интереснее сами люди, веселые, жизнерадостные. После трудового дня, вечером, все от мала до велика собираются на площадке у какого-нибудь дома. Деревни большей частью находятся на склонах гор, площадки покатые, но это не мешает юношам и девушкам танцевать плавно и изящно. Тут вы услышите народные песни, и очень старинные и совсем новые, может быть, сложенные тут же при вас и про вас, про дорогих гостей.

По туристскому обычаю, на обратном пути я поведу вас другой дорогой. Покажу, где строится новый канал, который соединит две Алазани и оросит обширную безводную территорию Кахетии.

А если мои гости устанут, мы можем прямо на самолете вернуться обратно в город Телави. Ведь в деревне Омало, в центре горной Тушетии, есть аэродром, с которого ежедневно вылетают самолеты.

Серго Сулакаури, ученик 8-го класса, воспитанник детского дома, город Телави, Грузинская ССР.

НАШ ГОРОД — ЦЕЛИНЕ.

Рисунок Юры Дронова.
Дворец культуры имени Ленина, город Горький.

Наши голуби

Я бы очень хотел, чтобы среди делегатов оказались любители голубей. Я их поведу во Дворец пионеров на нашу голубятню.

У нас много белых декоративных голубей, но есть и сизые. Мы стараемся получше за ними ухаживать. Каждый день приходит дежурный. Он чистит голубятню и кормит голубей. Голуби любят ласковый подход. Мы выпустим на празднике фестиваля своих голубей. Они взлетят высоко-высоко, потом вернутся обратно на голубятню, потому что они у нас тренированные.

Сергей Петров,
юннат Дворца пионеров, Киев.

Толя Томаш, Володя Плешивцев, Алла Моисеенко и Оля Ковальчук со своими голубями.

Каждый месяц — 30 тысяч цыплят

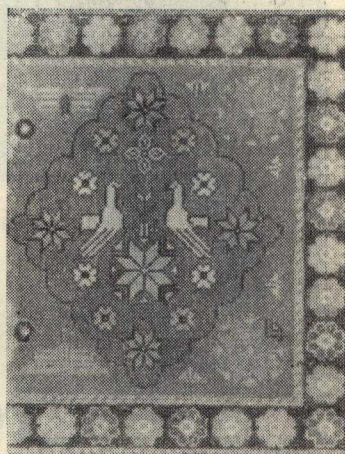
Мне хочется рассказать о нашем совхозе. Он молодой. Всего два года назад на этом месте была целина.

Совхоз у нас богатый: одной птицы девяносто пять тысяч голов — гуси, утки, куры и индюки. Птица племенная. Ее разводят на нашей инкубаторной станции, которая построена тоже недавно, в прошлом году. Пятнадцатого февраля этого года инкубаторная станция дала первую партию цыплят — пятнадцать тысяч желтеньких пушистых шариков. Мы ходили их смотреть. Сейчас инкубатор работает на полную мощность. Что ни месяц, то тридцать тысяч цыплят.

Для птиц в совхозе выкопано два пруда. И еще в одном из этих прудов развели рыбу. В этом году у нас будет свой виноград. Домик все беленькие. У нас их делают из самана и обязательно белят.

Недавно у нас в совхозе появилось озеро, у которого еще нет названия. Его зеркальная поверхность — семьдесят два гектара. От него отведено много арыков. Добрая половина совхозных земель поливается его водой. На снимках внизу вы видите наших кур и озеро.

Юра Баранов,
ученик 7-го класса, Атбашинский совхоз, Кызыл-Аскерский район, Киргизия.

У нас в Азербайджане ткнут много ковров самых разнообразных рисунков. Вот такой рисунок я придумала для фестивального ковра.

Хадига Алиева,
Азербайджан.

В Ясной Поляне

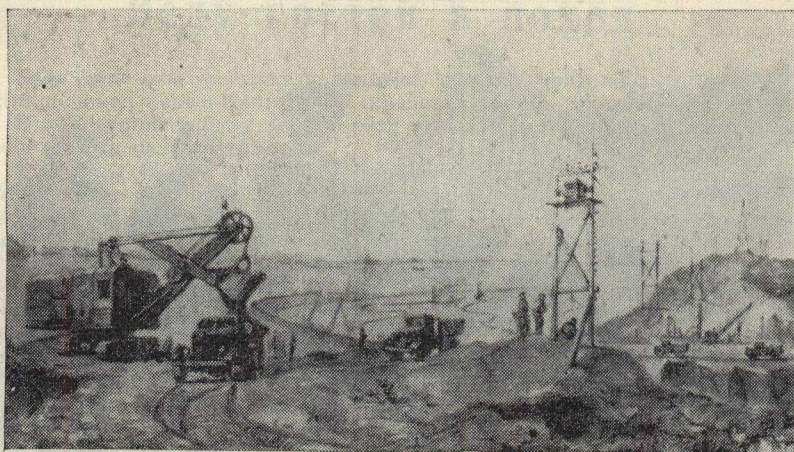
Я живу рядом с Ясной Поляной. Здесь жил гениальный писатель Лев Николаевич Толстой. Я обязательно привел бы гостей в «комнату под сводами», где Лев Николаевич любил работать. Показал бы парк, где он гулял, его скамейку, сводил бы на дорожную могилу.

Володя Соболев,
Подземгазовская школа
Красногорского района.

Я бы хотел показать гостям, как трудятся советские люди. Мой рисунок называется «Монтер».

Юра Земсков, детский дом,
город Горьки»

Строится новая гидроэлектростанция.

Рисунок Л. Золотавина, 68-я школа, Свердловск.

Мой сосед

У нас есть сосед по квартире — Иван Прохорович Кусков. Он каменщик на строительстве. Мы с ним друзья: по вечерам играем в шашки, а в выходные дни ездим на футбол или катаемся на лодке.

Однажды дядя Ваня взял меня с собой на стройку. Мы поднялись наверх: дядя Ваня клал наружную стену на четвертом этаже. Я стоял в стороне и смотрел. Кирпич наверх подает подъемный кран в металлических корзинах, подсобные рабочие подвозят каталки с раствором. А дядя Ваня только и знает — кладет кирпичи. Быстро кладет: намажет раствором — и положит, намажет — и положит.

Я подумал: нехитрое дело быть каменщиком! Вдруг вижу, другой рабочий подошел с отвесом и стал проверять, вертикально ли идет стена. Он объяснил мне, что ошибись каменщик совсем чуть-чуть, и всю стену может «повести», может даже от этого дом рухнуть.

Пока мы с ним разговаривали, дядя Ваня успел довольно большой кусок стены сложить, чуть не с меня ростом.

И понял я, что дядя Ваня — человек необыкновенный. Он большой мастер. И мне бы хотелось показать гостям, как работает дядя Ваня. Правда, когда они придут, тот дом уже будет готов, но дядя Ваня все равно будет работать на другом строительстве: ведь у нас в Москве чуть не на каждой улице стройка.

Гена Ковалев, Москва.

Межпланетный фестиваль

Время бежит все вперед и вперед...
Мечтая, заглянем в двухтысячный год.
Легкие письма, как белые птицы,
Мчатся свободно, минуя границы,
Мальчикам, девочкам,

взрослым и детям,

Людам,
живущим на каждой планете.
Всех призывает любая страница
На фестиваль

межпланетный
явиться!

В ракетах отправлены письма эти
Детям Марса и лунным детям.
Через минуту придут ответы:
«Шлют делегатов наши планеты!»
В небе стальные ракеты гудят,

Мы марсианских встречаем ребят.
Вот прилетели ракеты,

и — чудо! —

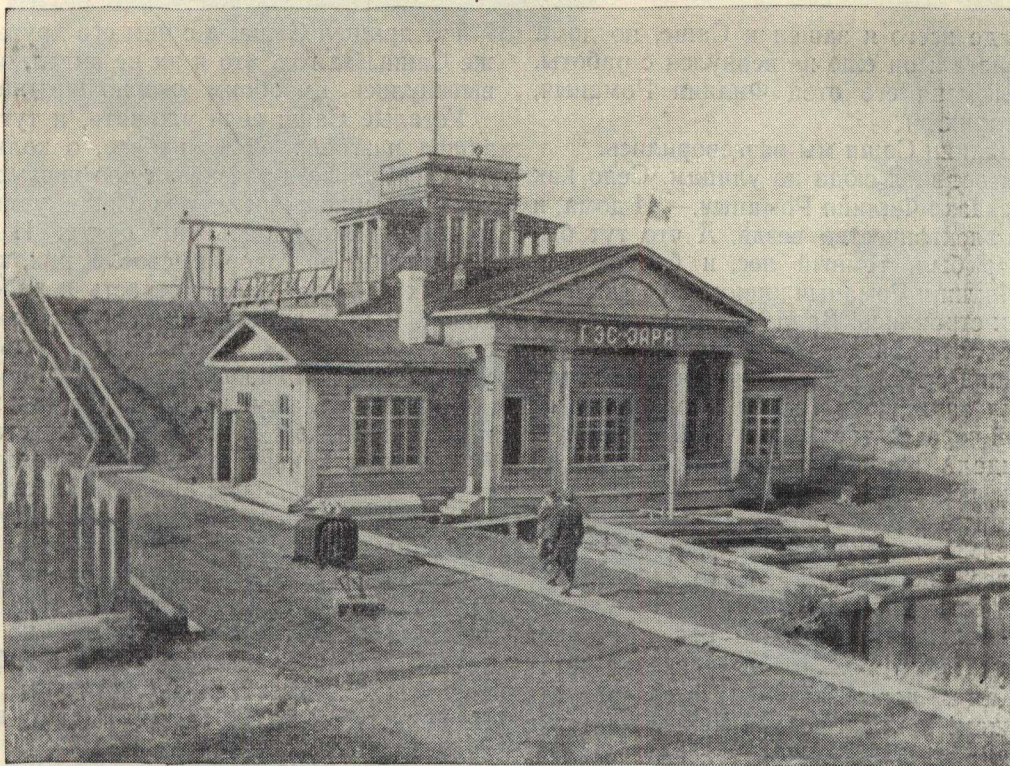
К нам марсиане выходят оттуда,
Держат в руках голубые цветы.
Их лепестки неземной красоты.

Слышим, ракеты опять загудели:
Это ребята с Луны прилетели.
Лунным сиянием все озарилось,
Уж не Луна ли на Землю спустилась?
Нет, это только кусочек Луны
Дарят нам жители лунной страны!
Время придет —

на любой планете

На фестиваль
соберутся дети.

Марианна Розен,
Городской Дом пионеров, Москва.

В этом небольшом домике — электростанция колхоза «Заря».

РЕШАЯ ВОПРОС О БУДУЩЕМ

К. Кочетков

Я долго шел полями, и вот передо мной высокий горбатый мост через Ачитку, а на бугре за мостом — широкие улицы колхозного поселка «Заря».

Прошлым летом мне пришлось побывать в «Заре», и у меня завязалась дружба со многими ребятами. По вечерам в дружеских разговорах они не раз делились со мной своими планами. Это были чудесные планы, горячие мечты будущих хозяев колхоза, смелых, решительных, трудолюбивых.

Кого из них я застану здесь? Остались ли они верны своим мечтам? Выполняют ли планы, о которых так хорошо, задушевно, говорились звездными уральскими вечерами?

Об этом я думал, шагая лесной дорогой, потому что для этой встречи я и приехал сюда сейчас по поручению «Пионера».

Недавно в Москву пришло письмо школь-

ников из села Лебяжье, Алтайского края, старому большевику Григорию Ивановичу Петровскому. Ребята просили его рассказать о Ленине, с которым вместе он работал многие годы. В конце письма было сказано:

«У нас некоторые ученики считают, что работа в поле или на животноводческих фермах — недостойное их дело. Строить коммунизм, по их мнению, — это значит работать в крупных центрах. Поэтому, решая вопрос о своем будущем, они собираются ехать в город и работать там, хотя колхоз крайне нуждается в образованных работниках».

Григорий Иванович ответил лебяжинским ребятам, но его, старого большевика, всю жизнь отдавшего революции, встревожило: а что, если таких ребят много? Он передал письмо в «Пионер», а «Пионер» послал меня в «Зарю» узнать, как там.

Прежде всего я зашел к Саше, но дома его не застал: он еще не вернулся с работы. Встретил меня его отец Филипп Романыч, седой старик.

В ожидании Саши мы разговорились.

— Ты вот шел сюда по улицам. Село как село, — сказал Филипп Романыч. — И дома, и сады, и электричество везде. А что тут было?.. Лес был, темный лес, и больше ничего. — Филипп Романыч кивнул в окошко: — Ведь как строились! Валили сосны и тут же, не отходя, ставили избу.

Филипп Романыч вдруг быстренько встал и открыл западную в голбец (подпол). Там по самой середке торчал могучий пенёк.

— Видал? На таких пенёках все село! А теперь, посмотри, что у нас!

Действительно, в «Заре» есть что посмотреть. Фермы, водоканки, мельница, мастерские — все построено добротно, навек! У колхоза есть своя лесопилка. На склоне бугра — большой колхозный сад и пасека.

— Нам здесь все дорого, — сказал старик. — Как не дорожить тем, что создано таким трудом! У нас и ребята малые гордятся колхозом!

Тут пришел Саша, а с ним его дружок, тоже Саша. За год, что я их не видел, оба вытянулись, им обоим уже по шестнадцати.

Усталые Саши сели ужинать, и тут у нас зашел разговор об их работе, о колхозных делах. А когда я рассказал про письмо лебяжинских школьников, оба Саши удивились и даже рассердились как будто. И вдруг сразу свели разговор на свое. У них, как и у многих здешних ребят, страсть к работе на конях. В этой работе есть что-то такое... Не сразу объяснишь. С лошастью ведь надо уметь. Она должна понимать тебя.

Запряжешь, а тут к тебе не спеша и как бы невзначай подойдет кто-нибудь из старших. Мимоходом качнет дугу, тронет подпругу и молча пойдет дальше. Он тебе ни слова, но ты уже понял эту молчаливую похвалу.

Возишь с другими ребятами удобрения на поля. Вozы, поскрипывая, тянутся один за другим. А кругом простор знакомых полей. А вдаль синеют горы. А в траве по бокам дороги звенят кузнечики. Хорошо! Обратно, порожняком, все мальчишки гонят коней. И гонят, обязательно стоя на телегах во весь рост. В этом особая удаля.

А тут будет новый свинарник. У «Зари» много свиноматок, колхоз оборудует для них помещение по последнему слову науки.

Молочная ферма «Зари». После дойки стадо снова погнали на выпас.

— Так вы из-за коней остались в колхозе? — спросил я с хитрецей.

Саши опять удивились:

— Да ведь нашему колхозу это дело нужное, мы за него и взялись. Есть и другие дела, за них другие ребята взялись. Дела разные. Каждому что-нибудь по душе пришлось.

Саши стали рассказывать о своих школьных товарищах. Оказалось, несколько человек уехали учиться в сельскохозяйственный техникум и на курсы механизаторов. Они вернутся агрономами, зоотехниками, трактористами, комбайнерами, слесарями. Многие ребята уже сейчас работают на большом строительстве, которое идет в «Заре»; многие пошли в полеводческие бригады.

Загоревшись и перебивая друг друга, ребята рассказали, что у них нынче начинается строительство большого, красивого Дома культуры, что водопровод будет проведен в каждую избу и что в колхозе теперь особый нажим будет на овощи и на животноводство.

— Мы хотим строить коммунизм не где-нибудь, а вот здесь. Какой же это коммунизм, если только в больших городах! Так не получится коммунизма. Коммунизм — это чтобы везде жизнь шла по-новому.

А что скажут девочки?

Я отправился в телятник. Телята, широко развесив уши, пристально и молчаливо провожают круглыми глазами нового человека.

Разумянившись от движения, Валя сгребает солому. Галя и Нина чистят стойки. В сторонке гремит ведрами Тамара.

Девочкам удовольствие — показывать своих питомцев, гладких и выхощенных.

У одной стойки Валя ласково позвала:

— Лыска!

Пегий теленок не спеша повернул голову и с доверчивым ожиданием уставился на нее.

— Видите, какой! Уже знает свою кличку. Все знают. — И Валя охотно продемонстрировала это на других телятах.

Тоненькая Галя, совсем еще подросток, вошла в стойку. Телята, теснясь и мешая друг другу, тыкались ей в руки мордами.

— Ну, не баловать! — с притворной строгостью сказала Галя, теребя их за уши. Телята по-смешному ловили ее пальцы толстыми шершавыми языками.

Со стороны это похоже на веселую игру. Молодых телятниц забавляют милые, доверчивые и ласковые телята. В телятнике то и дело слышится смех, уговоры.

— Ну, куда, куда, глупый!..

— Да ты из ведра пей, хватит руку сосать, уже не маленький!

— Опять озоруешь, расплескал все!

Но нет, это не игра. Это большой, серьезный труд, в котором есть и веселые минуты, и борьба с неудачами, и будничные заботы.

Телят девочки воспитывают «холодным способом», применяя передовые методы ученых из совхоза «Караваяево». Надо читать, узнавать новое. Надо не забывать о мелочах. Как ни дорожит колхоз своим стадом, как ни уважает юных телятниц, а все же приходится им иной раз с бою доставать что-нибудь необходимое для своих подопечных.

При воспитании «холодным способом» нужна толстая соломенная подстилка, нужно им свежее витаминное сено с нежными, душистыми листочками. И вдруг оказывается, что извели такое сено зря, куда не надо, или не подвезли вовремя соломы на подстилку. Девочки волнуются, горячатся, бегут в правление. Достается от них в правлении солидным «старшим». Только когда дело коснулось телят, это уже не старшие, это равные товарищи по работе, да которые еще что-то напутали, недоглядели.

Радость работы — в борьбе, в победах, в ежедневном движении вперед. И эту радость уже знают Галя и Нина, Тамара и Валя.

Когда зашел разговор о ребятах села Лебяжье, девочки стали перешептываться и пересмеиваться, а под конец не удержались от звонкого смеха и кивнули на Тамару:

— Вот ее спросить надо. Она лучше всех знает. Она тоже в город бегала.

— Ну и что ж тут смешного? — сердится Тамара. — Думала, что там интереснее.

У подружек начался оживленный спор, как посмотреть на лебяжинцев.

— Видно, они совсем глупые, если и вправду думают, будто в деревне не надо коммунизм строить? — недоумевала одна.

— Да ну, не в этом дело, — возражали другие. — Вряд ли эти ребята про коммунизм и беспокоятся.

Тут в разговор вмешалась пожилая телятница, которая до сих пор молча слушала:

— Дайте и мне словечко высказать про этих ребят. Отсталые они, жизни не понимают. А про коммунизм разговор ведут.

Жизни не понимают! Вот приговор старой крестьянки, которая видела и помнит суровые годы гражданской войны, годы первых пятилеток, когда на Урале росли новые заводы, когда рождались первые колхозы и среди вырубленной чащи, на пеньках, вырастали первые избы «Зари».

Узнал о письме из Лебяжьего Геннадий Кустов, здешний комсомольский секретарь. Он тоже родился и вырос в «Заре», кончил школу, ушел в армию, стал радистом. Хорошая техническая специальность: всюду с ней дорога. Но дорога у Гены из армии была одна: в родной колхоз.

— В город из Лебяжьего ребята хотят? — усмехнулся Геннадий в ответ на мой рассказ. — А комсомольцы из города к нам в колхоз просятся. Ведь как смотреть, где интересно. Конечно, строить новые заводы, дома — это интересно, но и у нас в колхозах стройка идет. И при коммунизме деревня не будет отличаться от города. А это не само сделается, это от нас, от людей, зависит.

Геннадий порылся в ящике стола и протянул мне исписанный листок из тетради.

— Вот что пишут городские школьники. Я прочитал:

«Здравствуйте, комсомольцы колхоза «Заря». К вам обращаются комсомолки города Нижние Серьги. Мы скоро кончаем школу. Нам уже семнадцать лет, и нашей мечтой является работа в колхозе. Мы не ищем легкой работы. Справимся с любым делом. Примете или нет вы нас в свой колхоз? На этом писать кончаем. До скорого свидания».

Так, переключаясь с комсомольцами и пионерами колхоза «Заря», ответили лебяжинцам и нижнесерьгинские городские девочки.

А если бы спросить миллионы комсомольцев и комсомолок, уехавших поднимать целину, прокладывать дороги в тайге, заселять Крайний Север? Они, конечно, ответили бы коротко и ясно:

— Оглянитесь вокруг, охватите мыслью и сердцем всю нашу необъятную страну. Кто это вам сказал, что коммунизм строят лишь в больших городах? А мы из больших городов уехали в далекие, незнакомые, необжитые края, потому что там не хватает людей.

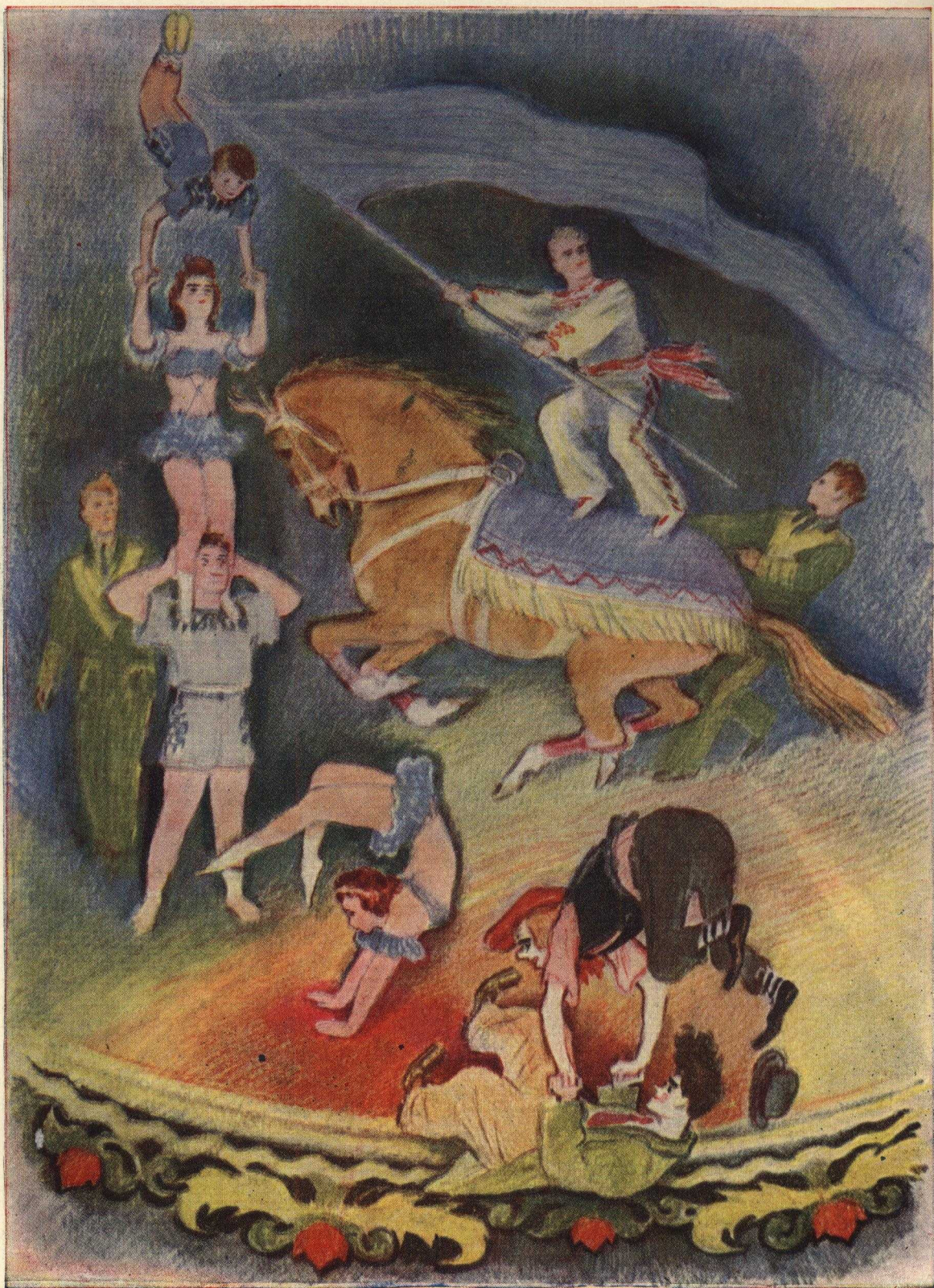
Строители коммунизма — это как солдаты в бою. Они сражаются не там, где легче, а там, где нужнее. И опять-таки, как в бою, наступление идет по общему плану. Каждый взвод, каждая рота, каждый батальон должны, не опаздывая, выйти на предназначенное место. И не может ни Лебяжье, ни другой, хоть самый глухой и дальний, уголок отстать, не выйти на свои позиции.

Именно на просторах полей нашей Родины идет борьба за изобилие, без которого нет коммунизма. И недаром, отвечая лебяжинским школьникам, Григорий Иванович Петровский сказал: «Труд — отец, а земля — мать всякого богатства».

В РАЗГАРЕ ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО. КТО В ПОХОДЕ, КТО В ЛАГЕРЕ. А КТО И В ГОРОДЕ, НО КУДА БЫ НИ ПРИВЕЛИ ПИОНЕРСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ, ПОВСЮДУ НАЙДУТ РЕБЯТА УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ДЕЛО, ЭТО ЛАГЕРЬ НА РЕКЕ УЛЬБИНКЕ. В КАЗАХСКОЙ ССР. СМОТРИТЕ, КАКАЯ ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА ПОПАЛАСЬ РЕБЯТАМ. А У БАТУМСКИХ РЕБЯТ В ГОРОДСКОМ ПИОНЕРСКОМ ПАРКЕ ЕСТЬ СВОЕ МАЛЕНЬКОЕ «МОРЕ». СВОИ ЯХТЫ И ДАЖЕ СВОИ ТЕПЛОХОД.

Фото Я. Халипа.

ВСЕ ЛЮБЯТ ЦИРК. НЕ УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО В ДНИ ФЕСТИВАЛЯ ЦИРКОВЫЕ АРТИСТЫ РАЗНЫХ СТРАН БУДУТ ВЫСТУПАТЬ В МОСКВЕ. СВОЕ ВЕСЕЛОЕ, СМЕЛОЕ ИСКУССТВО ПОКАЖУТ ГОСТЯМ И СОВЕТСКИЕ АРТИСТЫ ЦИРКА.

Рисунок А. Брея.

Цирк на фестивале

Одно из шестивий фестиваля будет особенно привлекательно для вас, ребята! Это цирковая кавалькада. Она намечена на 31 июля.

Вот что рассказал об этом дне работник Советского подгруппового комитета фестиваля В. И. КОЛЕСНИКОВ, когда мы остановили свою воображаемую машину у здания комитета.

Случалось ли вам видеть в цирке парад-пролог, которым иногда открывается представление?.. По арене проходят все артисты цирка: жонглеры, акробаты в блестящих трико, иллюзионисты, дрессировщики со своими собачками и обезьянками... Звучит бравурный марш, и вас охватывает веселое чувство праздника.

А теперь вообразите себе, что цирковая арена выросла, удлинилась, что она тянется несколько километров. Это уже не арена, а московская улица, и по ней на глазах у радостной публики движутся одна за другой ярко раскрашенные машины. Золотом горят на солнце медные штанги и трубы, лоснятся атласные халаты, камни блестят в волосах у женщин... Это едут один за другим цирки Китая, Польши, Чехословакии, Венгрии и других стран. Артисты на ходу показывают свое искусство. Силач выжимает одной рукой здоровенную гирию, кружится на трапеции акробат, и вдруг с визгом и лаем проносится мимо пестрая собачья карусель.

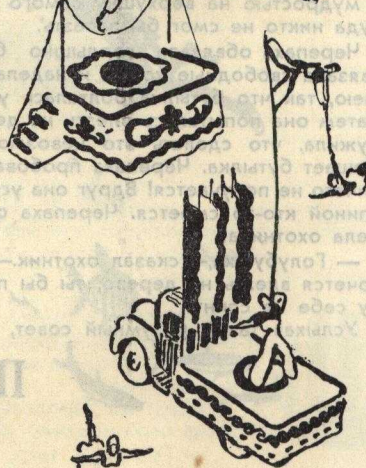
Шествие заключает автоколонна нашего, советского цирка. Мы узнаем милое, веселое лицо Олега Попова, трех сестер Кох — воздушных гимнасток, Филатова с его мишками... Кавалькада движется от Парка культуры по Садовой до площади Маяковского. Здесь к шествию, протянувшись на три километра, присоединяется шумная колонна зооцирка. Дуют в блестящие трубы, ударяя в литавры, гарцует на лошадях конный цирковой оркестр — сорок исполнителей высшей школы верховой езды. Вышшую школу, как водится в цирках, передразнивают клоуны на своих длинноухих ослах... Лихо скачут джигиты. Важно покачиваются между верблюжьими горбами узбекские артисты — труппа под управлением Кадыр-Гуляма.

А вот стайками и порознь идут за своими дрессировщиками цирковые звери: косолапые медведи, рыжие лисы, собаки, большие и маленькие. Над всеми ними горой возвышается слон из уголка Дурова. Степенно шагает он рядом со своим неразлучным другом — верблюдом, добродушно поглядывая крохотными глазками на праздничную толпу.

А дальше — зверь пострашней, дальше упруго движется на мягких лапах известный «киноартист» — могучий тигр Пурш. Не нужно бояться его когтей и зубов: возле тигра бесстрашная укротительница Маргарита Назарова.

Шествие доходит до «Динамо». Здесь на пяти манежах состоится удивительное представление для пятидесяти тысяч зрителей. Оно завершится зрелищем, равного которому не было еще ни в одном цирке мира: на всех пяти манежах, на поле, на гаревой дорожке, на канате, протянутом от Северной трибуны до Южной, лучшие артисты Европы и Азии покажут все одновременно свои лучшие номера.

Уследить за всеми подробностями этого грандиозного, как говорят в цирке, «шари-вари» не под силу двум человеческим глазам. На помощь приходит третий — «киноглаз». Кинооператоры заснимут представление на пленку, и некоторое время спустя все мы увидим самые интересные номера на экране, в документальном фильме «Цирк на фестивале».

СКАЗКИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Рисунки О. Зотова.

Черепаша и мудрость мира

СКАЗКА НАРОДОВ НИГЕРИИ

днажды Черепахе пришло в голову, что неплохо бы завладеть всей мудростью, какая есть в мире, и стать единственным мудрым существом на свете. Таким мудрым, чтобы все, даже король и его советники, обращались к ней, когда нужно будет решить какой-нибудь вопрос.

Это ведь очень выгодное дело!

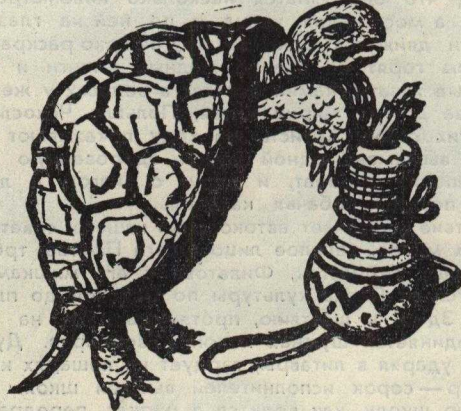
И Черепаха принялась собирать мудрость. Все, что ей удавалось найти, она запихивала в бутылку, сделанную из тыквы, и плотно затыкала ее пробкой из листьев. Когда Черепахе показалось, что она собрала уже все, что было, она решила повесить бутылку с мудростью на верхушку самого высокого дерева, куда никто не смог бы залезть.

Черепаха обвязала горлышко бутылки веревкой, связала свободные концы и надела веревку себе на шею, так что бутылка болталась у нее на животе. Затем она попыталась влезть на дерево и тут обнаружил, что сделать это невозможно, потому что мешает бутылка. Черепаха пробовала и так и сяк — ничего не получается! Вдруг она услышала, что за ее спиной кто-то смеется. Черепаха обернулась и увидела охотника.

— Голубушка, — сказал охотник. — Раз уж тебе так хочется влезть на дерево, ты бы перезесила бутылку себе на спину.

Услыхав такой разумный совет, Черепаха поняла,

что есть еще мудрость на этом свете. А она-то думала, что вся мудрость у нее в бутылке! И так ей стало обидно, что она даром время тратила, что схватила Черепаха бутылку и швырнула ее на зем-

лю. Бутылка разбилась, и мудрость раскололась на мелкие кусочки, которые раскатились по всему свету. Вот почему, если поискать как следует, каждый может найти себе кусочек мудрости.

Перезела К. Федорова.

Пуниа и акулы

ГАВАЙСКАЯ СКАЗКА

авно это было. Море тогда было глубже. Скалы — выше. Даже трава была зеленее. Только бедняки жили тогда, как и сейчас, плохо.

Жил в те времена на одном из островов мальчик. Мальчика звали Пуниа. Жил он вдвоем с матерью в маленькой хижине. Хижина стояла на берегу моря, недалеко от рифов. Бедно жили Пуниа и его мать. Корни таро и картофель были их единственной пищей. Только в очень редкие дни покупали они себе немного сахарного тростника или бананов.

Пуниа очень любил сидеть на берегу моря. Там, в пещерах между рифами, жили омары. Их было хорошо видно сквозь прозрачную воду.

Пуниа был хорошим пловцом, но он никогда не нырял за омарами. Он боялся акул. Акулы жили около пещер. Их было девять. Каждая из них могла проглотить Пуниа целиком. А в пасти самой большой — Каемаены — легко поместилось бы целое каноз.

Не раз задумывался маленький Пуниа, как ему перехитрить акул. И вот что он придумал.

В полдень, когда акулы спали на дне залива, Пуниа пришел к морю. Он уселся на краю рифа и стал болтать ногами в воде.

Плеск воды разбудил акул. Тогда Пуниа громко сказал:

— Мне очень хочется поймать омаров. Они такие вкусные. Акулы спят, и мне их нечего бояться. А ес-

ли они проснутся, я знаю, как их обмануть. Этому меня научила вон та, самая худая акула.

Пуния взял большой камень и изо всей силы швырнул его далеко в море. Акулы бросились за камнем. Они думали, что это прыгнул Пуния.

Пока акулы искали Пуния в том месте, где упал камень, он успел нырнуть и поймать двух омаров.

Когда Каемаена увидела Пуния на берегу с омарами в руках, она сказала:

— Значит, правда, что среди нас есть предательница?

И восемь больших акул тут же съели самую худую, девятую.

На следующий день Пуния снова пришел к морю. Он поболтал ногами в воде и, когда акулы проснулись, громко сказал:

— Омары были очень вкусные. Сегодня я поймаю еще двух. Акулы спят, и мне их нечего бояться. А если они проснутся, я знаю, как их обмануть.

Этому меня сегодня научила вон та, самая большая акула.

Пуния опять взял камень и опять швырнул его далеко в море. И пока акулы искали Пуния там, где упал камень, он снова успел нырнуть и поймать еще двух омаров.

Когда Каемаена увидела Пуния на берегу с омарами в руках, она пришла в страшную ярость.

— Кто из нас самая большая? — спросила она таким голосом, что остальные семь акул попятились назад.

Тогда самая храбрая, а может быть, самая глупая из них сказала:

— О Каемаена! Это ты самая большая!

Тут храбрая акула так испугалась собственной смелости, что бросилась наутек. Но было уже поздно: Каемаена набросилась на нее и разорвала ее пополам.

На третий день Пуния снова пришел к морю. Он поболтал ногами в воде и, когда акулы проснулись, громко сказал:

— Сегодня я поймаю еще двух омаров. Акулы спят, и мне их нечего бояться. А если они проснутся, я знаю, как их обмануть. Этому меня научила сегодня вон та акула, со сломанным плавником.

На этот раз Пуния даже не пришлось бросать в море камень: как только Каемаена услышала, что Пуния говорит про акулу со сломанным плавником, она тут же набросилась на нее. И пока акулы дрались между собой, Пуния успел нырнуть и поймать еще двух омаров.

День за днем приходил теперь Пуния к морю.

Каждый день он ловил своих омаров, и каждый день обманутая Каемаена съедала одну из акул.

И вот наступил девятый день.

Отправляясь на этот раз к морю, Пуния захватил с собой большую, заостренную с обоих концов палку.

Он поболтал ногами в воде и, когда Каемаена проснулась, громко сказал:

— Сегодня я поймаю еще двух омаров. Каемаена спит, и мне ее нечего бояться. А если она проснется, я знаю, как ее обмануть. Только бы она не догадалась проглотить меня целиком. Тогда мне не спастись. Но она такая глупая!

Когда Каемаена услышала, что говорит Пуниа, она подумала: «Хорошо, что этот мальчишка такой болтун! Теперь я знаю, как мне с ним справиться».

Тут она раскрыла свою пасть как можно шире и приготовилась проглотить Пуниа целиком.

А ему только этого и было нужно! Он крепко прижал к себе палку и прыгнул с рифа прямо в большую, как каноэ, пасть Каемаены.

И когда Каемаена попробовала закрыть пасть, острые концы палки впились ей в челюсти. А Пу-

ниа перелез через высокие, как рифы, зубы Каемаены и поплыл за омарами.

Как ни билась Каемаена, ей не удалось освободиться от палки Пуниа. Так и плавала она с раскрытой пастью, пока не умерла с голоду.

Давно это было. Но говорят, что и сейчас акулы боятся подплывать к берегам того острова, где когда-то жил маленький Пуниа.

Перевел и обработал Л. Юрьев.

Самое большое богатство

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА

дин юноша все время жаловался на свою бедность.

— Эх! Как было бы хорошо, если бы у меня было большое богатство! Жил бы я тогда припеваючи, — сказал он однажды старику.

— Почему ты жалуешься? У тебя и так есть большое богатство, — ответил старик.

— У меня большое богатство? Где же оно? — удивился юноша.

— Твои глаза. Что бы ты хотел получить хотя бы за один твой глаз? — сказал старик.

— Нет, свои глаза я не отдам ни за какие богатства, — ответил юноша.

— Хорошо. Тогда дай мне твои руки, и за это я всего тебя осыплю золотом, — предложил старик.

— Нет, своих рук я не отдам, если даже мне предложат за них целую гору золота.

— Теперь ты сам видишь, как ты богат. Поверь мне: самое большое богатство человека — это сила и здоровье. Их нельзя купить ни за какие деньги, — сказал старик и пошел своей дорогой.

Перевел Ю. Плотников.

Крестьянин и тигр

ВЬЕТНАМСКАЯ СКАЗКА

ел крестьянин с рынка. Покупки нес в двух корзинах на бамбуковом ко-
ромысле. Шел и радовался, что поторговал удачно. Наступала ночь, и
крестьянин ускорил шаги. Был он не трус, но мало ли чего можно ожидать
в темном лесу!

Вдруг из зарослей выскочил громадный тигр. Крестьянин испугался,
бросил свои корзины и упал на колени.

— Господин тигр, не убивай! — крикнул он. — Пожалей! Посмотри,
какой я худой и тощий. Из меня никакого обеда не выйдет!

Тигр щелкнул зубами:

— Ладно, я не съем тебя, если только ты ответишь мне на один вопрос.

— Спрашивай, спрашивай, господин тигр!

— Повсюду я слышу разговоры об уме человека. Что это такое? Можно ли это съесть? Так или эдак, отдавай мне свой ум, старик. Мне он нужен.

Крестьянин был хитер и сразу понял, что тигра можно провести.

— Я не захватил его с собой. Он дома, заперт на ключ в шкафу. Жена не дает мне его на рынок: она боится, чтобы я не проиграл ум в кости.

— Тогда пойдем за ним.

— Как же мы пойдем вместе? Жители деревни забьют тебя камнями.

— Ну, тогда ступай за ним сам, — сказал тигр, начиная уже злиться.

— Послушай, тигр, — сказал осторожно крестьянин, — ведь на тебя трудно положить. Я побаиваюсь, как бы ты... не бросился на меня, как только я повернусь к тебе спиной.

— Ха-ха! Эх ты, мокрая курица! Вот, держи эти лианы и привяжи меня к дереву. Теперь успокоился?

Этого только и нужно было хитрому крестьянину. Крепко привязал он тигра и давай колотить его коромыслом! Бьет да приговаривает:

— Хочешь знать, что такое ум человека? Вот он... вот, вот еще!.. Понял теперь наконец?

Записал и обработал А. Пыжиков.

Поп и осел

ИСПАНСКАЯ СКАЗКА

Жил-был поп. У него был огород, а в огороде колодец. К колодцу поп привязал осла и заставлял его день и ночь вертеть ворот и качать воду. А чтобы осла не вздумалось отдыхать, поп привесил к вороту колокольчики. Когда осел вертел ворот, колокольчики звенели. Но как только осел останавливался, они умолкали. И тогда поп высовывался из окна, кричал на осла и снова заставлял его работать.

Однажды мимо поповского дома шли три парня. Они были очень голодны, а в карманах у них не было ни гроша. Вот они и решили украсть осла.

Но как это сделать незаметно, чтобы поп не услышал, что колокольчики перестали звенеть?

Думали они, думали и решили: один из них останется у колодца и будет вертеть ворот до тех пор, пока его приятели с ослом не уйдут далеко.

Так и сделали.

Парень, который остался, всю ночь вертел ворот и звенел колокольчиками. Наконец под утро он устал и остановился.

Колокольчики замолкли, и поп тут же высунулся из окна. Он увидел вместо осла человека, схватил большой нож и побежал к колодцу.

Бедный парень очень испугался, но у него уже заранее был готов ответ: — Не удивляйся, дорогой хозяин! — обратился он к попу. — Я твой осел! Двадцать лет назад злая колдунья превратила меня в осла, и я должен был всю жизнь вертеть ворот колодца. Но мои молитвы не пропали даром: господь снова превратил меня в человека! Отпусти меня, добрый хозяин!

Поп был очень удивлен. Он отпустил парня на все четыре стороны и велел ему каждый день молиться богу, чтобы опять не стать ослом.

На следующий день поп отправился покупать нового осла. Пришел поп на базар и сразу увидел, что на продажу вывели его собственного осла! Поп испугался, бросился в сторону и воскликнул:

— С меня хватит! Теперь меня не проведешь! Пусть покупает тебя тот, кто ничего не знает!

Перевели и обработали С. Гиланов, В. Низкий.

Три мудреца

КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

В одной китайской деревне жил богатый и важный помещик. Батраки с утра и до вечера гнули спины на его обширных полях, а сам он жирел и богател, изнывая от праздности и безделья.

Однажды ему захотелось хоть как-нибудь развлечься. Он вызвал слугу и приказал ему в течение трех дней отыскать трех мудрецов.

Захватив с собой плащ, лепешки и вино, слуга тотчас же отправился в путь.

Первый день оказался неудачным: сколько ни искал слуга, никого не нашел. К исходу второго дня,

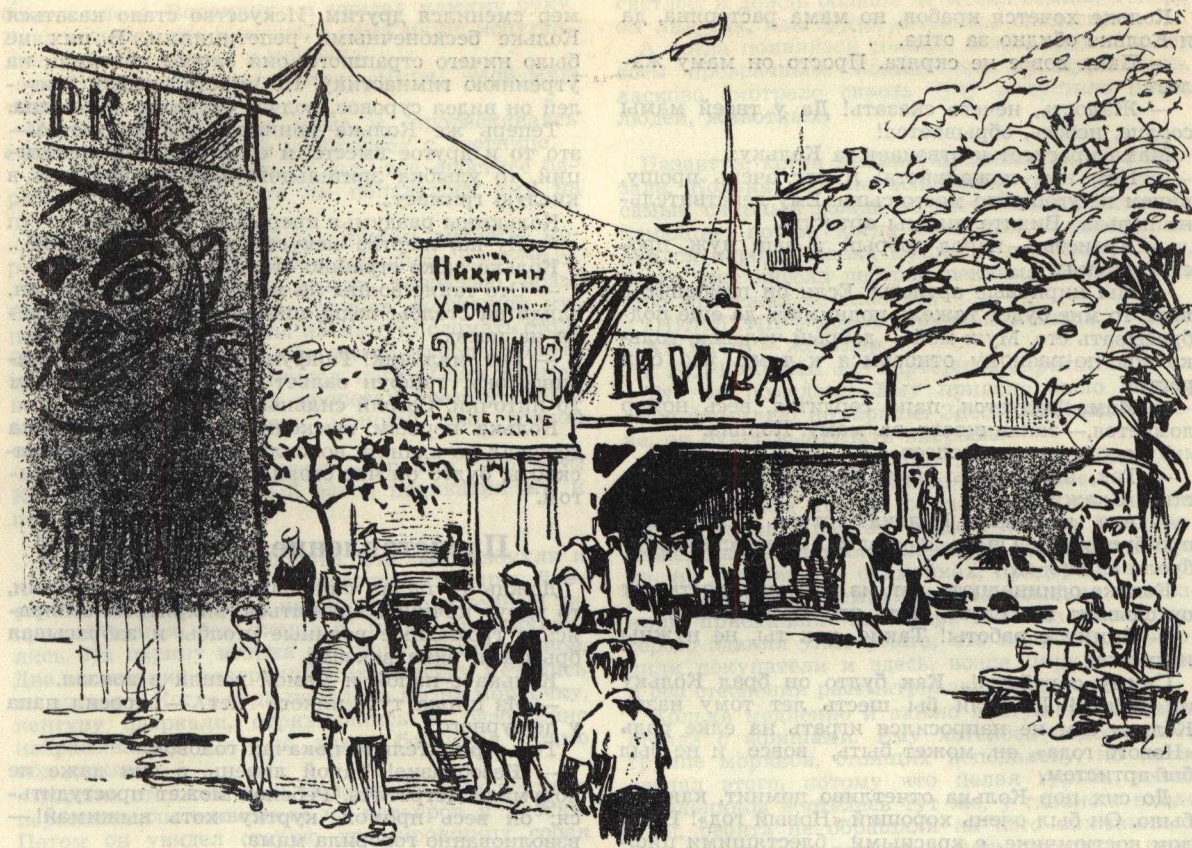
когда солнце уже садилось за горизонт, слуга заметил, что по дороге движется какая-то странная фигура. Подъехав поближе, он увидел человека верхом на лошади, который согнулся под тяжестью огромного мешка. Пот градом катился по его лицу, и вид у него был крайне измученный и усталый. По всему было видно, каких трудов бедняге стоит держать на весу большой и тяжелый мешок. С удивлением посмотрев на незнакомца, слуга крикнул:

— Эй! Послушай! Почему ты не переложить мешок на лошадь? Тебе же трудно держать его на спине!

— Эта лошадь сегодня уже много работала и

Перевел В. Соседов.

КОЛЬКА-ПРЕМЬЕР

(Повесть)

Наталья Дурова

Рисунки Г. Филипповского.

Жертва искусства

Кольке скучно. Он стоит у окна. Поезд мчится быстро. Мелькают названия городов, станций. Вот промелькнуло несколько загорелых мальчишек и девчонок. Они машут руками. При виде их Колькины раздумья проходят. Он тотчас высовывается из окна и кричит: «Привет, приве-ет!». Потом Колька одиноко толчется в вагонном коридорчике и трет засорившийся глаз. Изредка, в перерыве между очередным сражением в домино, его замечают взрослые:

— Товарищи, разрешим молодому человеку включить радио!

Колька мчится к репродуктору. Раздается шипение, затем голос диктора:

— Все растет, все ширится...

Из соседнего купе выскакивает полная женщина.

— Безобразие, просто безобразие, опять радио! — говорит она.

Колька зло провожает взглядом полную даму. Но, подумав, решает, что она права. И правда, безобразие! Ну зачем все растет и ширится? Вот

раньше, когда он был маленький, никто его ничем не попрекал, а теперь...

Стоит Кольке об этом подумать, как тотчас в горле пересыхает, и голод начинает неотвязно надоедать ему.

— Мамочка! А ты завтра, когда приедем, приготовишь обед?

Мама нерешительно смотрит на отца, но тот, сердито глядя на Кольку, говорит маме:

— Ему полагается бутерброд только через два часа! Не вздумай его кормить! — И, обращаясь к Кольке, добавляет: — И ты, пожалуйста, не смей мучить маму!

— Папочка! Я же ничего не прошу! — говорит Колька.

— Как дорога, так он только и знает, что наедаться. Ну что ты поделаешь? — смущенно говорит папа соседу.

Тот с удивлением наблюдает странную семью и, когда папа уходит, не выдержав, говорит:

— Гражданочка, неужели ваш муж — такой скряга: жалеет ребенку лишний кусок? Есть же такие люди... Ай, нехорошо, нехорошо! Мальчик, хочешь крабов?

Кольке хочется крабов, но мама растеряна, да и Кольке обидно за отца.

— Папа вовсе не скряга. Просто он маму жалует.

— Жалость, нечего сказать! Да у твоей мамы сердце, небось, обрывается!

Мама краснеет и отвечает за Кольку:

— Нет, нет, пожалуйста! Я вас очень прошу, ничем не угощайте моего сына. Ему действительно нельзя. Видите ли, мы артисты.

— Артисты — народ добрый, а ваш муж, простите меня...

— Мы цирковые артисты. Если он прибавит в весе, то мне будет тяжело поднимать да еще подбрасывать его. Муж мой — добрый человек, только мы по-разному относимся к тому, что сын растет.

— Мама радуется, папа сердится, весь номер ломается, — заканчивает за маму Колька.

У соседа лицо веселеет.

— Так, значит, ты настоящая жертва искусства! Скажите!

— Ага, жертва! — Колька тотчас вспоминает про бутерброд. Опять злое слово «искусство» отобрало у него еду.

Кольке одиннадцать лет, из них уже шесть лет он слышит это слово. Чуть что, отец грозит:

— Сниму с работы! Такие, как ты, не нужны искусству.

Сниму с работы!.. Как будто он брал Кольку на работу! Да если бы шесть лет тому назад Колька сам не попросился играть на елке роль «Нового года», он, может быть, вовсе и не был бы артистом.

До сих пор Колька отчетливо помнит, как это было. Он был очень хороший «Новый год!» В белом костюмчике, с красными блестящими цифрами «1951». На первом представлении клоун, высоко подняв серебряный шар, выкрикнул в зрительный зал:

— Ребята! Интересная, веселая игра! Называйте все слова, которые начинаются на букву «к» и обозначают предметы домашнего обихода. Кто назовет последним, тот получит этот приз!

Со всех сторон по залу понеслось:

— Кастрюли, ковер, каталка...

Через несколько минут, казалось, весь запас слов был исчерпан, и клоун уже начал считать:

— Раз! Ну, кто еще? Два!..

И тут «Новый год» выступил вперед и, обведя зрительный зал торжествующим взглядом, громко крикнул:

— Клоп!

Серебряный шар, конечно, достался Кольке. Но после представления режиссер отругал его и попросил, чтобы Колька — «Новый год» — впредь выступал без всяких сюрпризов.

И Колька потом так хорошо провел остальные дни елки, что отец решил включить его в свой номер. Колька стоял у отца на ладони. Затем отец надевал на голову черную фетровую шапочку, а Колька тер о канифоль подошвы своих башмачков и стоял у отца на голове, пока тот делал всевозможные трюки. Стоять неподвижно было тоже не так уж легко: в любую минуту Колька мог свалиться. Но он быстро наловчился. Вскоре он научился «крутить колесико» и уже иначе не заканчивал номер, как под щедрые аплодисменты публики.

Тогда искусство представлялось ему в виде крахмаленного банта на его костюмчике и сплошных улыбок зрительного зала. Через год этот но-

мер сменился другим. Искусство стало казаться Кольке бесконечными репетициями. В них не было ничего страшного, они скорее походили на утреннюю гимнастику. Но вместо улыбок зрителей он видел суровое, подчас сердитое лицо отца.

Теперь же Колька понимал, что искусство — это то и другое вместе и если не будет репетиций, то улыбка зрительного зала расплывется в кислую гримасу...

Колькины раздумья прерывает попутчик:

— Ну-ка, жертва искусства, погляди в окно...

Кольке даже страшно стало.

— Это такие волны на море?! — воскликнул он, глядя на столбы воды, шквалом обрушивающиеся на поезд.

— Нет, мальчик! Тайфун! Вот подъедем к Владивостоку, тайфун залетит нас всех. Промокнем до ниточки. Самый сильный дождь на свете!

Колька первым выскочил из вагона, и, пока добежал до здания вокзала, костюм промок насквозь, будто он час стоял под пожарным шлангом.

Представление отменяется

Дождь то падал сильными, ровными струями, то вдруг начинал кружиться, вихриться, собираясь в громадные водяные столбы и забрасывая брызгами окна вокзала.

Колька с папой и мамой вошли в вокзал.

— Из цирка тут никого нет? — спросил папа у дежурного.

Тот отрицательно покачал головой.

— Безобразия! Такой ливень, а они даже не подумали встретить. Ребенок может простудиться: он весь промок, куртку хоть выжимай! — взволнованно говорила мама.

— Подождем, может, еще придут.

Ждали час, ждали два. Наконец папа поднялся и сказал:

— Пойду узнаю. Цирк недалеко.

Прошел еще час. За окном по-прежнему лил дождь.

— Пойдем. Надо сдать вещи в камеру хранения и идти к цирку, — устало сказала мама.

* * *

Люди бежали, согнувшись, словно под тяжестью. Дождь хлестал их по спинам, гнал вперед. Все кругом мелькало, как на истертой пленке старого кинофильма. Разглядеть что-нибудь было невозможно: рябило в глазах.

— Скорей! Бежим! На помощь! — крикнул рядом матрос.

Колька с мамой кинулись было за ним, но мама вдруг остановилась и прокричала:

— Цирк где? Далеко еще?

— Бегите за мной! — махнув рукой, ответил матрос. — Гибнут! На помощь!

Они бросились за ним. Дождь срывал брошенные на головы пальто. Неожиданно все остановилось, наскакивая друг на друга, столпились у скверика. Кто-то оттолкнул матроса:

— Не видишь? Пожарные подъехали и без тебя спасут.

— Пожарные? Эх, брат! Это тебе не огонь тушить! С водичкой нам попривычней. Затопит все, яма тут, котлован. Не первый раз ведь такое.

Вода бурным водопадом катилась по лестнице вниз, к скверу. Из-за толпы Колька не мог разглядеть, что происходит внизу, но по шуму и волнению окружающих он понимал, что кому-то

грозит опасность. Неожиданно он почувствовал боль в плече. Вскрикнул и увидел мамину руку. Рука впиалась ему в плечо, а сама мама, испуганная, рвалась вперед и кричала:

— Пустите, пустите! Цирк! Цирк! Мой муж там...

Матрос поспешил к маме и, протискиваясь сквозь толпу, помог ей пробраться к лестнице.

Люди не расходились. Дождь все яростнее барабанил по всему, что ни попадалось ему на пути.

Около цирка сновали пожарники, артисты, моряки. Вытаскивали клетки, выводили животных. Купол шапито был поднят тяжестью воды. Она скапливалась возле столбов, держащих купол, и грозила с минуты на минуту сломать столбы и разрушить цирк. На самом куполе Колька среди других людей увидел папу. Папа прыгал во впадины с водой и прорезал брезент. Тогда вода начинала стекать мощной, но ровной струей.

— Папочка! Мы здесь! — громко крикнул Колька, но тут сильный ветер подхватил его и погнал прямо в цирк.

Колька растерялся.

Манеж походил на болото. Опилки разбухли и плавали, точно плоты из лягушечьей икры. Двери главного входа и кулис, расположенные по прямой линии, без конца с шумом распахивались. Их скрипу вторил рев напуганных слонов. Два маленьких австралийских кенгуру метались по вольере. Когда вода попадала им на мордочку, кенгуру фыркали, отряхивались и разозленно набрасывались друг на друга, боксируя прямо под дождем.

Колька стал помогать пожарным. Они неумело пересаживали животных из вольеров в клетки. Потом он увидел старую дрессировщицу собак Марию Николаевну Кустову. Она бегала по конюшне и упрасивала всех:

— Я вас умоляю! Болонки... Там мои болонки. Помогите!

Но собаки ни у кого не вызывали такой жалости, как обезьяны и страусы. И Кустова снова просила:

— Там мои собаки! Я вас умоляю...

— Мария Николаевна, давайте я вам помогу, — вызвался Колька.

В это время к ним подошел какой-то мужчина.

— Ну, где эти самые болонки? Давай, парень, показывай.

— Вон там, — ответил Колька и ахнул: перед ним был их недавний попутчик. — Вы тоже здесь?

— Как видишь. Теперь и я жертва искусства. Ну, разговорчики отставить, показывай дорогу!

— Скорей, — торопила Кустова, — скорей наверх, на мостовую!.. И кто это строил цирк в яме?..

Под лай болонок они двинулись во двор, где стояли машины. Клетки ставили в кузов и закрывали брезентом.

Мария Николаевна подняла голову. Ветер сбросил капюшон, дождь прилепил ее жиденькие волосы к щекам. Колька посмотрел на Марию Николаевну, и ему вдруг стало ее жалко.

— Мария Николаевна! Вы!.. — Он хотел сказать ей, что она хорошая, добрая, что он хочет ей помочь. Но он снял свою куртку и протянул ее Марии Николаевне.

— Что ты? — Она не поняла, взяла разбухшую от воды куртку, выжала ее и надела не на себя, а на Кольку.

Через несколько часов небо стало заметно светлее, и дождь больше не месил землю. Теперь он лил так, как будто хотел все сполоснуть.

А когда появилось солнце, дождь сделался совсем прозрачным. Солнце же, прищурившись, ласково смотрело сквозь тучу и сушило цирк, людей, животных.

Назавтра, когда машина привезла вещи с вокзала, Колька уже не вспоминал про тайфун — самый сильный дождь на свете. Он вертелся на конюшне, потом, когда в сквере, у кассы, появился народ, Колька вышел к главному входу. Здесь уже висела пестрая реклама. Колька быстро пробежал ее глазами:

«НИКИТИН — дрессированные лошади,

ХРОМОВ — жонглер,

З ВИРЮКОВЫ З — партерные акробаты».

Тут он помедлил. Ему приятно было видеть свою фамилию на афише. Здесь, во Владивостоке, он будет выступать впервые.

Отец пошел к директору узнать, где будет их квартира, а Колька остался в скверике.

Ни в одном городе около цирка не бывало столько самых разных людей, как во Владивостоке. Размахистыми клешами щеголяли моряки; на деревянных скамейках, придерживая юбки и корзинки, дремали или закусывали колхозники, приехавшие на базар. Часто из громадного серого здания универмага, что напротив, приходили покупатели и здесь, возле цирка, подолгу и без стеснения рассматривали свои покупки.

Колька медленно и важно прогуливался около стенда с афишами. Ему хотелось подобраться к группе моряков, стоящих неподалеку, но он не сделал этого, потому что целая гурьба ребят-школьников вертелась тут же, у главного входа. Увы, ребята не обращали на него внимания, и он ничем не мог дать им понять, что перед ними артист Николай Бирюков.

Неожиданно сбоку, из циркового двора, вылетел на самокате Ленька Градов.

— Бирюков, привет!

— Здорово! Вы давно здесь работаете?

— С неделю. Я уже четвертый день в школу хожу. А вы когда начинаете?

Колька покосился на ребят, протянул к афише руку и, постучав по красной цифре «3», за которой шла его фамилия, громко сказал:

— Видишь ли, написано завтра, но без репетиций... Я не знаю...

— Сколько раз нужно говорить, чтобы ты не крутился у афиш?! — Лицо у отца было сердитым.

Если бы Колька заметил отца раньше, он, конечно, сразу отошел бы от афиш, но тот появился неожиданно.

— Здравствуйте, дядя Леша, — сказал Ленька Градов.

— Очень хорошо, что ты попался нам! — сказал отец.

Ленька испуганно застыл, стоя одной ногой на самокате.

— Папочка, я только показал ему, когда мы начинаем работать. Я...

— Ладно, ладно! Бери портфель, пойдем устраиваться в школу. Завтра же пойдешь заниматься. Ты в какой школе учишься? — обратился отец к растерянному Леньке.

А Колька потихоньку наблюдал за гурьбой ребят у входа. Они уже смотрели на него заинтересованно и участливо.

Из цирка вышла мама.
— В какой, говоришь, школе?
— Да вон она, на горе. Первая.
— Ну, пошли.
И все, кроме мамы, оставшейся у чемоданов, пошли устраивать Кольку в школу.

Школа подождет

Утро выдалось прохладное. Мама дала Кольке серую куртку, и он, захватив портфель и записав в него завтрак, который мама завернула ему, выбежал на улицу. Трамваи, гремя, ползли по крутым, изрезавшим сопки улицам. Их нестройный ляг напоминал точку ножей в конюшне, когда по утрам готовят для животных корм. Колька прицепился было к трамваю, но тут же спрыгнул и решил идти пешком: до начала урока еще целых двадцать семь минут.

Колька перешел улицу и зашагал мимо скверов к виадук, под которым протянулись рельсы. Если подождать там, то можно увидеть паровоз, а то и весь поезд.

Не доходя до моста, Колька задержался около витрины часовой мастерской, где множество часов показывали разное время. Часовщики пинцетами, вроде тех, какими в цирке артистки выщипывают брови, «выщипывали» механизмы из часов. Колька посмотрел на их работу и отправился дальше.

В цирковом дворе выстроились вагончики на колесах. Рядом, похожее на длинную, узкую коробку, которую словно кто-то примял, стояло общежитие цирка.

Колька остановился у одного вагончика. Из-за тюлевой занавески выглянула Мария Николаевна Кустова.

— Здравствуйте, Мария Николаевна! — поздоровался с ней Колька.

— Доброе утро, детка! — ответила Кустова.

Колька знал, что она всех называет детками, даже его отца, и он совсем не обижался на нее за это.

— А мы в гостинице устроились. Маме там не нравится: готовить не разрешают. Как дежурная идет, так мы плитку в письменный стол... И потом у нас плитка на 220, а тут 120. Вот бы нам в такой вагончик! — завистливо заглядывая внутрь, сказал Колька.

— Вот кто-нибудь уедет, тогда и вы сюда переберетесь. Хочешь кофейку? — Кустова скрылась за занавеской, где на плитке зашипел сбегавший кофе.

Колька неторопливо вошел в вагончик и, оставив портфель у двери, подсел к столу.

— Ты в школу?

— Не-ет, мне во вторую смену, — соврал Колька и потянулся к пышной оладье, решив, что пойдет на второй урок. — Ваших собак уже выпускали?

— Сейчас позавтракаем, и я скажу, чтобы их выпустили. Такая грязь после дождя, они все перемажутся, придется перед работой купать. Здесь так трудно с собаками! Они находят в заборах лазейки — и прямо в порт.

— Можно, я послежу за ними? Какие вкусные оладушки!

Кустова удовлетворенно улыбнулась, и Колька получил еще две вкусные оладьи. Позавтракав, он побегал в другой конец двора, где, чадая, дымился котел с собачьим супом. Вскоре из цирка,

визжа и лая, выскочила целая свора вертлявых болонок. Увязавшись за одной из них, через дыру в ветхом заборе Колька попал в порт. Чего тут только не было! И тральщики, и маленькие светлые моторные лодки, и веселые катера! А главное — вода. Мутная, совсем, как нефть. Купаться в ней нельзя, зато, если бросить в нее камень или шлепнуть ногой, вода тотчас расплывется радужными кругами. Они вспыхнут, как блески на костюме, а потом, дрожа и расплываясь, опять станут мутной, темной водой.

Колька расшнуровал ботинки и, подняв целый столб брызг, стал колотить ногами и руками по воде. Промокший, с ботинками, перекинутыми через плечо, Колька долго стоял у причала, глядя на море. У берега вода была темная и густая, чуть подальше — сине-зеленая, а далеко-далеко, где море вливалось в дымку облаков, — стальная. В заливе около островков, которые, словно ржавые бородавки, выделялись на морской глади и алели багрянцем осенних деревьев, вода была огненно-желтого цвета. И стоявшие на одном месте островки оттого, что Колька долго смотрел на них, вдруг будто поплыли, обливаясь золотом полуденного солнца.

На кораблях пробили склянки, и Колька, вспомнив, что ему нужно в школу, стремглав бросился через порт в город. Только у самой школы он вдруг заметил, что портфеля нет. Возвращаться было поздно. Колька, присев на ступеньки, надел на грязные ноги ботинки и пошел искать свой 4-й класс «Г».

Колькины страдания

Уроки уже кончались. Колька открыл дверь. Около доски стояла учительница. Она была молодая, курносая и в очках.

— Чего тебе, мальчик? — сказала она, глядя на растрепанного, мокрого и пятнистого от брызг Кольку.

— Я новенький! Бирюков Николай.

— Разве ты не знаешь, что во время урока входить в класс нельзя? И почему ты пришел так поздно?

— Мы, мы... — Колька опустил голову, думая, что бы сказать. И, увидев свои испачканные мазутом ноги, бойко ответил: — Мы распаковывались.

Учительница промолчала и под гулкий шепот ребят посадила Кольку на последнюю парту.

Колька сел и стал разглядывать затылки сидящих впереди. Мальчишку с прямыми пепельными бровями, обернувшегося в его сторону, Колька сразу узнал. Это его и вон тех двух девочек, сидящих на одной парте, он вчера видел у цирка.

После звонка учительница долго расспрашивала Кольку, что проходили в тех школах, где он учился, а Колька скучающе изучал круглое, в веснушках лицо учительницы и с грустью думал, что ребята, наверное, уже ушли домой.

— Завтра приходи к началу занятий без опозданий и оденься поопрятней. Учебники у тебя все есть?

— Да, — ответил Колька и тут же решил, что учительница вредная.

В цирк он вернулся хмурым. И когда перед репетицией отец спросил его: «Ну, что?», — Колька неопределенно кивнул головой.

— Где же ты так вымазался? — всплеснула руками мама.

— На уроке физкультуры,— не растерялся Колька и, вспомнив, что он не узнал заданных на завтра уроков, тут же решил разом отделаться от трудного школьного дня.

— Уроков нам не задали,— сказал он маме и пошел репетировать.

В манеже на репетиции Колька был невнимателен, и отец все время говорил:

— Ровнее. Ровнее. Следи за руками.

— Что ж ты хочешь? Ребенок устал после школы,— отвечала за Кольку мама, а Колька молча слушал и размышлял о своей жизни.

Нет! Со школами ему явно не везло. Но поудите сами! Разве Колька был виноват в том, что за учебный год ему приходится менять шесть или семь школ? В одной школе программу еще не прошли, зато в другой, куда Колька попадал после переезда на гастроли, оказывалось, ее давно уже усвоили. Вот тогда и начинали сыпаться на Колькину голову двойки. А главное, упреки.

— Если ты не возьмешься за ум, я тебя сниму с работы,— твердо говорил отец, и Кольке ничего не оставалось, как уныло брести к новым школьным товарищам за помощью.

Вот уже третий год Колька мучается. Учителя к нему относятся недоверчиво. Они рассуждают так: «За те двадцать—тридцать дней, которые проводит Колька в каждой школе, получить серьезные знания нельзя»— и поэтому, жалея Кольку, двоек ему не ставят. Ну, а на пятерки он и сам не рассчитывает.

Ребята-одноклассники везде любили Кольку. Шутка ли сказать: утром он сидит с ними за партой, а вечером проводит их в цирк, где на ярко освещенном манеже выступает настоящим артистом, которому кричат и «браво» и «бис», а летом, наверное, даже бросают цветы!

На уроках физкультуры Колька был признанным авторитетом, а так как он вообще был способным да иногда еще в какой-нибудь школе ему везло и табель кое-где пестрел пятерками, то отец всегда замечал:

— Жить бы тебе на одном месте, ты бы не был в школе гастролером, мог бы, пожалуй, стать и отличником.

Но Колька вовсе не ощущал этой необходимости — жить на одном месте. Когда ребята ему говорили: «А у меня дома, знаешь...»,— Колька выслушивал их с интересом, но к слову «дома» он относился по-своему: для него оно обозначало небольшой железный сундук, в котором хранились и оранжевый абажур, и подушки, вышитые в дороге мамой, а главное, костюмы, афиши и фотографии. И вот, когда все это вынимали из сундука, раскладывали и развешивали безразлично где, для Кольки это и означало быть дома. Ему казалось, что так жить гораздо интереснее, чем сидеть на одном месте.

Внимание, осторожно!

Колька стал больше весить. Он поправлялся так быстро, что папа, глядя на тугую застегивающийся костюм, говорил маме:

— Не слушаешь меня на свою голову! Как ты не понимаешь? Тебе же труднее!

Но мама молчала и терпела. В пирамиде, где она стояла у отца на голове, а Колька плавно вытягивался в стойку и давил ее голову всей тяжестью своих сорока килограммов, мама только еле ощутимо для Кольки вздрагивала, но по-

прежнему улыбалась публике своей постоянной улыбкой. Дома же потихоньку от отца подкармливала Кольку бульоном и фруктами и радовалась, когда лицо у сына округлялось.

Часто на репетиции Колька говорил отцу:

— Пап, я еще уроков не сделал.

И при этом так грустно смотрел отцу в глаза, что тому становилось ясно: если не отпустишь, потом не ругай за двойки. Когда же Кольку от-

...У нас в номере три человека: папа, мама и я. Я верхний...

пускали, он, конечно, и не думал садиться за уроки: ведь были и футбол и марки. А школа, что ж, в любой школе Колька чувствовал себя, как в манеже. Правда, отец частенько говорил Кольке:

— Артист ты в манеже, а в школе ты должен быть учеником. Понятно?

Но Колька кивал головой и вел себя по-прежнему. В школе он уже третий день был героем дня; на переменах около его парты собирались ребята, а Колька все рассказывал и рассказывал о цирке.

— Мне сейчас очень тяжело приходится: и учиться надо, и в номере работать много приходится. Раньше я был верхним, а теперь буду средним. А это еще труднее, — вздыхал Колька, следя за ребятами, которые, затаив дыхание, его слушали.

— А верхний — это что? — спрашивала толстая девочка с двумя торчащими в разные стороны косичками.

Колька сразу к ней проникся уважением. Звали ее Люся Шустикова, и она была звеньевая как раз того звена, в котором был и Колька.

— Понимаешь, у нас вот в номере три человека: папа, мама и я. Я верхний, значит, я должен делать сальто и выжимать по-всякому стойку: у мамы в руках, на голове, а когда мама прыгнет, то, не меняя положения, точно попасть папе на плечи.

— Ну, а средний?

Колька подумал и, схватив за руку высокого, нескладного мальчика, который все эти дни не сводил с него восторженных глаз, сказал:

— Глядите! Кадкин, как тебя зовут?

— Витя, — ответил тот, непонимающе и доверчиво глядя на Кольку.

— Глядите! Витя, согни колени, стой твердо! — командовал Колька. — Сейчас, когда я выжму стойку, схвати мои ноги, ладно?

— Давай!

— Не надо, он не удержит! — ахали девочки.

Но Колька бесстрашно схватился за острые колени Кадкина, и через секунду глаза ребят были устремлены на болтающиеся в воздухе Колькины ноги.

— Так, хорошо, алле...

Виктор настолько крепко держал Колькины ноги, что Кольке было даже больно. Но, чтобы подольше постоять на руках, он не показывал вида и, едва ворочая языком, говорил:

— Вот я верхний, он средний, это — цирковое слово. Вот. Он сам должен не свалиться да еще меня держать. Двойная нагрузка.

Так проходили перемены. Уроки для Кольки тянулись медленно. Он либо рассматривал лицо учительницы, которое не нравилось ему, либо пытался угадывать, когда его вызовут...

«Вот сейчас — наверняка», — подумал Колька.

И правда, глаза учительницы задержались на нем, и, легонько стукнув карандашом по журналу, она сказала:

— Бирюков, к доске.

Колька встал, крышка парты протяжно закричала. Колька выдвинул одну ногу и остановился.

— Что же ты? Иди отвечать.

Колька, насупившись, теребил концы галстука и не сходил с места.

— Ты не выучил урока?

Молчание.

— Тогда мне придется для первого раза поставить тебе знак вопроса.

Колька сел. Знак вопроса, хоть и похож на двойку, все-таки не отметка, и в дневник его, конечно, не поставят, а поэтому можно не волноваться и позвать ребят в цирк.

Сегодня как раз суббота, и будет дневное представление.

Даже Люся согласилась пойти в цирк. Колька был очень доволен, когда они, увидев его в бархатном костюме с громадным белым бантом, в золотых блестях, стали аплодировать. Кадкин, чуть не перевалившись в другой ряд, кричал изо всех сил:

— Бирюкова! Кольку! Браво!

И Колька старался. Никогда он не раскланивался с такой гордостью. Сейчас он покажет ребятам, что такое настоящий акробат. Вот он уже в руках у мамы, поднимается, встает во весь рост, сейчас сальто — и он кубарем полетит прямо в папины руки.

Но вдруг мама тихо вскрикнула. Колька, неловко соскользнув, шлепнулся на ковер. Он испуганно перевел взгляд с папы на маму. Мама как-то странно дергала рукой, а улыбка ее стала какой-то растерянной.

Гремели аплодисменты. Колька видел Люсю и ребят, кланялся только им.

За занавесом маму встретил врач из циркового медпункта.

— Покажи руку, — волновался отец.

Занавес снова открыли, но раскланиваться вышли только Колька и отец.

То, что мама сломала руку, Колька понял только тогда, когда отец, садясь с мамой в машину «Скорой помощи», сказал ему:

— Иди домой и жди.

Люся с Витькой, тоже взволнованные, повели Кольку в гостиницу.

— Знаешь, ты только не расстраивайся, это быстро заживет. Вот мой папа в порту, когда грузит, так иногда тоже с руками что-нибудь... И заживает быстро-быстро, — успокаивала Кольку Люся.

Ребята долго ожидали Колькиных родителей и старались развлечь Кольку, но почему-то получалось так, что разговор обязательно сводился к случившемуся.

— А страшно, правда, быть артисткой? — спрашивала Люся, глядя на Кольку с уважением.

— Нет, совсем не страшно. Хочешь, и ты будешь артисткой?

Люся покраснела, и Колька, тут же поняв, в чем дело, сказал:

— Похудеть можно в два счета — нужно бегать больше. Ты обязательно будешь артисткой. Пока мы здесь, во Владивостоке, я сам буду с тобой заниматься. Вот увидишь...

Витька Кадкин сидел молча. Он завидовал Люсе и недоумевал, почему вдруг Колька забыл о нем. Внезапно Витька сказал:

— А какой завод на земле не стоит?

Ребята на него оглянулись, и он быстро сам себе ответил:

— Крабовый.

Люся и Колька растерялись, а Витька, разрубая руками воздух, сердито говорил:

— А потом вы не знаете, что пишут на консервных коробках! Читаете, наверно, «снатка», а это просто половина Камчатки по-английски написано — «чатка». Вот. Ну, я пошел, — так же неожиданно закончил Кадкин и пошел к двери.

— Подожди! — остановила его Люся.

Но Витька даже не обернулся.

Тяжелая жизнь

Рука у мамы срасталась медленно. Хозяйничала в доме пока Мария Николаевна Кустова. Она утром приходила с продуктами, целый день шумно хлопотала у плиток и уходила только вечером.

Мама следила за Колькиными занятиями. Заниматься же, да еще изо дня в день, Колька совсем не умел, и его часто одолевали мысли, что все это совсем ни к чему.

— Раньше я не занимался, и ставили тройки. Сейчас занимаюсь — все равно ставят тройки! — с раздражением говорил он, отбрасывая задачник.

Мама грустно улыбалась и здоровой рукой гладила Колькины вихры.

— Ну что ж, зато уж эти тройки твердые. А те были по случаю, вроде двоек. Тройки твои сейчас, как четверки с минусом, а будешь еще заниматься, и сам не заметишь, как хорошим учеником станешь. Только ведь ты, наверное, не сможешь.

— Смогу... «В одну трубу вливалось 40 литров, в другую выливалось 27 литров. Во сколько часов мог наполниться бассейн, если известно...» Видишь, опять трубы, а для чего, для чего они мне нужны, если я арифметиком быть не хочу? Я уже артист. Спроси вот у Марии Николаевны. Мария Николаевна, вы учили метрическую систему?

Застигнутая врасплох, Кустова вопросительно посмотрела на Колькину маму и отрицательно покачала головой.

— Видишь, видишь? А мне сегодня за эту систему поставили двойку!

— Почему же ты не выучил?

— Но, мамочка, для чего же мне ее учить? Для чего? Вот Мария Николаевна не учила же, а она лучшая артистка. И я буду. Вот посмотришь, без всяких арифметик буду.

— Нашел тоже, с кого пример брать! — Мария Николаевна покраснела и заговорила сердито и быстро: — А может, твоей артистке Кустовой до сих пор совестно, что она расписывается целых десять минут и, высунув язык, выводит каждую буквочку, как первоклассница. Э-эх, Мария Николаевна! Нашел тоже...

Колька недоверчиво покосился на нее.

— Не веришь? Давай ручку, бумагу... — Мария Николаевна взволнованно смотрела на чистый лист бумаги и все ворчала: — Этак ты станешь не артистом, а циркачом. Что, нравится? Циркач — это кто? Это так раньше было: человек, у которого за душой, кроме выломанных рук и ног, ничего нет. А ты должен быть артистом цирка, а не циркачом.

Она протянула Кольке листок, на котором крупным, размашистым почерком было написано: «Кустони».

— Ошибка! — протянул Колька.

— Видишь, еще и без ошибки фамилии своей написать не могу... Ну, где ошибка? Давай исправляй!

— Вот... Вместо «ва» тут «ни». — Колька стал исправлять, но мама его остановила.

— Нет, не трогай, пусть исправляет! — перебила ее Мария Николаевна. — Ведь он же не знал старого цирка, в котором не признавали русских фамилий. Пусть исправляет и решает задачи. А потом, когда научится определять, сколько во-

ды в бассейнах этих... — Она подумала и продолжала: — Глупый ты мальчик, глупый. Может, сейчас решишь эту задачу просто так, а потом придумаешь такой номер с бассейном, что ни в одном цирке такого не было.

И Колька решал задачи.

Помучившись с задачей, которая не получалась, он бежал к Люсе. Здесь с серьезным видом он смотрел в ее тетрадь и снисходительно говорил:

— Все решаешь?

— А ты?

— Что я? Сразу сел... и... Подумаешь, что здесь трудного!..

Кольке становилось не по себе, он чувствовал, что ему нужно поскорее уйти. И он уходил к Витьке Кадкину. Но когда Витька пытался объяснить ему задачу, он зло обрывал его:

— Хватит. Все вы только объяснять умеете! Дай тетрадь, я сам разберусь.

Витька послушно отдавал ему тетрадь, и Колька дома спокойно переписывал нерешенную задачу, успокаивая себя: «Подумаешь, еще неделя — и уеду, а что в другой школе будет, посмотрим...».

Но так было только первое время. Когда же стало ясно, что он уже не будет появляться каждый вечер перед публикой в бархатном костюме с накрахмаленным бантом и в афишах уже не стояло: «3 Бирюковы 3 — партерные акробаты», а в школьном журнале против фамилии Бирюкова продолжали прибавляться двойки, ребята вызывали Кольку на сбор звена.

— Ты же теперь не работаешь? Почему же ты не занимаешься? Может, тебе помочь надо? А то из-за тебя все звено отстающее, — сказала Люся Шустикова.

— Ну, чего вы к нему пристали? — строго сказал Кадкин. — Человек, так сказать, в тяжелых условиях, цирк, сами, небось, и не знаете, что это, а к нему цепляешься. «Белый пудель» читала? Да? А про каучукового мальчика? А когда приехал он, видела тогда у цирка, как ему от отца попало?.. Конечно, ему трудно достается, а вы... Эх! — махнул рукой Кадкин и сел рядом с Колькой.

Тот благодарно пожал другу руку под партой и скорчил печальную мину, явно показывая, что он устал и что такие выпады против него ни к чему. Они только усложняют и без того тяжелую Колькину жизнь.

Через несколько дней, когда в классе были прочитаны оба рассказа: про белого пуделя и про мальчика, который назывался не каучуковым, а гуттаперчевым, да еще Люся несколько раз рассказывала о том, как первый раз у цирка они увидели Кольку, — все ребята, без исключения, жалели Кольку и завидовали Кадкину, который с ним дружил. Каждому хотелось что-нибудь для Кольки сделать.

— Слушай, может, попросить Людмилу Николаевну поговорить с твоими родителями? Все же легче тебе будет.

— Нет, зачем? Не надо, пусть уж! — вздохнул Колька, но тотчас испугался и про себя подумал: «Вот будет, если Людмила Николаевна заявится к маме!»

Поделившись своими опасениями с Виктором, он решил после школы куда-то из гостиницы не уходить.

Однако все вышло иначе.

Сам себя высек

— Что я слышал! Беда! — Витька с размаху бросил портфель, шлепнулся на стул, задышал тяжело и шумно.

Колька теребил его за плечо, но Витька, задыхаясь от бега и волнения, никак не мог объяснить.

— В раздевалке...

— Да говори же, что в раздевалке?

— Я там забыл галоши. Ну, новые, что бабушка купила...

— Тоже еще беда! — разочарованно протянул Колька. — Возьми мои, или малы тебе будут? Сколько они стоят?

— Не знаю. Рублей тридцать, наверно...

— Ну, купим новые, подумаешь...

— Зачем?

— Вот чудак! Мама мне деньги даст. Я же получаю зарплату.

— Не надо. Галоши здесь. Но что было, что было... Я вернулся за галошами, а там, в раздевалке, Люся Шустикова и ребята кричали, кричали: «Надо пойти посмотреть!», «Конечно, человеку трудно, он в беде, а мы сидим и ему не помогаем!» Людмила Николаевна им говорила про цирк чего-то. Я не мог показаться, а то бы, знаешь, она меня на дополнительные занятия оставила. Потом ребята все сразу закричали, а Людмила Николаевна сказала: «Сходим, не волнуйтесь, обязательно сходим. Тут что-то не так. Завтра я сама спрошу у Коли. Вы, наверно, напутали». Значит, она к твоей маме придет. Факт.

— Брось!

— Я тебе говорю! Сам слышал.

— Придется завтра весь день дома сидеть. В школу не пойдем...

— Ой, Колька! А вдруг бабушка узнает...

— Мы скажем: в школе дезинфекция...

Договориться они так и не успели: вернулась с перевязки Колина мама.

— Вы уже дома? Сейчас будем обедать. Папа задержится в цирке.

— Мама, мы завтра не учимся.

— Почему?

— У нас в школе дезинфекция.

— Кто-нибудь заболел?

— Девочка одна. У нее, знаете, воспаление легких, — выпалил Витька.

— Не может быть! — Мама удивленно посмотрела на ребят.

— В тяжелой форме. Она все кашляет... Лекарства всякие пьет, — вмешался Колька.

— Но ведь при воспалении легких дезинфекции не бывает!

— Мамочка, так ведь у нее, наверное, воспаление не легких, а чего-нибудь заразного: воспаление гриппа.

Мама как будто поверила. Колька с Витькой дежурили полдня. Но беда подстерегала Кольку совсем не дома. Она вошла во время репетиции в цирк, вошла целым классом вместе с Людмилой Николаевной.

«Что им здесь нужно?» — разозлился Колька, который в это время работал с отцом на манеже.

Людмила Николаевна улыбнулась ему и, обратившись к артистам, репетировавшим тут же, сказала:

— Дирекция разрешила нам провести экскурсию в цирк днем. Вы не будете против, товарищи?

Артисты стали здороваться с пионерами, те хо-

ром ответили: «Здрасьт!..» — и рассыпались по первому ряду.

Репетиция продолжалась.

У Кольки немели руки и ноги. Он умоляюще смотрел на отца и мысленно просил: «Папочка, ударь, ударь меня, пожалуйста...»

А ребята с интересом наблюдали репетицию. В одном манеже можно было увидеть сразу несколько цирковых номеров. Рядом с Колькой и его отцом репетировал жонглер, подбрасывая булавы в воздух. Движения его были медленны, и ему часто приходилось нагибаться за упавшей на ковер булавой. Поодаль, около столика, заставленного множеством самых разных предметов, суетился иллюзионист.

Шумные болонки кланчили у Марии Николаевны Кустовой сахар и делали трюки, которые она задавала. Неучаствавших болонок Мария Николаевна отгоняла от себя, но они не уходили и, виляя хвостом, лизали ей руки.

— Ничего, ребята, это они еще начерно работают. Беловую работу вам покажут на представлении, — говорила Кустова, глядя болонок.

Колька стал как деревянный. Руки и ноги не слушались его. На глазах выступили предательские слезы, и Колька заплакал, размазывая слезы кулаками.

Тогда Люся Шустикова перепрыгнула через барьер, пробежала к Колькиному папе и гневно крикнула:

— Не имеете права Колю мучить! Зачем вы бьете его и заставляете работать? Из-за вас он плохо учится.

Остальные ребята тоже попрыгали в манеж. Кольку обступили со всех сторон. Щеки его стали ярче пионерского галстука. Артисты, побросав все, подошли к пионерам.

Колькин папа недоуменно разводил руками.

— Да что вы, ребята! Ничего подобного. Кто вам это сказал? Тут какое-то недоразумение.

— Я тоже так думаю, — сказала Людмила Николаевна.

— Нам Коля рассказывал, а про гуттаперчевого мальчика мы сами читали.

Отец только посмотрел на Кольку и ничего не сказал. Но Колька почувствовал, как он взволнован. Колька даже глаза поднять боялся. И кругом, как нарочно, все затихло. Даже болонки перестали лаять. Кольке казалось, что все слышат, как гулко-гулко бьется его сердце.

И тут заговорила Кустова:

— Погодите, ребята. Это Коля перепутал. Он вам рассказывал про мое детство. Но вы ведь не станете сердиться на него за то, что он настоящий артист? Правда? Вот он вошел в роль и так увлекся, что решил: это не Марию Николаевну Кустову колотили полсотни лет назад, а его. Я ему рассказывала, а он — вам. Ну да что старое вспоминать!.. Сейчас животных начнут кормить. Пусть Коля вам их покажет.

Колька был безгранично благодарен Марии Николаевне. И хотя он чувствовал, что ребята его презирают, торопливо старался рассказать им все, что знал сам:

— Слон ест очень много: картошку, морковку, свеклу, капусту и хлеб. Всего 120 килограммов в день. Сейчас я ему дам хлеба.

Колька попросил у служащего одну из восьми приготовленных буханок и протянул ее слону. Слон взял буханку хлеба хоботом, подложил под ногу, разломал и стал жевать.

— Что ж он не кусает?

— Так у него такие зубы — только перетирать все могут. Они вроде пластинок с волнистым верхом. Каждый зуб весит больше полукилограмма.

Тут неожиданно рядом с Колькой появился Витька Кадкин. Где он был раньше, никто не знал. Встретили его холодно, а одна из девочек сказала:

— Пришел, липучка...

— Ну-ка, повтори еще! А ты знаешь, что здесь ругаться нельзя? Был такой случай... Расскажи им про попугая, — нашелся Витька.

На маленькой трапедии раскачивался ярко-синий попугай. Он говорящий. Витька прав. Когда его учат, нужно, чтобы было темно. Тогда легче вырабатывается условный рефлекс. От страха, наверное. Попугай чисто-чисто говорит тогда. При погрузке клетку с попугаем всегда укутывают, чтобы не простудился. А грузчики — народ какой? — возьмут и выругаются. Вот попка и научился и однажды на представлении вместо речи дрессировщика свою речь произнес.

— Скажи: «Липучка»... — приставали к попугаю ребята.

Но попугай спокойно раскачивался и кричал:

— Арра-арра. Звонок. Арра-аррочка. Скорей! — И ругаться не хотел.

— Слушайте больше Кольку Бирюкова. Он, наверное, опять новую роль взял на себя. Вообразил себя попугаем, — смеялись ребята. — Он и про животных ничего не знает, артист тоже...

— А слоны? Кто про слона вам рассказывал? — заступилась за Кольку Людмила Николаевна.

Но Колька обиделся и вместе с Витькой покинул ребят.

— Ну и пусть. Мы еще им покажем.

Гипнотизеры

И вот однажды весь класс переполошился:

— Держи! Лови! Лови!

— Да осторожней!

Курица, шумно трясая крыльями, перелетала с парты на парту.

Ребята во главе с Виктором то и дело наступали ей, но курица, испуганно кудахча, ловко выскользывала из рук.

— Да что вы, ребята! Кто вам это сказал?

Вот она очутилась на парте Люси Шустиковой.

— Хватай! — крикнул Виктор Люсе.

Но Люся не успела даже протянуть руку. Курица была уже на другой парте.

— Вот трусиха! Курицы испугалась, — сказал Колька.

— Послушай, Бирюков! — вспыхнула Люся. — О тебе еще поговорят на сборе звена. Увидишь! Гипнотизер нашелся! Себя бы лучше загипнотизировал, чтобы двоек не было!

Но в это время Виктор, ухвативший за ногу пронзительно кудахтавшую курицу, торжественно обратился к Кольке:

— Приступайте.

Ребята столпились около учительского стола. Колька одной рукой взял курицу, другой медленно погладил ей гребешок и свистящим шепотом произнес:

— Спать... с-с-спать...

— Это он пассы делает, — пояснил Виктор прихитившим ребятам.

А Колька с непроницаемым лицом гипнотизировал курицу. Опрокинул ее на спину так, чтобы голова свисала, затем рукой слегка надавил на ободранный зоб, и курица застыла. Ребята не сводили с нее глаз. Все, даже Люся Шустикова, удивленно смотрели на замершую в напряженной позе курицу.

Минута, две, наконец Колька дунул на курицу, и она, встрепенувшись, вскочила. Виктор тотчас ее поймал и посадил в портфель.

— Здо-о-рово!

— А как это ты гипнотизируешь?

— Людей тоже можешь? — спрашивали ребята.

— Может, еще как! Сам видел, — отвечал за друга Виктор.

— А ты покажи, ну, покажи! — вдруг подступилась к Кольке Люся. — Что же ты? Загипнотизируй! — Глаза ее задорно и зло смотрели на Кольку.

Колькино лицо вытянулось, он метнул испуганный взгляд на Витьку, хотел было что-то сказать, но Виктор уже поспешил к нему на помощь:

— Что задираешь? Сказано: может! На себе испытал.

— Значит, и ты спал, как курица? — Люся ехидно сонхурилась.

— Ну, спал, — растерянно отозвался Виктор. — А что?

— А то, что ты до сих пор проснуться не можешь: троечником стал.

Класс разделился на две половины. Одни утверждали, что Колька Бирюков — хвальбушка.

— Подумаешь, артист! Ленка Градов тоже из цирка. И даже сейчас работает. А не задирается. Вот...

Другие, столпившиеся около Виктора и Кольки, все еще расспрашивали про курицу, и кто-то даже предложил нарисовать афишу к праздничному концерту.

Когда выходили из школы, Колька, глядя на удалявшуюся Люсю, почувствовал себя как-то смущенно.

— Вить!

— А?

— Нехорошо как-то с курицей вышло...

— Чего ты на Люську обращаешь внимание? Известно, девчонка. Просто злится, что все ребята за нас.

И все-таки Кольке было не по себе.

Впервые он чувствовал себя учеником. И этот Колька-ученик теперь не давал покоя Кольке-артисту.

Он видел себя стоящим возле доски и ребят, которые смотрят на него, не отводя глаз. А Люся Шустикова с протянутой рукой, как на школьном плакате. «Что ты сделал для фестиваля? — грозно говорит она. — Бирюков! Ты не пионер. Ты позор! Позор для нашего звена! Двойка! Еще двойка. Еще раз двойка. Ты не мог ответить Людмиле Николаевне про воду!!! Ребята, решаем...»

«Подождите! Подождите! Я все исправлю. Я расскажу про воду. Вода, она... она встречается всюду, где есть дождь и лужи».

«Лужи!!!» — точно гром, прокатывается по классу ропот ребят, и все вместе с Люсей говорят:

«Исключить!!!»

Колька съезживается. Пока все это ему только представилось, а вдруг действительно так выйдет?

Утром Колька не без волнения пришел в школу. Но, увидев у стенда с объявлениями довольную физиономию Кадкина, успокоился. Не глядя на ребят, он прошел в класс и тихо сел за парту. Людмила Николаевна склонилась над журналом, поправила волосы и начала спрашивать ребят.

Вдруг Витька, который сидел у окна, прошипел:

— Колька, смотри!

И показал на парту Люси Шустиковой.

Объявление, которое только что висело на стенде, лежало перед Люсей, и она старательно замазывала густой синей тушью красное слово «гипноз».

Колька ерзал, вертелся, получил два замечания от Людмилы Николаевны и в довершение всего стал чуть ли не во весь голос переговариваться с Витькой.

— Бирюков! Дай табель. — Людмила Николаевна грозно сдвинула брови.

Когда Колька подходил к учительскому столу, в классе поднялся шум:

— Эй, гипнотизер!

— Чего вы к нему пристали?

— Задавака!

Людмила Николаевна кончила писать в Колькином табеле и отложила ручку. И когда шум немного стих, сказала:

— Ребята! Я все знаю. Мне хочется об этом с вами поговорить. Бывало ли когда-нибудь с вами, что в глаз попадала соринка? Соринку из глаза извлекли, но боль по-прежнему чувствовалась.

Ребята удивленно переглядывались.

— Так вот и с курицей получилось, — продолжала учительница.

«Сейчас скажет, что я соринка в глазах класса», — подумал Колька и горько вздохнул.

— Так вот и с курицей. Когда Бирюков опрокинул ее так, чтобы свисала голова, он тихонько нажал пальцем на зоб, а затем незаметно отнял руку. Курице все еще казалось, что ее держат. Поэтому она несколько минут от испуга боялась пошевелиться. Такое явление называется каталепсией. Ну вот, ребята, теперь, я думаю, что каждый из вас, — Людмила Николаевна весело улыбнулась и перевела взгляд с Кольки на Витьку, — может стать таким же «гипнотизером».

«Люся, давай дружить!»

Опять для Кольки настали скучные дни. Дни, полные колкостей, жалостливых взглядов, недоверия и драк.

Колька решил было изменить положение хорошей учебой. Однажды, хорошо выучив урок по литературе, он сам вызвался отвечать. Но стран-

— Это он пассы делает, — пояснил Виктор притихшим ребятам.

но: Колька, никогда не робевший в манеже перед двумя тысячами глаз, у доски вдруг ни с того ни с сего сконфузился и еле-еле вытянул на четверку.

Решив на уроке физкультуры поразить класс, Колька и Виктор исполнили настоящий акробатический этюд. Колька у Виктора на коленях сделал стойку, потом, плавно опустившись на паркет, сел на шпагат, а Виктор прекрасно дополнял картину. Он был, как сказал Колька, фоном, то есть попеременно поднимал то правую, то левую руку и застыл.

Для полного триумфа Кольке не хватало костюма и залитого светом манежа. Он мечтал сводить свой класс в цирк, но сейчас это было невозможно. Теперь, когда мама болела, Кольку самого пропускали в цирк только с отцом, на репетицию. Поэтому ничего не оставалось делать, как, уныло глядя в учебники, терпеливо готовить домашние задания. Люся Шустикова по-прежнему не обращала на него внимания.

— Виктор! Ты дружил с кем-нибудь?

— Спрашиваешь! А как же! В прошлом году с Толиком Савиным.

— А с девчонками?

— Нет! С девчонками не успел...

— Подумаешь, не успел! За четыре года нельзя было подружиться?

— Некогда было. Знаешь, сначала мы их лупили, косы им обрывали, потом они нас лупили. Наши девчонки — это, брат, народ странный.

— Ну?!

— Еще бы! Только название, что девчонка да

фартук. А попробуй драться, мальчишка — и все. И новый прием: царапаются...

— Да ты что?.. Говорил бы уж прямо: хватит, Кадкин! Хочу дружить с девчонкой.

Колька покраснел, но промолчал.

— Променял меня на Люську Шустикову, а еще друг называется!

— С чего ты взял? Хочешь, я отдам тебе свой перочинный ножик?

— Не нужен мне твой ножик...

«Что и говорить! Люся, конечно, — девчонка, зато человек! Вот! Но и Витька своей... Обиделся, молчит», — поглядывая на друга, думал Колька. И, пожалев Витьку, предложил:

— Знаешь, айда в цирк!

Они побежали к цирку.

Хитро миновав «проходную» с дежурным, ребята бросились на конюшню. Здесь все животные были, как всегда, на месте.

Колька подвел Виктора к клетке, где сидел старый рыжий лис.

— Когда мы приехали, тайфун был здоровенный, помнишь?

— Совсе не тайфун, просто сильный дождь.

— Пусть дождь! Цирк тогда чуть не погиб.

И вот после все хорошо было, только один лисенок пропал. Мы его искали, искали! У тебя завтрак остался? Дай-ка!

Колька бросил в клетку булку. Старый лис вдруг заурчал просительно и нежно, совсем как лисица, подзывающая малышкой, и, схватив кусочек булки, прыгнул в угол клетки.

— Это что такое? Кто разрешил кормить жи-

вотных? — Дрессировщик гневно смотрел на потерявшихся ребят.

— Мы не кормим, мы лисенка нашли...

— Герои! Лисенка нашли. Два месяца его не находили, а они пришли — и сразу нашли. Вот я скажу твоему папе, уж он тебе подарит лисенка!

— Да мы правду говорим. Смотрите...

И действительно, через несколько минут был найден лисенок. Малыш, видимо, случайно забрел под эту клетку. А у старого лиса, который в неволе видел лисят только через решетку, вдруг пробудился инстинкт отцовства. Он попробовал втащить лисенка к себе в клетку, но это было сложно: щель узкая, а малыш крупный. И все попытки кончились тем, что лисенок ободрал себе шкуру на спине и застрял под клеткой. Однако распорядок питания не изменился: в положенные часы лисенок получал от старого лиса свою порцию.

Колька с Виктором помогли вытащить малыша.

Бедный лисенок! Он рос без движения... Лапы его стали кривыми и слабыми, а глаза смотрели зло.

— Придется, ребята, заняться лисенком вам, — сказал дрессировщик. — Сами нашли, сами и воспитывайте. Его еще можно вылечить и сделать артистом. Пожалуйста, товарищи дрессировщики, это ваш зверь. Согласны?

— Согласны! — хором ответили ребята.

Они были счастливы стать дрессировщиками. Вдруг Колька сказал:

— Возьмем Люсю Шустикову в помощники!

— Опять Люсю?!

— Не хочешь? Тогда я больше не буду водить тебя в цирк.

Витька подумал и нехотя сказал:

— Надо написать ей записку.

— Я не понесу.

— Боишься? Сам ведь захотел.

— Значит, пишем. — Колька вырвал из тетради страницу и написал: «Люся, давай дружить, у нас есть лисенок. Мы будем дрессировщиками, и ты с нами. Коля, Витя».

Написав записку, ребята отправились к Люсиному дому. Колька сложил записку голубком, но она до окна не долетела.

— Придется отнести.

Колька остался у подъезда, а Виктор поднялся на третий этаж.

Прошло пять минут. Окно у Люси было распахнуто, но с улицы ничего не было видно: почти рядом с окном была водосточная труба. Колька, не раздумывая, полез, словно по першу, по водосточной трубе и, оказавшись около Люсиного окна, услышал:

— С вареньем вкуснее. Ты бери лучше с вареньем.

— Спасибо. Я и так уже наелся.

От возмущения Колька вскрикнул:

— Витька! Выходи сейчас же!

Люся выглянула в окно и так растерялась, что только открыла рот, а крикнуть не смогла. Колька посмотрел вниз. Около водосточной трубы собрался народ. Задирая головы, все взволнованно переговаривались:

— Осторожней, мальчик! Спускайся смелей...

— Ой! Ой! — только и сказала Люся, но, увидев ее лицо, Колька счастливо улыбнулся и в одно мгновение слетел вниз.

Однако не на землю. Ноги его запутались во множестве протянутых рук.

— Другого занятия не нашлось! Сломаешь себе голову!

— Да отпустите мальчишку! Он и сам не рад, что глупость сделал.

Пока взрослые спорили и ругались по поводу воспитания детей, Колька выбрался из толпы и вскоре, веселый и радостный, сидел у Люси.

Люся зашивала его куртку, Витька ел варенье, слегка запивая его чаем, а Колька вслух читал книжку. Когда Люся отдала куртку, Колька вежливо поблагодарил ее и, увидев пустые ведра, предложил натаскать воды.

— Ты какой-то сегодня новый, — сказала Люся. Колька сначала рассердился, но, подумав, решил, что, может, это и хорошо, что он новый.

Отъезд

Ничего подобного Колька еще не переживал в своей жизни. Раньше он к ребятам относился, как к кинокартинам: смотрел на них двадцать или тридцать дней кряду, пока учился, а потом, уезжая, забывал их или, если ребята ему нравились, пытался им подражать.

Странное дело! Раньше, что бы ни случилось в школах, задевало Кольку мало и казалось таким же неинтересным и нудным, как нотации отца на репетициях. Колька любил «нравиться». Улыбкой или контрамаркой он добивался успеха. А ребят не понимал, был безразличен к их тревогам и радостям. Все было «не его».

Теперь Кольке постоянно приходилось размышлять о ребятах и о школе. Быть может, Колька стал размышлять потому, что ему уже шел двенадцатый год. Однако заметил он это во Владивостоке и думал, что сам город, такой необычный, большой, город-гора, откуда видны водные пути во все концы мира, заставил его стать взрослее.

Колька любил смотреть, как в порту встречаются и провожают моряков. Их встречали и провожали не так, как Кольку с папой и мамой. Их провожали и встречали совсем иначе.

Колька с обидой говорил об этом маме. Это чувство кипело в Кольке, а на что он был обижен, Колька не мог бы рассказать.

— Нас так никогда не встречают, — грустно жаловался он матери.

— Просто нас слишком часто встречают и провожают. Ведь мы артисты, — отвечала она. — Потом, посудите сам, их встречают родные... Моряки давно не видели Родину. Они счастливы. Они вернулись домой...

«Домой...» Еще недавно Колькиным домом был сундук с привычными и знакомыми вещами. А теперь он думал, что дом — это гораздо больше. Дом — это город, с улицами и морем, с людьми, которые кажутся родными, с Люсей и Витькой, со школой... Дом — Владивосток...

Да, Колька и правда стал новым. Но едва началась для него эта новая жизнь, как стали поговаривать об отъезде.

Уехать! Когда началось самое интересное, когда Колька перестал думать о бесконечном исправлении двоек и троек! Все готовится к фестивалю. Да разве к одному? Сначала будет школьный, потом городской, потом дальше, дальше и, наконец, самый большой, необыкновенный, в Москве, Всемирный фестиваль. Вот бы попасть!

Москва! Колька часто видел ее проездом, но ни разу долго еще не жил там. Отец говорил, что нужно очень много работать, прежде чем высту-

пить на столичном манеже. И всегда грустно добавлял при этом:

— Разве с таким лентяем, как ты, можно чего-нибудь добиться?

«Эх, папка! Поживи я здесь, во Владивостоке, еще, я бы наверняка поехал в Москву. Класс-то у нас — во какой! Обязательно посланцем на фестиваль будет: троек почти нет, металлолома собирали больше всех. Цветы у нас будут лучше всех, потому что Витькина бабушка — садовод, а уж голубей как-нибудь... Вот получу зарплату — всю отдам ребятам. Голубей купим. Даже выдрессируем». Нет, Колька не хотел уезжать.

Всегда, когда Колька начинал думать об этом, он старался вместе с Витькой забрести в самый дальний уголок города и здесь по-мальчишески, откровенно и начистоту, поделиться с ним своими думами. Обычно этим уголком было устье речки Лянчихэ.

Когда Колька говорил: «Поедем на Лянчиху», — это значило, что нужно поговорить о чем-то серьезном. Они подолгу сидели на берегу, бросая в речку мелкую гальку. Рыбу уже никто не ловил, кругом было пустынно и тихо, деревья давно поблекли, и оставшиеся на них листья напоминали забытое под проливным дождем хозяйками белье.

— Знаешь, когда я приеду в следующий раз, мы здесь устроим шалаш и будем жить, ладно? — предлагал Колька.

— «Когда приеду!» Ты лучше не уезжай. Здесь летом рыбы — у-у!.. И только вот тут, где мы сидим.

— Почему?

— Еще спрашиваешь! — Витька подбежал к самой воде и, зачерпнув немного в ладошку, протянул Кольке. — Попробуй!

Колька лизнул.

— Ну, чувствуешь?

Колька поморщился.

— Чего? Рыбой пахнет, что ли? — пожав плечами, протянул он.

— Да нет же, просто она несоленая. А там вот, в море, наоборот. И еще, где Лянчихэ впадает в море, ила много. Ну, рыбе, конечно, там хорошо: вода малосольная, и корма сколько угодно. Можно за час целую корзину рыбы наловить. Оставайся, Коль, проживем как-нибудь, прокормимся! Может, тебе школа не нравится?

— Нравится, — убежденно сказал Колька. Он чувствовал, что говорит правду.

В школе все у Кольки теперь получалось складно. Только когда на естествознании чуть ли не в предпоследний день учебы Людмила Николаевна поставила ему четверку за поведение и в дневнике написала: «На уроке ел экспонаты», — Колька разозлился. Домой он возвращался мрачный и все бубнил Виктору:

— «Ел экспонаты!» Подумаешь, сама дала десять зернышек пшеницы, а я сижу на последней парте. Что ж, я виноват, если до меня всего три дошло?

— Так всегда: если не виноват, обязательно достанется, — подтверждал Виктор.

Настроение у обоих было плохое.

— Коль, а ты теперь не скоро уж приедешь?

— Года через три. А может быть, ты к нам приедешь на каникулы? А то ведь решили в студию цирковую вместе идти. Ну, чего ты, Витька?

— Решили, но тебя не будет здесь так долго, — упавшим голосом прошептал Витька. — Пошли к

моря! — неожиданно предложил он и, не дожидаясь ответа, побежал.

Колька понимал Виктора. Расставаться и ему не хотелось. Когда мама упаковывала последние вещи, он выбрал самую лучшую карточку, где был снят в рабочем костюме, и написал: «На память Вите от Николая Бирюкова».

Подумав, он хотел было приписать: «Не в шумной беседе друзья познаются...», — но, решив, что так могут писать только девочки, Колька старательно вывел: «Виктор, пиши мне чаще!!!»

Провожали Кольку всем классом. Людмила Николаевна и Виктор принесли цветы и альбом: «На память о школе № 1».

Колька прислонился к стеклу и жадно глядел на лица товарищей. Людмила Николаевна махала ему рукой и делала какие-то знаки. Колька не понимал их, но кивал ей головой и все смотрел, смотрел на ребят, но видел почему-то только одного Витьку.

Железная тросточка, на которой висела шторка, уже несколько раз отлетала. Экспедитор цирка передал отцу билеты и попрощался. Но Колька был ко всему безучастен. Он думал, что теперь во Владивосток попадет только года через три и ребята за это время, конечно, его забудут.

Никогда, пожалуй, так грустно, но с каким-то особенным интересом не смотрел он в вагонное окно. Ему хотелось запомнить все: и залив, и мелкую гальку, и серые лоскуты медуз.

Поезд тронулся. По узкому коридору проплыла в вагон-ресторан буфетчица с большой корзиной. За ней почталон.

— Марки, конверты, телеграммы! — пробасил он, потрясая веером разлетающихся конвертов.

— Дайте два десятка! — попросил Колька и, купив конверты, отошел от окна.

В купе мама уже поставила на столик термос и боржом.

Колька вошел с независимым видом и даже попытался запустить руки в карманы, но они были настолько забыты ракушками и морскими камушками, что руки там не помещались.

— Кушать хочешь? — спросила мама.

Он только покачал головой.

— Что-то, я вижу, ты расстроен?

— Не-е! — протянул Колька и подумал, что теперь, наверно, Витька в фестивальном монтаже будет читать стихи, которые они написали всем классом, а Колька старательно учил две недели.

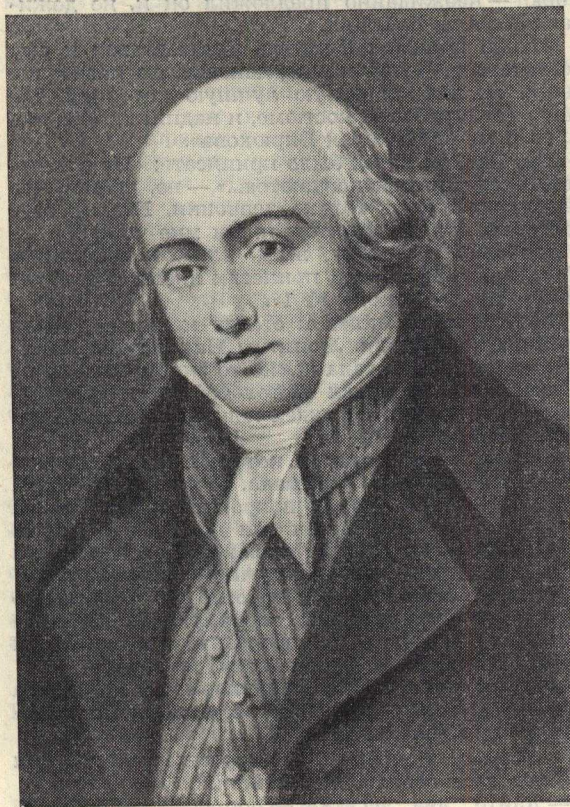
Впервые, кажется, Кольке захотелось быть обыкновенным мальчиком: каждый день ходить в свою школу, не расставаться с Люсей и Витькой, готовиться к фестивалю. Ведь если даже их класс не поедет в Москву на фестиваль, ребята пошлют туда голубей. Может быть, некоторые голуби вернутся обратно. Их будут ждать с нетерпением, каждый день аккуратно на школьном подоконнике рассыпая корм.

И только Колька Бирюков не будет ждать. Зачем? Окно вагона не школьный подоконник. Оно не имеет точного адреса. Голуби вернутся домой, во Владивосток!

Когда отец помог маме распаковать баул с едой, Колька уже не смотрел в окно.

«Ну и что ж! Пусть переезды, переезды. Но ведь я тоже делаю дело. И буду, буду когда-нибудь настоящим артистом!» — неожиданно подумал Колька и потянулся к бутерброду.

А впереди его снова ждал привычный перестук вагонных колес, который звучал для Кольки по-разному: то весело, то, как сейчас, грустно.

Великий песенник Франции

И. Халтурин

В июле 1957 года весь мир отмечает столетие со дня смерти Пьера Жана Беранже.

Чем заслужил этот человек такую славу?

Беранже называют великим песенником Франции. Что это значит? Может быть, он пел свои песни в концертных залах, на эстрадах рабочих клубов, в ночных кабаках, как поет теперь его соотечественник, наш недавний гость Ив Монтан?

Нет, Ив Монтан — певец, он поет песни, написанные для него другими.

Беранже не был знаменитым певцом, не выступал публично, пел только в домашнем кругу, перед своими друзьями. Но он сочинял песни, которые пела потом вся Франция.

* * *

Беранже родился в Париже в 1780 году.

«Если бы люди сами себе выбирали колыбель,—

писал он в своей автобиографии,— я непременно выбрал бы Париж, который еще до нашей великой революции был городом свободы и равенства...»

Очень важно запомнить это время и место рождения, потому что поэт — всегда сын своего века и своей страны. Беранже, родившийся на десять лет раньше или позже, был бы человеком другой поэтической судьбы.

Итак, он родился в 1780 году, накануне падения старого феодального режима во Франции; его детство и юность прошли в годы народных волнений. Девятилетним мальчиком с крыши пансиона, где он учился, он видел разрушение Бастилии, крепости-тюрьмы, оплота королевской власти. Утром 14 июля 1789 года народ овладел Домом инвалидов, захватил пушки и пороховой погреб. Вооруженная толпа двинулась к Бастилии. Начался штурм. Солдаты перешли на сторону народа, и участь крепости была решена. 14 июля было днем первой победы французской революции. До сих пор это национальный праздник французского народа. Бастилия была разрушена, но потом вместо нее появились другие тюрьмы, цепи феодализма были сброшены, но вместо них руки народа оказались скованными другими цепями. Спустя сорок лет, в годы реакции, Беранже, верный своим революционным убеждениям, был заключен в тюрьму. Здесь он написал свою знаменитую песню — «Четырнадцатое июля».

Как ты мила мне, память, в заточеньи!

Ребенком я услышал за собой:

«К оружию! На Бастилию! Отмщенье!

В бой, буржуа! Ремесленники, в бой!»

Покрыла бледность щеки многих женщин.

Треск барабанов. Пушек воркотня.

Бессмертной славой навсегда увенчан

Рассвет того торжественного дня,

Торжественного дня.

На следующий день учитель рано

Привел меня к развалинам тюрьмы.

«Смотри, дитя! Тут капище тирана,

Еще вчера тут задыхались мы.

Но столько рвов прорыто было к башням,

Что крепость, равновесья не храня,

Сдалась при первом натиске вчерашнем.

Вот в чем урок торжественного дня,

Торжественного дня».

14-июля — для Беранже не только живое детское воспоминание, но на всю жизнь символ народного единства в борьбе, вера в силу народа.

Свобода! Голос мой не будет изгнан.

Он и в цепях не отнят у меня.

Пою тебя! Да обретет отчизна

Зарю того торжественного дня,

Торжественного дня.

В этом — весь Беранже, сын своего времени, дитя Французской революции, верный ее принципам всю свою жизнь.

Конечно, не только эти первые детские впечатления определили путь Беранже, но и многое другое. Можно думать, что большую роль сыграла в его воспитании та своеобразная школа, в которую он поступил в 1792 году, когда отец взял его из «беспокойного Парижа».

Это была школа, основанная одним из членов Законодательного собрания, человеком, горячо преданным революции, ревностным учеником французского философа-просветителя Жана Жака Руссо. Это была маленькая республика, управлявшаяся самими учениками. Они сами избирали из своей среды мэра, судью, сами следили за соблюдением дисциплины. У них было даже свое войско с выборными командирами, свой клуб; на его бурных заседаниях обсуждались политические события и присутствовали местные граждане. Здесь Беранже научился выступать публично. Его часто избирали председателем клуба, от лица своих товарищей он приветствовал членов Конвента, приезжавших в город; он произносил речи в дни революционных празднеств, сочинял обращения к Конвенту и Максимилиану Робеспьеру. Школу эту скоро закрыли. Но для Беранже она была первой ареной общественной деятельности: там он учился законам своей страны,

там у него появился интерес к политике, там он получил настоящее республиканское воспитание.

Шли годы. Беранже так и не удалось получить законченного образования. Он испробовал множество профессий: был «мальчиком» в деревенском трактире своей тетки, учеником у золотых дел мастера, писцом у нотариуса, наборщиком в типографии, выдавал книги в читальне. Он долго бедствовал, и лишь в 1809 году ему удалось получить скромное место в канцелярии Парижского университета, которое давало ему небольшой заработок.

Писать Беранже начал рано, но не сразу нашел свое подлинное призвание. Он писал в старинном роде — героические поэмы, идиллии, комедии — и не скоро понял, что дело его жизни — песня.

Веселый французский народ всегда любил песню. Еще в средние века Франция славилась своими народными певцами — менестрелями. Но в XVII—XVIII веках песня была оторвана от народа. Придворные поэты приспособили ее к салонам аристократического общества, превратили ее в легкомысленные куплеты, воспевающие вино и любовь. В эпоху революции вновь возродилась массовая песня. В 1792 году, когда революции угрожала смертельная опасность, была создана «Марсельеза», ставшая революционным гимном не только для французов. Ее написал саперный офицер Руже де Лиль. Не меньше «Марсельезы» народ любил другую песню — «Карманьолу». Она призывала к беспощадной борьбе с королем и врагами революции.

Во время Наполеона поэты и музыканты сочиняли торжественные песни в честь его побед. Это были славильщики императора, они получали за свои оды и марши деньги, чины, ордена.

И вдруг в 1813 году появилась песня Беранже «Король Ивето». Это была ироническая песня о некогда не существовавшем короле — добряке, простаке, веселом выпивохе, не стремившемся завоевывать чужие страны, не обременявшем страну налогами; кружка пива с бочки — единственное, что он требовал себе.

Он отличный был сосед:
Расширять не думал царства
И превыше всех побед
Ставил счастье государства.
Слез народ при нем не знал;
Лишь как умер он, — взрыдал
Стар и мал...
Ха-ха-ха! Ну, не смешно ль?
Вот так славный был король!

Франция, уставшая от разорительных войн Наполеона, сразу подхватила эту песню. Беранже, раньше известный лишь небольшому кружку друзей, стал популярен во всей стране.

Именно теперь он почувствовал силу своего песенного дара, и с тех пор в его песнях уже уверенно звучит голос гражданина. Он стал националь-

— Куда направляется эта толпа вооруженных людей? — с ужасом спрашивают друг друга напуганные обыватели при виде детишек, играющих в войну. Этим рисунком знаменитый французский художник, современник Беранже, Оноре Домье зло высмеял страх буржуа перед революцией.

ным поэтом Франции, выразителем ее народного характера, он вывел песню из круга богатых, знатных и образованных людей и перенес ее в среду народа. Песня Беранже злободневна по содержанию, она живет интересами народа и, сохраняя веселое добродушие, свойственное французам, подымает большие общественные вопросы. Она проста по языку, близка к народной речи, в ней слышится и чувство человеческого достоинства, гордость простого человека и насмешка над богатыми и знатными, над всеми, кто мешал народу быть свободным и счастливым.

Когда Наполеон пал и при помощи иностранных государств во Франции снова воцарилась старая, ненавистная народу династия Бурбонов, сотнями стали возвращаться обратно в свои поместья эмигрировавшие во время революции дворяне и аристократы-вельможи. Они жаждали вернуть свои земли, свои богатства и чины. Беранже в своей песне «Маркиз де Караба» зло высмеял этих предателей родины, захотевших вернуть себе старые права:

Задумал старый Караба
Народ наш превратить в раба.
На отоцавшем скакуне
Примчался он к родной стране.
И в старый замок родовой,
Тряся упрямой головой,
Летит сей рыцарь прямиком,
Бряцая ржавым тесаком.
Встречай владыку, голытьба!
Ура, маркиз де Караба!

Этот рисунок к песне Беранже «Маркиз де Караба» сделал другой французский художник, тоже современник поэта, Жан Гранвиль.

Король Карл X выплатил этим «маркизам де Караба» миллиард франков за «убытки, понесенные ими от революции».

Это легло тяжелым бременем на французский народ, и запуганные белым террором французы теперь по-иному вспоминали о Наполеоне.

Это карикатурное изображение короля Франции Луи Филиппа принадлежит О. Домье. Надпись на «медали» гласит: «Луи Филипп — последний король французов».

Беранже в борьбе с Бурбонами прославлял теперь имя Наполеона как символ былой славы Франции.

Песня «Старый капрал» дает образ мужественного наполеоновского солдата, который идет на расстрел за то, что он прибил королевского офицера.

Беранже много сделал для свержения Бурбонов: он боролся с влиянием духовенства, он был активным участником революции 1830 года. «Песни Беранже, — говорит французский поэт Ламартин, — были теми патронами, которыми народ стрелял в июньские дни».

Свободный и независимый, Беранже был совестью французского народа, другом бедняков и рабочих, их защитником и утешителем.

Песня Беранже живет между «Марсельезой» и «Интернационалом». И замечательно, что именно Беранже довелось оказать помощь старому, уже забытому в то время, почти нищему автору «Марсельезы» Руже де Лиллю и молодому парижскому рабочему Эжену Потье, будущему члену Парижской коммуны и автору «Интернационала».

Беранже любил Францию как страну свободы, как родину революции, ей посвятил он свои песни.

Но песни Беранже близки и дороги народам всего мира, всем людям, которые борются за свободу и счастье народа.

Старый Капрал

Пьер Жан
Беранже

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья.
Трубка со мной... Проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в седирах голова...
Вот она, служба солдата...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера.
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова,—
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Братцы! Солдатские годы,
Служба — в руках у судьбы...
Помню я наши походы,
Время великой борьбы.
Эх, наша слава пропала...
Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись.
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... Поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива...
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

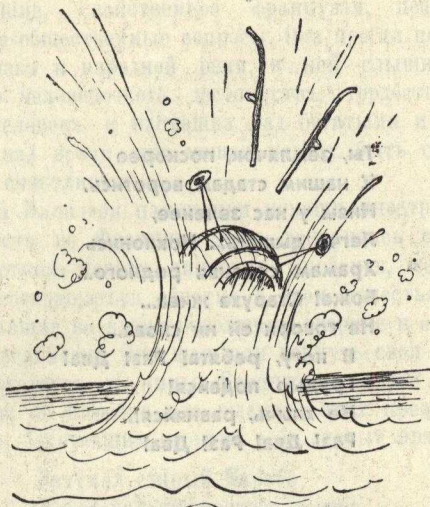
Кто там так громко рыдает?
А, я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела!
Нет, затянусь еще раз!
Близко, ребята. За дело!
Прочь! Не завязывать глаз!
Целься вернее! Не гнись!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПУ-1»

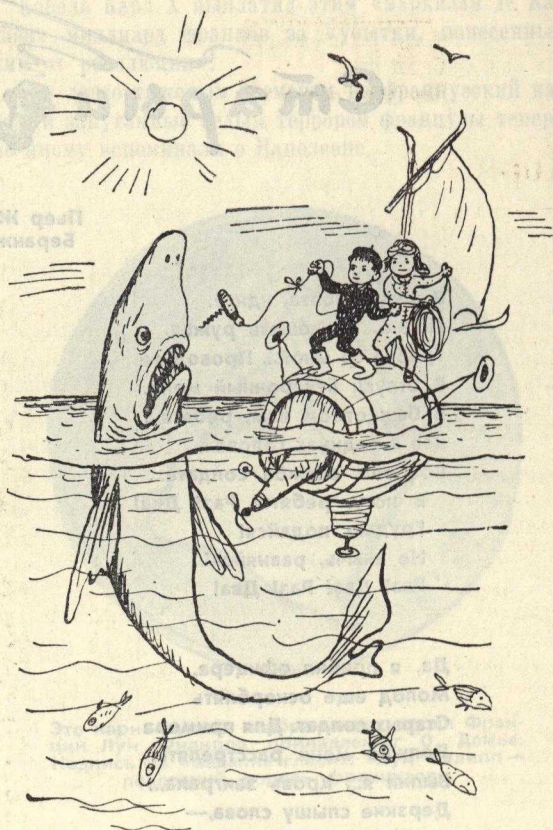
Рисунки П. Сыроежкина.

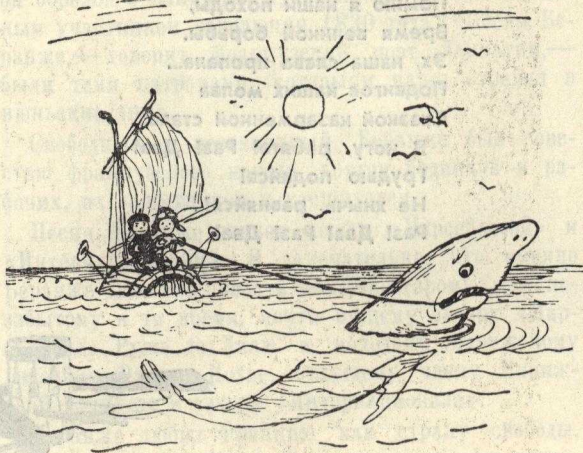
Нелегко с природой спорить:
Буря, ветер, ураган!..
Это ведь не пруд, не море.
Это, братцы, океан.

Но, друзья, идти в поход
Без смекалки трудно:
Превратили вертолет
В парусное судно.

Нет ни ветерка, хоть плачь,
Как же поплывешь тут?
— Хорошо бы нам запрячь
Эту вот рыбешку.

Мчит акула, словно пуля...
Друга Удальцов спросил:
— Как ты думаешь, в акуле
Сколько лошадиных сил?

СПОРТ

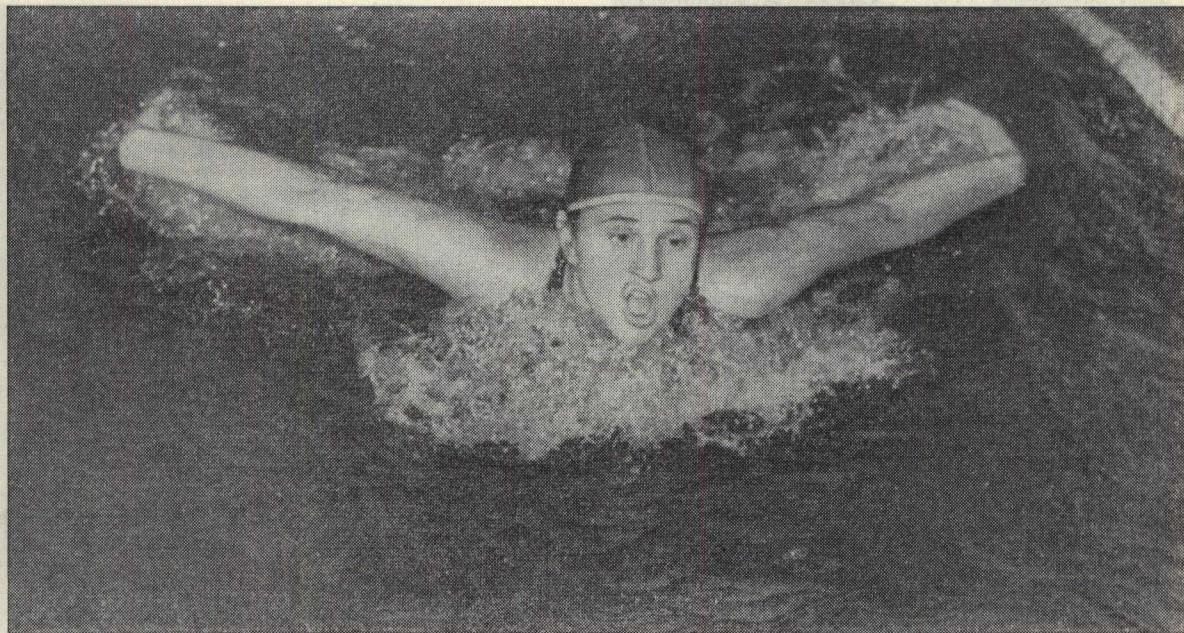
Хорошо быть спортсменом

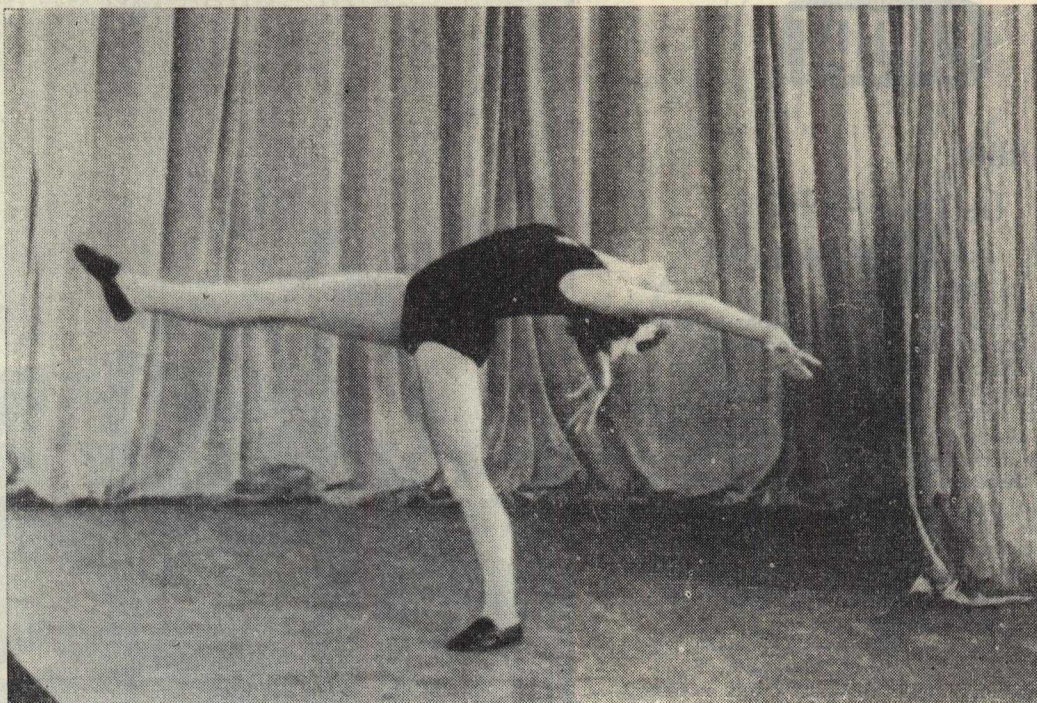
Хоп! И юный всадник легко берет препятствие — крестовину высотой больше метра. Он пролетает на своей «Метели» как раз в центре крестовины. Это Саша Щерба, ученик 7-го класса 663-й московской школы. Совсем недавно Саша и в седле-то не умел сидеть как следует, а теперь у него третий разряд. Верховой езде его научила Нина Ивановна Андреева — тренер спортивного общества «Пищевик».

Конноспортивные школы есть во многих городах нашей страны. Туда принимают мальчиков и девочек с тринадцати лет.

У сталинградской школьницы Галины Камеовой любимый спорт — плавание. Больше всего она любит вольный стиль и баттерфляй. На нижнем снимке Галя как раз плывет баттерфляем.

«Баттерфляй» — английское слово. Оно означает «бабочка». Сделав длинный гребок, пловец резко выносит руки вперед по воздуху. Он как бы порхает над водой, словно бабочка. Баттерфляй — очень сложный вид спортивного плавания. Но Галя достигла больших успехов. Она мастер спорта, чемпионка и рекордсменка страны в разряде девушек.

Посмотрите, как легко выполняет Таня Молчанова сложное движение — «заднее равновесие».

Те, кто занимается гимнастикой, знают: очень трудно выполнить все движения так, чтобы судьи на соревнованиях поставили высокую оценку. И сделать это надо точно, изящно, красиво — вот так, как Таня. Недаром она в четырнадцать лет стала чемпионкой Москвы по художественной гимнастике, а теперь ей шестнадцать, и она уже мастер спорта.

Ира Мохова и Валерий Мешков моложе Тани. Им всего по одиннадцати лет. Но они перворазрядники и чемпионы Советского Союза 1957 года в парном фигурном катании.

На нижнем снимке вы видите, как Ира и Валерий выполняют фигуру «обводной циркуль». Они тренируются не только зимой, но и летом. На стадионе Юных пионеров есть теперь каток с искусственным льдом.

Старт взят! Кто придет первым: Боря Носов, Боря Трофимов или Витя Мамышев? Эти ребята не разрядники. Они только недавно начали заниматься спортом. Тренируются они в легкоатлетической школе спортивного общества «Зенит» в Ленинграде. Ею руководит замечательный педагог, заслуженный тренер республики Виктор Ильич Алексеев. Четыреста человек занимаются в школе.

Тут и начинающие спортсмены вроде этих мальчиков, которых вы видите на снимке.

Тут продолжают заниматься и те, кто стал уже мастерами спорта, — всем известные рекорсмены и чемпионы мира Галина Зыбина, Тамара Тышкевич и другие.

На III спартакиаде школьников ученики Виктора Ильича Алексеева заняли первое место по легкой атлетике.

В Литовской республике все ребята увлекаются баскетболом. В баскетбол там играют чуть ли не в каждом дворе и уж, конечно, в каждой школе. Играют и десятиклассники и третьеклассники. Для них устанавливают специальные баскетбольные щиты — пониже и поменьше.

На снимке вы видите, как борются за мяч ребята из 23-й и 29-й школ Вильнюса.

За тысячу километров от Ленинграда и Вильнюса — на берегу Черного моря — тренируются футболисты Сухумской спортивной школы. Не правда ли, ловко подбрасывают они мячи головой? Еще бы, ведь они тренируются по всем правилам, а не «так просто» гоняют мяч!

В Сухумской спортивной школе занимаются футболом сто тридцать мальчиков и юношей. Из этой школы вышли известные футболисты, мастера тбилисского «Динамо» Автандил Гогоберидзе, Ниязи Дзяшпа, Борис Хасая. В этой же школе занимался и Никита Симонян — знаменитый центральный нападающий «Спартака».

Приспособить к ногам резиновые ласты совсем недолго, а плавать с ними можно гораздо быстрее. Юра Данилов и Оля Миркатан — москвичи. И хоть нет у них под боком теплое Черное море, как у сухумских ребят, они учатся плавать круглый год в закрытых бассейнах.

Скоро год, как они занимаются в бассейне Московского университета. Они научились плавать брассом, и кролем, и на спине. А уж когда наденут ласты, то тут и вовсе чувствуют себя «как рыба в воде».

Их сверстники из киевской школы «Юный динамовец» только-только делают первые шаги в очень интересном, но сложном спорте — фехтовании; они учатся правильно держать рапиру и делать выпад.

Мы не знаем, какой спорт вы любите: может быть, футбол, может, бокс, а может быть, фехтование или плавание. Но каким бы видом спорта вы ни

занимались, вам не обойтись без утренней зарядки. Эти ребята живут в специальном спортивном лагере под Киевом. Казалось бы, зачем им зарядка? И так целый день они занимаются спортом! И все-таки посмотрите. Как только раздастся сигнал подъема, все, как один, выбегают из палаток делать утреннюю гимнастику. Так должен начинать день и каждый из вас.

В. Кречетова

НУМИЗМАТИКА — ПОМОЩНИЦА ИСТОРИИ

ВСЕ ЛИ МОНЕТЫ ИЗУЧЕНЫ?

Собирание монет — одно из самых старых увлечений человека.

Мы не знаем, собирали ли монеты в древней Греции или Риме, но зато известно, что знаменитый итальянский поэт Франческо Петрарка в начале XV века коллекционировал монеты.

Нумизматика — наука, изучающая монеты, — зародилась лишь в конце XVIII века, после того как огромное количество монет было собрано коллекционерами. Эти коллекции и послужили основой для серьезного, научного изучения монет.

Казалось бы, что за 550 лет уже собраны и изучены все чеканившиеся когда-либо монеты, но на деле оказывается, что это не так. Ежегодно при раскопках, в случайных находках или в частных коллекциях обнаруживаются все новые и новые типы и разновидности монет.

И здесь большую помощь науке оказывают коллекционеры.

Например, большая часть монет Северного Причерноморья, находящихся в Историческом музее, собрана коллекционером П. О. Бурачковым.

Собиратель монет должен хорошо знать историю страны или народа, монеты которого он собирает.

На необъятной территории нашей страны в различные периоды ее истории чеканились и находились в обращении монеты разных народов и племен.

История многих из них еще очень мало изучена, потому что до нас не дошли вещественные

и письменные памятники, которые помогли бы археологам и историкам.

Многие, вероятно, помнят древнегреческий миф об аргонавтах, ездивших в Колхиду за золотым руном.

Древняя Колхида находилась на территории нынешней Западной Грузии. История колхов нам почти неизвестна, а тем, что мы знаем о них, мы обязаны их монетам — «колхидкам», найденным на месте древней Колхиды. Мелких монет и сейчас попадаетесь довольно много, а крупные «колхидки» известны лишь в нескольких экземплярах. Находка крупной «колхидки» является событием: ведь каждая такая монета добавляет крупицу знания в наш скудный запас материалов об этой стране.

Очень мало известна нам история скифского государства, располагавшегося на юге нынешней Украины и в Крыму. Находка каждой новой скифской монеты с именами царей Скилура, Инисин-

мея, Фардзоя также является большим событием.

Таких примеров можно привести множество.

Собиратель монет должен хорошо изучить историю своего края, той местности, где он проживает. Собрание и изучение монет, обращавшихся в данном крае, — это не только увлекательное занятие, но и очень полезное дело.

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ

Начинающий коллекционер может собирать любые монеты, начиная с древнейших греческих VII века до нашей эры и кончая отечественными текущего года.

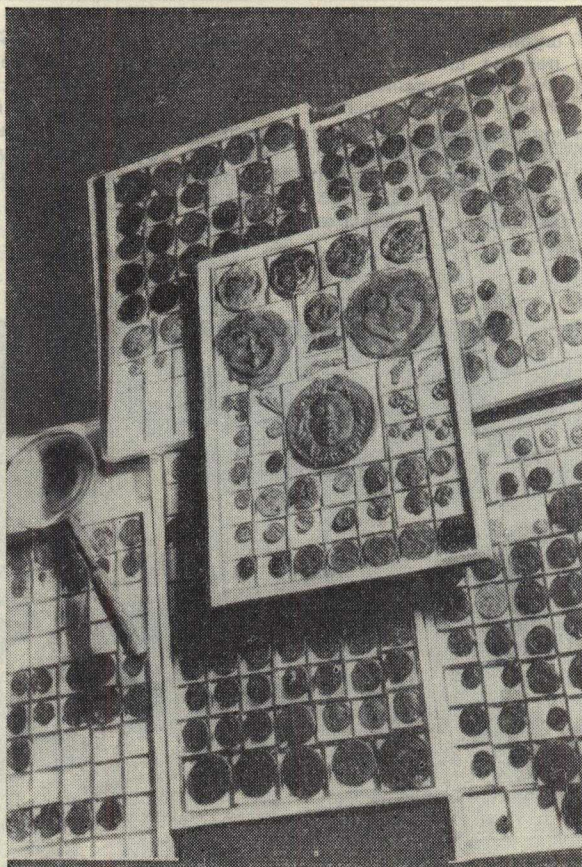
Если принять во внимание, что разновидностей одних только древних монет насчитывается несколько сот тысяч, то сразу станет очевидно, что невозможно собрать полную коллекцию всяких монет.

Даже в коллекциях крупнейших музеев мира, например Ленинградского Эрмитажа или Британского музея в Лондоне, недостает очень многих монет.

Поэтому, не отказываясь на первых порах от собирания любых монет, надо уже в начале коллекционирования избрать определенную область собирания, которая позже станет единственной. Если, например, коллекционер решил собирать русские монеты, то он должен оставлять в коллекции все разновидности монет одного номинала и одного и того же года (скажем, 2-копеечные времени Павла I с буграми А. М., и Е. М., и К. М.). Только таким путем можно постепенно составить хорошую коллекцию.

Имеющиеся монеты других областей будут служить «обменным фондом» для пополнения коллекции монетами «своей» области.

Можно поставить себе более ограниченную задачу, например, собирать не все русские монеты, а только определенных царствований, не все римские монеты, а только периода республики, не все иностранные монеты, а, скажем, только Англии и т. д.

Свои коллекции нумизматы хранят в таких планшетах.

Некоторые собиратели предпочитают коллекционировать монеты по другому принципу: например, только рубли, только талеры, только денариусы.

Но такой метод собирания мы бы не рекомендовали, потому что в погоне за внешним эффектом будет упущено основное требование к коллекции монет, а именно: она должна давать цельное представление о монетах данной страны, данного периода.

Пополнение коллекции происходит главным образом путем обмена излишних экземпляров монет на недостающие.

Чем раньше коллекционер определяет свою область собирания, тем быстрее будет пополняться и тем ценнее будет его коллекция.

Если же коллекционер «жаден» и собирает все монеты подряд, то его «обменный фонд» всегда будет очень беден, а коллекция неинтересной.

КАК ХРАНИТЬ КОЛЛЕКЦИОННЫЕ МОНЕТЫ

Коллекционные монеты надо хранить так, чтобы они не портились. Если держать их в коробках, навалом, то можно повредить изображения и надписи.

В сыром месте монеты покрываются зеленым налетом. Некоторые собиратели, желая сохранить монеты, покрывают их различными лаками, клеят БФ и т. д. Но при этом монеты приобретают

неприятный вид, а некоторые виды лаков разрушают их.

Хранить монеты можно в отдельных бумажных конвертиках, которые затем укладываются в ящички, наподобие картотеки. Можно закрепить монеты на листе картона нитками крест-накрест.

Имеются и другие способы хранения, но лучшим является способ открытого хранения, при котором вся коллекция на виду и любую монету можно найти сразу.

Для этого следует изготовить фанерные или картонные планшеты. Планшеты делают так: нарезают картон или фанеру толщиной 2,5—3 мм размером 240×180 мм.

Из того же картона или фанеры нарезают полоски шириной 5 мм и наклеивают их на заготовленные листы по всем четырем краям так, чтобы получились бортики. Для получения достаточно высокого бортика (5—6 мм) нужно на каждый край наклеить по две полоски. Затем картон или фанера обклеивается белой плотной, но тонкой бумагой, и планшет готов.

Монеты на планшете располагают в квадратных металлических ячейках — «противнях».

Металлические ячейки делают так.

Разрезают банку из-под молочных консервов (эти банки изготовлены из более мягкой и хорошо пролуженной жести), выпрямляют

жесть и нарезают ее на квадратики пяти размеров (для монет разной величины).

Во всех четырех углах квадратики вырезают уголки размером 3×3 мм. Получается следующая заготовка:

Остается только загнуть все четыре кромки, и ячейка готова.

В ячейку кладут аккуратно вырезанный кусочек белой бумаги, на котором делаются разные пометки, например: «Рубль Петра I, 1724 г.» или «Болгария, 5 левов, 1946 г.», дата поступления в коллекцию, ссылка на каталог и т. д.

Планшеты ставят один на другой и могут храниться в ящике письменного стола или в шкафу. Они не занимают много места.

Если почему-либо изготовить ячейки трудно, то можно ограничиться наклеиванием картонных полосок (параллельными рядами) на планшеты.

Для больших коллекций, в 2,5—3 тысячи монет, нужны уже специальные, нумизматические шкафы.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МОНЕТНЫХ ДВОРОВ НА РУССКИХ МОНЕТАХ

Буквы, обозначенные на монете	Что они означают	Год чеканки	Где чеканилась монета
М. М.	Московская монета	—	В Москве
М. Д.	Московский двор	—	»
М. М. Д.	Московский монетный двор	—	»
Д. М.	Двор Московский	—	»
К. Д.	Красный или Кадашевский двор	—	»
Н. Д.	Набережный двор	—	»
Б. К.	Большая казна	—	»
С П	Санкт-Петербург	—	В Петербурге
СПБ	»	—	»
СПМ	Санкт-Петербургская монета	—	»
БМ	Банковская монета	—	»
СМ	Санкт-Петербургская монета	с 1797 г. по 1801 г.	»
СМ	Сестрорецкая монета	с 1763 г. по 1767 г.	В Сестрорецке
СМ	Сузунская монета	с 1831 г. по 1848 г.	В Сузуне
КМ	Колыванская монета	—	»
КМ	Колпинская монета	1810 г.	В Колпине
ИМ	Ижорская монета	—	»
ЕМ	Екатеринбургская монета	—	В Екатеринбурге
ТМ	Таврическая монета	—	В Феодосии
АМ	Анненская монета	—	В Анненске
ВМ	Варшавская монета	—	В Варшаве
М. W.	Mennica Warszawska (Варшавский монетный двор)	—	»

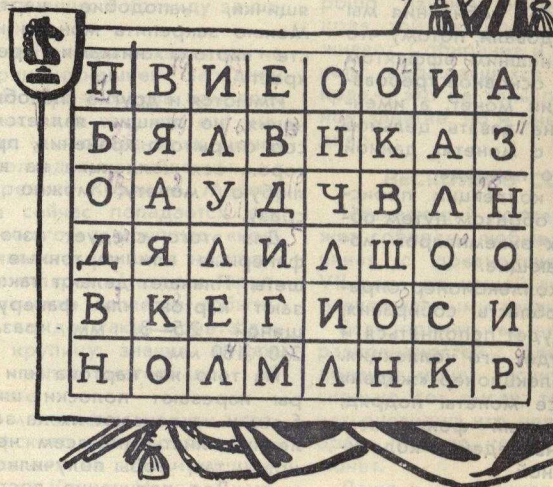
По этой таблице вы легко можете определить, на каком монетном дворе и в каком году чеканились старые русские монеты, имеющиеся у вас в коллекции.

В часы ДОСЛЕДОВА

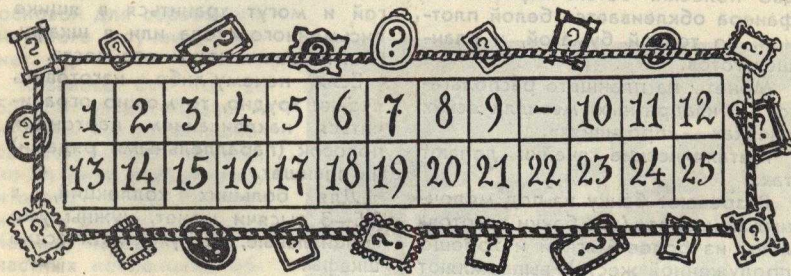
ДОРОГИЕ ИМЕНА

Начиная с верхней левой клетки и следуя дальше по ходу шахматного коня, прочитайте имена и фамилии четырех пионеров, прославивших Родину своими героическими делами.

Составил Вячеслав Ключков.
Москва.

В МИРЕ КНИГ

Назовите авторов указанных ниже произведений. Возьмите от фамилий первые буквы и разместите их соответственно номерам в клетках прямогольника взамен чисел:

1. «Малышок».
2. «Витя Малеев в школе и дома».
3. «Бесмертный корабль».
4. «Четвертая высота».
5. «Старая крепость».
6. «Школа».
7. «Пути Тараса».
8. «Детские и школьные годы Ильича».
9. «Бежин луг».
10. «Конек-горбунок».
11. «Бронепоезд 14-69».
12. «За власть Советов».
13. «Максимка».
14. «История одной жизни».
15. «Василий Теркин».
- 16.

«Мороз—Красный нос». 17. «Васек Трубачев и его товарищи». 18. «Зоя». 19. «Хамелеон». 20. «Цусима». 21. «Сердце Бонивура». 22. «Пулковский меридиан». 23. «Наступит день». 24. «Юность полководца». 25. «Ранний восход».

А теперь найдите способ прочитать по буквам всем вам, вероятно, знакомые слова о значении книги в жизни человека.

Что это за слова и кому они принадлежат?

Составил М. Давыдов.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в № 6

«Песня дружбы»

Вспомогательные слова: I. Хоккей. II. Янцзы. III. Тюлень. IV. Хорей. V. Гонг. VI. Хлопок. VII. Ехидна. VIII. Фюзеляж. IX. Горох. X. Ватерпас. XI. Вильнюс. XII. Чубук. XIII. Сталактиты. XIV. Лев. XV. Урарту. XVI. Вычегда. XVII. Май. XVIII. Сироп. XIX. Голубь. XX. Лот. XXI. Университет. XXII. Ил. XXIII. Забой. XXIV. Волхов. XXV. Кулисы.

Текст криптограммы:

Светло от солнечных лучей
В лазури голубой,
И стаи белых голубей
Летят над головой.
Играют вальс — выходят в круг
Вьетнамка и француз.
Пожатье крепких юных рук
Скрепило их союз.
(Из песни «Вальс дружбы», слова Г. Рублева.)

Загадочный будильник

Цифры означают место буквы в алфавите. После замены получается: Иван Кулибин.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Технический редактор А. Ефимова.

А 05281.

Подписано к печати 25/VI 1957 г.

Тираж 350 000 экз.

Изд. № 334.

Заказ № 1446.

Форм. бум. 84 × 108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

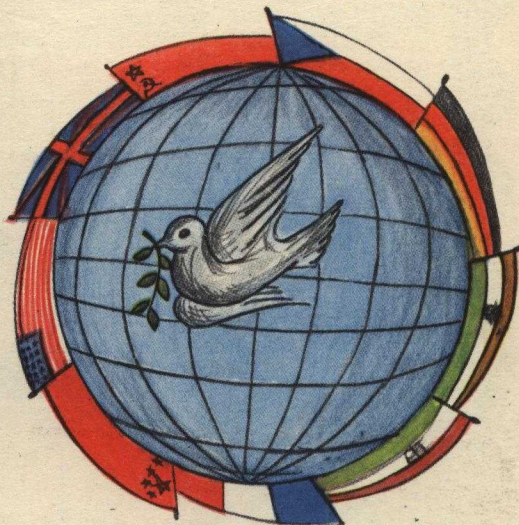
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НАВСТРЕЧУ ФЕСТИВАЛЮ

Готовясь к фестивалю, ребята рисуют картины с видами Москвы на память гостям фестиваля, делают эскизы плакатов, фестивальных значков.

Эскиз плаката. Юрий Чупров. Москва, изостудия Молотовского Дома пионеров.

Фестивальный значок. Рисунок. Александр Скокан. Москва, школа № 124, 7-й класс.

Крымский мост. Рисунок Саши Любезнова. Москва, изостудия Дворца культуры Автозавода имени Лихачева.

